

С.Ю. Туманов

**ШАМАН ПРОТИВ
МАНЬЯКА**

**Кузбассвузиздат
Кемерово
2008**

ББК
Т

Страница автора в сети Интернет:
<http://www.sytumanov.narod.ru>

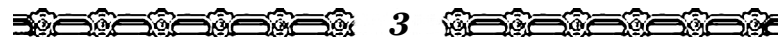
Т **Туманов С.Ю.**
Шаман против маньяка - Кемерово:
Кузбассвуиздат, 2008. - 254 с.

ISBN

Повесть «Шаман против маньяка» - третье произведение кемеровского писателя С.Ю. Туманова. В ней, на примере маленького шахтёрского городка, показана жизнь людей в России до перестройки и в период «дикого капитализма». Предназначена для широкого круга читателей.

ISBN

© Туманов С.Ю., автор, 2008
© Изд-во «Кузбассвуиздат»,
2008

Об авторе

Туманов Сергей Юрьевич родился в 1946 году в городе Киселёвске. Окончил Сибирский металлургический институт в Новокузнецке. Около трёх десятков лет отработал на основной оперативно-розыскной работе в органах госбезопасности и налоговой полиции. В настоящее время на пенсии, но продолжает трудиться в гражданских структурах. Является членом кузбасской писательской организации. Сергей Юрьевич эрудированный, энергичный, лояльно относящийся к людям человек, всегда готов оказать человеку посильную помощь. Обладает большим жизненным опытом. Что называется, «жизнь учил не по учебникам». Повесть «Шаман против маньяка» третье произведение Туманова С.Ю. Ранее вышли книги «Витёк-террорист» и «Судьба офицера». В последней повести Сергея Юрьевича на детективном фоне отображается срез жизни конкретных людей в доперестроечный период в СССР и после его развала. Со знанием дела описаны события и явления в России в последнее десятилетие двадцатого века и начале нового столетия, а также некоторые исторические события.

Повесть написана живым и образным языком, изложение спокойное и плавное. Наряду с основной фабулой отображено отношение автора к конкретным общественно-политическим событиям в стране, оказавшим серьёзное влияние на судьбы людей. В отдельных случаях отношение автора к историческим событиям и явлениям отличается от общепринятого. Много в повести информации к размышлению.

Главные герои повести преподаватель Юлий Карликов, работник органов безопасности Константин Шупиков и работник шахты Эдуард Лаукарт. Именно вокруг них и развёртываются основные события повествования. Их характеры и поведение описаны ярко и основательно. Каждый из них личность со своими сильными и слабыми сторонами. Вместе с тем, в произведении не менее двух десятков персонажей. Они органично вписываются в основную канву произведения.

Книга «Шаман против маньяка» читается с большим интересом. Она заслуживает внимания, как людей старшего поколения, так и молодёжи, как людей «в погонах», так и сугубо гражданских лиц.

Хочется пожелать Сергею Юрьевичу дальнейших успехов на нелёгкой литературной стезе.

Редколлегия

Уважаемый читатель!

Моя повесть носит художественный характер, в ней отсутствуют какая-либо политическая и идеологическая подоплёка. Обладая солидным опытом оперативно-розыскной деятельности, приобретённым в ходе работы в правоохранительных структурах СССР, а затем России, я попытался изложить в художественной форме конкретные криминальные ситуации и жизненные сюжеты. Полагаю, что моя повесть будет интересной для людей разных возрастов, профессий и взглядов. Описываемые события происходят в восьмидесятых-девяностых годах двадцатого века в период начала и конца перестройки, организованной её «творцом» Михаилом Горбачёвым, и зарождения «дикого» капитализма в России, в одной из областей Сибири.

Автор

ДИССИДЕНТ ЮЛИЙ КАРЛИКОВ

Стоял прохладный осенний вечер, Юлий Карликов, сильно уставший от активного физического труда в качестве дворника двух ЖЭКов, сидел на кровати в своей комнате коммуналки и размышлял о своей жизни и её дальнейших перспективах. Перед кроватью стоял небольшой столик, застеленный пожелтевшей газетой, на котором лежали кусок чайной колбасы, зелёный лук, чёрный хлеб, стояли солонка и сахарница. Он ждал, пока вскипит чайник, чтобы приступить к

скромной трапезе. Юлий, тридцатилетний мужчина, несмотря на то, что имел высшее гуманитарное образование (исторический факультет пединститута), из принципиальных соображений никогда не работал на «коммуняг», трудился дворником. Одевался скромно, но чисто и аккуратно, носил бороду. Его авторитетами, если не сказать кумирами, были известные в стране диссиденты Андрей Дмитриевич Сахаров, академик-ядерщик, писатели Владимир Буковский, Александр Солженицын, Варлам Шаламов, патриарх РПЦ Тихон. Люди, жившие в семидесятых-восемидесятых годах прошлого века, хорошо помнят как в средствах массовой информации «полоскали» этих и им подобных людей. Вместе с тем, они обладали большой популярностью за рубежом, за них активно ратовала организация «Международная амнистия» и другие зарубежные правозащитные организации. Да и внутри страны не все осуждали диссидентов, особенно часть гуманитарной интеллигенции.

Карликов советскую прессу не выписывал, но регулярно в читальном зале городской библиотеки просматривал подшивки «Литературной газеты», «Известий», «Труда», но принципиально не прикасался к «Правде», считая её рупором КПСС. А к коммунистам он относился резко отрицательно, считая, что они являются слепым орудием в руках различных жидомасонских организаций (лож). Такое мнение о компартии у Юлия сложилось в период учёбы в пединституте, когда он серьёзно анализировал исторические материалы, касающиеся октябрьской революции и событий, ей предшествующих. Несмотря на то, что архивные исторические материалы «просеивались» жесткой цензурой, в них

можно было найти очень интересные факты, которые при их анализе и сопоставлении, наводили на определённые негативные мысли, касающиеся «основополагающей и направляющей» силы нашего общества, то есть КПСС. Это и «диктатура пролетариата» с противопоставлением рабочего класса другим социальным слоям общества, особенно интеллигенции, а диктатура, значит насилие, тогда как же быть с лозунгом «свобода, равенство, братство»? Это и разлагающая работа в войсках в первую мировую войну 1914 года, когда верхушка и функционеры РСДРП(б) сознательно отдавали Россию под «германский сапог», действуя по принципу «чем хуже, тем лучше», и крайне несправедливое и подлое отношение к последнему российскому монарху и его семье, когда без суда и следствия, по устному распоряжению нескольких большевистских руководителей, были зверски расстреляны не только взрослые, но и дети, а также несколько лиц из obsługi. Это и голод, разруха и репрессии к инакомыслящим, последовавшие сразу после победы пролетарской революции. А чего стоят оскорбительно-презрительные высказывания «вождя» В.И. Ленина в отношении религии, священнослужителей, интеллигенции. И ладно, что если бы это были бы только слова и честная идеологическая борьба, но когда подключены ВЧК-ОГПУ-НКВД и судебнопроводные органы, то тогда как? Почему кулачество уничтожается не как класс, а как физические лица, почему российские казаки, так много сделавшие для России в военное и мирное время, причислены к врагам и уничтожению? Однажды, работая в одном из архивов, Карликов столкнулся с очень интересной в познавательном плане книгой Александра Селянинова «Тайная сила

масонства», изданной в Санкт-Петербурге ещё до революции. Речь в ней шла о крупном финансовом субсидировании русских революционеров со стороны заграничных организаций, особенно еврейских, а также тесной взаимосвязи сионистских организаций и масонских лож с целью достижения мирового господства. Далее была книга известного монархиста, депутата дореволюционной Государственной Думы В.В. Шульгина «Что мне в них не нравится», рассказывающая о зловещей роли сионизма в инспирации различных коллизий и революций. Карликов, как вдумчивый и любознательный юноша, подробно законспектировал в общую тетрадь эти книги, туда же заносил тезисы интересных статей, посвящённых истории России конца XIX, начала XX века. Учась в институте, Юлий на семинарских занятиях и лекциях по политэкономии и истории КПСС задавал преподавателям нелюбезные вопросы, но объективных и правдивых ответов не получал, т.к. «учёные мужи» боялись за свою судьбу, полагая, что в каждой вузовской группе есть информаторы КГБ, которые могут сообщить куда следует о негативных политических суждениях, и тогда жди серьёзных последствий, вплоть до увольнения с работы и запрещения заниматься преподавательской деятельностью. Где-то на третьем-четвертом курсе, Карликов написал свой небольшой трактат «Вопросы непосвящённого», суть которого сводилась к объективной оценке и исследованию движущих сил Великой октябрьской революции, в том числе масонства и сионизма, и послереволюционных событиях, вплоть до марта 1953 года (то есть до момента кончины главы СССР И.В. Сталина). В трактате он ссылался на конкретные архивные материалы, делал свои выводы,

предлагал изменить методику преподавания исторических наук с акцентом на честность и объективность освещения исторических фактов и событий, пусть и не вписывающихся в идеологическую концепцию государства. На свою скромную стипендию и зарплату ночного сторожа детсада, где он подрабатывал, Юлий купил на барахолке подержанную пишущую машинку «Москва» и напечатал на ней порядка десяти экземпляров своего трактата. Из папок для бумаг сделал картонные корочки, сброшюровал и красиво написал название. Раздал плод своего труда зав. кафедрой истории КПСС доценту Розенфельду Илье Мовшевичу, нескольким преподавателям и студентам, а один экземпляр направил ценной бандеролью в отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС. Может быть, реакция на появление нового исследователя истории была бы не столь острой, если бы Юлий не отправил свой трактат в Москву. Из отдела ЦК с соответствующими комментариями документ направили в КГБ СССР и обком партии по месту жительства Карликова. Спустя несколько месяцев, Юлия пригласили в идеологический отдел обкома, где зав. отделом, кандидат исторических наук и инструктор, не особенно подготовившись, пытались «нахрапом» разубедить и развенчать трактат Карликова. Юлий же заранее сэкстраполировал ход беседы, вежливо, культурно и аргументировано отвечал на петушинные наскоки оппонентов, типа: «Государство и партия Вам дали всё: бесплатное образование, стипендию, медицинское обслуживание и тому подобное, а Вы плюёте в колодец, из которого пьёте и будете пить». Юлий пояснил, что он ничего против партии и её членов не имеет, но ратует за объективность исторической науки. Ложь,

недосказанность, извращение событий здесь неуместны, так как одна ложь порождает другую и так по цепной реакции. Короче говоря, каждый остался при своём мнении. После этого, из обкома КПСС в Управление КГБ поступило письмо за подписью секретаря по идеологии о ревизионистских и политически незрелых суждениях студента педагогического института Карликова Юлия Александровича, 1965 года рождения. Начальник УКГБ, генерал-майор, участник Великой Отечественной войны, адресовал письмо из обкома в пятый (идеологический) отдел. Начальник отдела, со своей резолюцией – оперуполномоченному Самохину. Самохин, через свои оперативные возможности в пединституте, «подсветил», то есть изучил, Карликова и высказал своё мнение о заведении на него оперативного дела с окраской «политически вредные суждения» и взятии Юлия в разработку. Начальник отдела согласился с мнением опера, считая, что лишняя «палочка» не повредит в общей отчётности отдела. С тем и пошли к начальнику Управления. Начальник, имевший солидный жизненный и оперативный опыт, окончивший войну в звании старшего лейтенанта, хорошо помнил своих двадцатилетних солдатиков, что у них «ветер в голове» и склонность говорить то, что думают. Начальнику отдела и оперу он доходчиво разъяснил, что заводить оперативное дело на Карликова нецелесообразно, ведь у него нет никакого враждебного умысла, а только благие намерения. А оперативное дело может внести определённые ограничения в вопросах выезда за границу, доступа к секретным сведениям и т.п. Начальник отдела и опер пытались отстаивать своё мнение, но здесь генерал применил принцип

единоначалия (начальник всегда прав), и оперативное дело на Юлия заводить не стали.

Далее судьба Карликова складывалась следующим образом. Юлий успешно окончил исторический факультет и был распределён в один из районных центров, где в основном превалировала сельхознаправленность. Перед окончанием института он связал себя «узами Гименея», женившись на девушке Ларисе, которая оканчивала биологический факультет. Нельзя не заметить, что Юлий и Лариса, учась в ВУЗе, особенно не дружили, периодически встречались на вечеринках, несколько раз посещали кафе и ходили в театр. Но они реально смотрели в будущее, полагая, что в сельской местности найти себе достойную пару будет достаточно трудно. Молодую супружескую чету местные власти поселили в комнату рабочего общежития, в котором жила пёстрая публика, начиная от механизаторов и кончая неженатыми милиционерами. Вначале Юлий и Лариса с большим рвением и желанием взялись за педагогическую работу. Участвовали в совете молодых специалистов района. Но бытовые проблемы постепенно затягивали молодых педагогов, и их преподавательский пыл спал. Они стали работать как все учителя районной школы, руководствуясь только учебным планом и не выходя за его пределы. Ничем из коллектива не выделялись. Прекратили посещать собрания молодых специалистов, потому что это им надоело. Единственно, чем увлекался Юлий, работая учителем истории, это рыбалка, благо, что река и озеро находились неподалеку от райцентра, и рыбы в них было предостаточно. Здесь он «убивал двух зайцев» – ловил на уху и жарку карасей и карпов и размышлял о смысле жизни. Но одни и те же мысли

вскоре наскучили и Юлий стал брать на рыбалку магнитоу и усердно прослушивать зарубежные радиостанции «Голос Америки», «Немецкая волна», «Би Би Си», «Свобода» и ряд других, которые вещали на коротких и средних волнах радиоэфира. Однажды, слушая «Голос Америки» из Вашингтона, он наткнулся на трансляцию наиболее интересных глав из романа Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». До этого Юлий знал о содержании этого романа из официальных СМИ, где он оценивался не иначе, как антисоветский и враждебный. Диктор читал отрывки из романа не спеша, с выражением, на хорошем русском языке. Юлий неплохо помнил хорошо срежиссированную компанию в средствах массовой информации по дискредитации самого Александра Исаевича и его произведений, когда всё закончилось высылкой писателя за пределы Советского Союза. Как же так, думал Юрий, ранее вся страна зачитывалась «Одним днём Ивана Денисовича»; автору пели дифирамбы, и его принимал сам Хрущёв. Эти сведения Карликов почерпнул, работая в архивах в студенческие годы, просматривая подшивки «Литературной газеты» начала шестидесятых годов. А потом тоже произведение начали причислять к антисоветским, изъав его из всех библиотек и запрещая упоминать на уроках литературы в школах, а также на лекциях и семинарах в ВУЗах. Здесь Юлию вспомнилась беседа в идеологическом отделе обкома и стремление власть предержащих сверстать историю так, как им выгодно. Между тем диктор «ГА» спокойным голосом с нотками грусти вещал, как попадали в заключение офицеры и солдаты Красной Армии, попавшие во время войны в окружение и плен, затем бежавшие из немецких концлагерей, наивно полагая, что

родина по достоинству оценит их храбрость и преданность, но увы... Всё заканчивалось допросами в военной контрразведке СМЕРШ, фильтрационными лагерями, возбуждением уголовного дела по пятьдесят восьмой статье и длительным сроком в исправительно-трудовом лагере уже на Родине. Вот уж воистину «из огня да в полымя». Так Юлию пришла в голову мысль записывать на магнитоу устный пересказ «Архипелага», а потом перепечатывать текст на пишущей машинке, с тем, чтобы иметь полное и объективное представление об этом романе. Он не мог предполагать, что объём произведения Солженицына более тысячи листов и перепечатать его на пишущей машинке нереально. Между тем диктор, заканчивая читать отрывок из романа, сообщил расписание последующих трансляций. Юлий запомнил время, после чего вечерами дома стал записывать на аудиокассеты передаваемые отрывки из «Архипелага». После этого на несколько раз он прокручивал запись, делая письменный вариант в тетради, а затем уже печатал на машинке, стараясь сделать максимальное число закладок. Занимаясь таким трудом, Юлий никак не мог предположить, что спустя несколько лет произведения Солженицына будут изданы большими тиражами в Союзе и сам опальный писатель вернётся из США в Россию, будет награждён (но откажется от награды), и по мере своего богатого жизненного опыта, знания диалектики развития России, в течение всего двадцатого века, давать конкретные советы, как превратить страну в процветающее демократическое государство. Благодаря своей усидчивости Карликов, в конце концов, сделался обладателем довольно солидной части романа Солженицына.

Лариса, супруга Юлия преподавала биологию в той же школе, что и муж. Она как могла, старалась заинтересовать учеников биологическими знаниями, делая акцент на то, что живут они в сельской местности, родители имеют приусадебное хозяйство, и детям приходится трудиться на своих подворьях. Через некоторое время её сделали классным руководителем шестого класса, и она примерно раз в два месяца проводила собрания родителей своих учеников. Особо положительное впечатление на неё произвели родители братьев двойняшек Перепёлкиных – Павла и Тимофея. На собрания они приходили всегда чисто и аккуратно одетыми, хотя трудились простыми рабочими, интересовались учебными успехами и поведением своих чад. Кстати, Павел и Тимофей вели себя в школе очень добропорядочно, не хулиганили и не сквернословили, уважительно относились к ученикам и одноклассникам. Единственно, они категорически отказывались вступать в пионеры. Родителей их Лариса никогда не видела выпивши или с похмелья, ведь райцентр был небольшим и все жители были практически на виду. Как Лариса выяснила позже, папаша и мамаша Перепёлкины посещали молитвенные собрания евангельских христиан-баптистов («инициативников»), протестантского религиозного собрания, стоящего на радикальных позициях в вопросах взаимоотношений церкви и государства. Папаша Иван Гаврилович Перепёлкин был проповедником их общества, хотя работал то ли плотником, то ли столяром и вряд ли имел даже полное среднее образование. Однажды после одного из классных собраний папаша близнецов подошёл к Ларисе и поинтересовался техническим состоянием её жилища в общежитии.

Лариса объективно описала свою комнату и маленькую кухнюшку. Перепёлкин вежливо предложил свои услуги по ремонту их жилых помещений, пояснив, что он неплохо владеет отделочными, плотницкими и столярными работами. Здесь же он добавил, что если учительская семья не располагает достаточными финансовыми средствами, то он может произвести ремонт безвозмездно. Лариса ничего конкретного не ответила, пояснив, что посоветуется с мужем и через несколько дней даст ответ. Придя домой, она рассказала Юлию об учениках Перепёлкиных и их родителях, о предложении Ивана Гавриловича провести ремонт их жилища в общежитии. Супруг положительно отреагировал на это, но сказал, что он готов заплатить в разумных пределах за ремонтные работы, чтобы избежать возможных домыслов на этот счёт. На этом и порешили. Лариса через Павла и Тимофея передала своё согласие на ремонт комнаты. Через несколько дней к ним в общежитие пришёл Иван Гаврилович и составил список материалов, необходимых для ремонта, порекомендовав, в каких торговых точках их можно купить. Как только приобретения будут сделаны, он готов приступить к работе. Карликовы не стали затягивать эту проблему и спустя неделю ремонт начался. На побелку он пригласил свою жену Веру Даниловну. Та очень скоро, без полос произвела побелку. Оказалась она довольно разговорчивой женщиной, рассказала, что кроме Павла и Тимофея у них ещё две младшие дочери Анна и Мария. Карликовы тогда ещё не могли сообразить, что имена детей Перепёлкиных соответствуют именам персонажей библейских сюжетов, например, Павел и Тимофей были апостолами, Мария – божья мать, Анна – также упоминается в

Новом завете Библии. В один из ремонтных дней Иван Гаврилович передвигал этажерку и из неё выпала сброшюрованная книга с надписанным от руки заголовком: «А.И. Солженицын. “Архипелаг ГУЛАг”». Он спросил у Ларисы, почему заглавие написано от руки. Та, несколько смутившись, ответила, что это так называемый «самиздат». Иван Гаврилович в свою очередь сказал, что в их религиозной профессии также много изданий, напечатанных вне государственных типографий. Вот, например, одна из них и вытащил из бокового кармана тужурки небольшую книжицу, отпечатанную типографским способом в мягких корочках с названием «Бюллетень Совета родственников узников евангельских христиан – баптистов». Внизу значилось «Издательство СЦ ЕХБ». Здесь же он пояснил, что это тот же «Архипелаг ГУЛАГ», только с привязкой к их религиозной конфессии. И, кроме того, авторов «Бюллетеня СРУ» много, это плод коллективного труда многих верующих. Лариса пояснила, что, как ей известно, Солженицын один написал своё произведение, но у него было много корреспондентов-помощников, письменно сообщавших о своих горьких судьбах в условиях ГУЛАГа. Иван Гаврилович сказал, что если вас интересует это направление «самиздата», то можете взять почитать эту брошюру. Я уверен, что в ней есть рациональное зерно и много правдивых житейских историй членов нашего религиозного общества. Никаких враждебных призывов в отношении государства в «Бюллетене» нет, только правдивые, пусть и горькие религиозно-жизненные ситуации, связанные с гонениями на религию и верующих, в разрезе государственной атеистической политики. Лариса взяла книжицу, пояснив, что они с мужем обязательно её

прочтут, после чего возвратят Ивану Гавриловичу. На том и порешили.

В течение недели Лариса и Юлий прочитали «Бюллетень», сделав для себя соответствующие выводы. Это, в первую очередь, довольно высокий художественный уровень, отсутствие резких выпадов в адрес советской власти, спокойная тональность излагаемого, частые ссылки на конкретные главы священного писания. Например, в рассказе как семья одного из руководителей общины выявила в своём электросчётчике вмонтированное подслушивающее устройство, делается ссылка на то, что «нет ничего тайного, что бы не стало явным».

Изложение же в «Архипелаге» Солженицына было довольно резким, там чётко просматривалась основная мысль – что массовые репрессии против народа сразу же после победы октябрьской революции стали следствием зловных доктрин Ульянова (Ленина), Свердлова (Мовшина), Зиновьева (Апфельбаума), Сталина (Джугашвили), внушённых им прямо или косвенно международными сионистскими структурами, тесно связанными с масонскими ложами. Император Николай II не придавал должного значения поступающей информации патриотических сил в отношении готовящегося скоординированного заговора против России международными сионистскими организациями, германского генштаба, и российскими политическими партиями: большевиков, эсеров и других. Император был излишне мягок и либерален, он даже в мыслях не мог предположить об ужасном конце монархии, его самого и ближайших родственников. Солженицын в своём романе очень метко, недвусмысленно и целенаправленно «бил» по конкретным лицам, виновным в физическом уничтожении народа,

вскрывая движущие силы злодеяний, как политического, так и экономического характера. Юлий понял, что разрушенной революцией, второй мировой и гражданской войнами, экономике страны нужна была дешёвая рабочая сила, коей являлись заключённые, и, кроме того, надо было избавиться от мыслящей интеллигенции, превратив народ в слепых марионеток режима и «быдло».

Когда Лариса и Юлий возвращали Ивану Гавриловичу «Бюллетень СРУ», он им принёс вторую брошюру нелегального издательства «Христианин» – «Вестник истины», в которой в доходчивой форме разъяснялись конкретные религиозные догмы, ситуации и тому подобное. На предложение Юлия взять для прочтения «Архипелаг ГУЛаг», Перепёлкин вежливо отказался, пояснив, что евангельские христиане-баптисты совершенно не интересуются политикой, их основное кредо – изучение священного писания и жизнь по заповедям Библии. А как он слышал от своих единомыслителей, «Архипелаг» – симбиоз политики, информации о массовых осуждениях не виновных, и других нехороших и даже дьявольских проявлений в жизни России. Учителя не стали «навешивать» Ивану Гавриловичу «Архипелаг», сделав для себя соответствующие выводы о менталитете и психологии верующего человека.

Всё шло хорошо у супружеской четы Карликовых. Ремонт в комнате был произведён, в ней стало гораздо уютнее. Мастера Перепёлкины за работу взяли символическую плату. В школе дела шли нормально. Супруги всерьёз стали подумывать о прибавлении в их благородном семействе.

Однажды, по радио «Немецкая волна» Юлий услышал очень интересную и любопытную передачу о Троцком Л.Д. Говорилось, что эту фамилию журналист Бронштейн Лейба Давыдович присвоил себе, похитив паспорт у российского дворянина Троцкого, сбежав из ссылки и желая эмигрировать в Австрию. (Тогда в паспорте фото не было, требовались только подчистки и запись своего имени и отчества). Фактически Троцкий, а не Ленин, был первым лицом в организации октябрьского переворота в Петрограде и свержении временного правительства, давшим россиянам очень много демократических свобод, которые они не сумели реализовать. Кроме того, Троцкий явился автором тезиса о перерастании первой мировой войны в гражданскую войну в России. Хотя вряд ли журналист со средним образованием, окончивший всего-лишь реальное училище, мог самостоятельно додуматься до такой страшной мысли. В результате братоубийственной войны погибло порядка 12 миллионов человек. Хотя у большевистского правительства имелись достаточные золотовалютные запасы, но они, а также насильно изъятые церковные ценности, переправлялись за границу, якобы для нужд промышленности молодой республики, а на самом деле для компенсации за полученные на революцию деньги. Русский дворянин Троцкий, у которого Бронштейн украл паспорт, во время гражданской войны дважды пытался подорвать бронепоезд, на котором передвигался нарком военно-морских дел Троцкий Л.Д. по фронтам гражданской войны, но тот, зная, какие беды он уже принёс России и какие намерен принести в будущем, принимал самые серьезные меры безопасности, вплоть до обустройства бронепоезда-двойника,

который и взорвал Российский дворянин. По радио также прозвучало интервью с ним (проживал в Австрии), где он очень отрицательно высказался о Троцком (Бронштейне) и других большевистских деятелях, пояснив, что судьба их всех очень жестоко покарала, но поздно. И всё-таки он, как патриот России, до сих пор жалеет, что не взорвал бронепоезд с Троцким во время гражданской войны, тогда бы тот не принёс столько вреда и ужаса Российскому народу и государству. В этой же радиопередаче делались довольно обоснованные выводы о связях Троцкого со спецслужбами Америки, Англии, сионистскими организациями и масонскими ложами; получение от них огромных по тем временам денег на осуществление пораженческой работы в царской армии, октябрьского переворота и ведение братоубийственной гражданской войны. То же говорилось и о Ленине, только с «привязкой» его к германскому генштабу и сионистскому олигарху-миллионеру Парвусу (И.Л. Гельфанд), под чью «дудку плясал» Ленин, разрушая Россию, пользуясь его и германскими деньгами. Передача была довольно длинной и информативной. Юлий сразу же на свежую память от руки набросал тезисы содержания радиопередачи, а спустя несколько дней, напечатал двенадцатистовый материал на эту тему для памяти и чтобы при случае перепроверить эти интересные сведения.

Но в жизни зачастую светлые полосы соседствуют с чёрными. Так и случилось с Карликовым. Однажды, когда супруги были на работе, неизвестные украли магнитофон, вещи и небольшую сумму денег (откуда у учителей большие деньги...). Причём входная дверь не была повреждена, а открыта с помощью ключа, либо

отмычки. Юлий сразу же сделал заявление в милицию. Приехала опергруппа с собакой, произвели опрос свидетелей, зафиксировали состояние места преступления, выявили несколько отпечатков пальцев. Поисковая собака след не взяла, так как перед входной дверью была рассыпана крепкая махорка, отбивающая другие запахи, что навело членов оперативно-следственной группы на определённые мысли. После кражи Юлий обнаружил пропажу двух экземпляров машинописных глав из «Архипелага ГУЛаг» и тетрадку с записями о Троцком Л.Д. Не желая «светить» своё увлечение историческими исследованиями перед правоохранительными органами, Юлий не стал сообщать об этом, справедливо полагая, что печатные материалы не имеют какой-либо материальной ценности. Между тем оперативники местного райотдела активно вели розыск похитителей, задействовали своих информаторов, обрабатывали местный вещевой рынок и известных им скупщиков краденого. И положительный результат не замедлил сказаться. Вначале одна пожилая женщина, торгующая махоркой, рассказала оперативнику, что у неё недавно покупал стакан махорки молодой парень с очень любопытной наколкой на кисти руки (северное сияние). Такие наколки молодёжь сейчас не накалывает, поделилась пожилая дама с оперативниками. Как могла, описала внешность покупателя, резонно заметив, что её основные клиенты – пожилые мужчины, а тут молодой человек. Но основная удача к оперативникам пришла чуть позже. Один из их агентов, дважды судимый за уголовные преступления и пользующийся авторитетом в криминальной среде, сообщил, что его знакомый «барыга» ненавязчиво интересовался, не нужен ли ему

кассетный магнитофон «Парус» и мужской исландский свитер. Эти же вещи были похищены у Карликовых. Оперативники активно «поработали» со скупщиком, обнаружив у него магнитофон, свитер и красивую импортную женскую кофту, принадлежащую Ларисе Карликовой. Желая остаться на свободе, скупщик без протокола рассказал, что эти вещи к нему принёс молодой парень по имени Вася, недавно освободившийся из мест заключения, где отбывал наказание за драку.

Оперативники радостно потирали руки, вот, мол, раскрыли очередную кражу, улучшили статистику раскрываемости и сделали доброе дело молодым учителям. И, действительно, по полученным данным не составило особого труда установить злоумышленника. При обыске в его доме наряду с некоторыми украденными у Карликовых вещами обнаружили материалы по Троцкому и отпечатанные на машинке главы из «Архипелага ГУ-Лаг». Сукорукову Василию – вору, задали вопрос, откуда у него, человека с восьмиклассным образованием, эти материалы. После некоторого запирательства он рассказал, что из любопытства взял их с этажерки в комнате, где совершил кражу. Всё это отметили в протоколе обыска и допроса. При удачном стечении обстоятельств, печатные материалы, вместе с украденными вещами, могли бы возвратить потерпевшим Карликовым, но опять вмешался «его величество случай». Инспектор угрозыска, выявивший вора, в одной из бесед рассказал начальнику райотдела о любопытных брошюрах, изъятых у Василия Сукорукова, а также об их владельцах. Начальник РОВД попросил принести их к себе в кабинет и ознакомился с ними. «Архипелаг» он внимательно читать не стал, так как о нём достаточно

говорилось в средствах информации страны, а вот с материалами о Троцком и Ленине внимательно ознакомился. После этого своей секретарше он продиктовал препроводительный документ на имя начальника Управления КГБ области, примерно такого характера: «Направляю Вам документальные материалы, изъятые в ходе обыска у гражданина Сукорукова, 1967 года рождения, обвиняемого в совершении кражи у граждан Карликовых, для принятия соответствующих мер, согласно уголовно-процессуальному кодексу. Приложение: три брошюры на столько-то листах». Получив материалы, в УКГБ оценили их с юридической и идеологической сторон и сделали соответствующие выводы по ним. Здесь же, в письменном виде, выразили благодарность начальнику областного УВД за предоставление оперативно-ценной информации и пожеланием поощрить начальника РОВД за проявленную политическую бдительность. Начальник УВД, ни сном, ни духом, не знал о документе из райотдела на имя начальника УКГБ и по телефону распёк бдительного начальника РОВД за то, что он, минуя начальника Управления ВД, сразу же «вышел» на УКГБ, тем самым, поставив своего генерала в неудобное положение. Начальник райотдела оправдывался, что это, дескать, не наша подследственность, но генерал жёстко, с применением непечатных выражений, сказал, что у начальника РОВД есть один руководитель, то бишь он, и, ни в коем случае, нельзя его игнорировать. «Вот если бы ты вначале проинформировал меня, а мы бы, в свою очередь, УКГБ, то был бы совершенно другой “коленкор”, и поощрение тебе, а сейчас ты, кроме взыскания, ничего не заслуживаешь». Начальник райотдела думал: «Вот, уж, от великого до смешного

один шаг, хотел – как лучше, а получилось – как всегда». Начальник УВД был человек строгий, но отходчивый, зла долго в душе не держал, и не стал наказывать своего подчинённого, считая, что устная выволочка ему не повредит, ведь в их системе так и надо работать. Вот и он, начиная работу инспектором уголовного розыска, тоже неоднократно получал устные и письменные взыскания, нередко незаслуженные, но, тем не менее, дорос до генерала, начальника областного УВД, а без строгих начальников такое вряд ли случилось. Начальника РОВД, согласно рекомендации чекистов, поощрять не стал, мол «сами с усами и знаем, что делать», но по управлению издали приказ о порядке взаимного информирования с другими правоохранительными органами, где красной нитью проходила мысль, что прежде чем устно или письменно проинформировать «соседей», нужно поставить в известность руководство и секретариат УВД. Но это так, к слову...

Но вернёмся снова к нашему герою Юлию Карликову. С одной стороны, он был расстроен свершившейся кражей и пропажей брошюр с плодами его труда. С другой стороны, он был доволен, что милиция вернула ему почти все похищенные вещи, за исключением денег, которые Василий Сукоруков почти сразу же пропил со своими приятелями и знакомыми девушками. Но жизнь продолжалась. Жена Юлия, Лариса, была уже в «интересном положении», и супруги активно занялись подготовкой к прибавлению в их семействе, покупали пелёнки, распашонки, ванночку, и тому подобные вещи, необходимые для встречи нового члена семьи.

Но тут у Юлиа вновь возникли проблемы. Из райотдела милиции каким-то образом утекла информация о брошюрах, украденных у Карликовых. Видимо, у кого-то из членов учительского коллектива работал родственник или хороший знакомый в милиции, который и рассказал такую необычную для райцентра новость. Вскоре, эти сведения дошли до директора школы, сорокалетней молоджавой энергичной дамы, члена райкома партии и депутата райсовета. Она резонно подумала, что такие увлечения учителя истории их школы могут, в принципе, бросить тень на весь педагогический коллектив, а, в конце концов, и на неё, как руководителя (не досмотрела, не уделяла внимания молодым специалистам, слабо вела разъяснительную работу и так далее). И она решила провести с Карликовым беседу общего характера, ненавязчиво затронув сведения в ней сведения в отношении брошюр. Здесь она «убивает сразу двух зайцев» – проводит воспитательную работу среди молодёжи и намекает Карликову о возможных неприятностях, могущих возникнуть у него в случае распространения информации о брошюрах вовне. Как достаточно опытный педагог, набросала планчик беседы с историком, чтобы она достигла желаемого результата и не носила административного характера. Дней через десять, директриса пригласила Карликова к себе в кабинет. Разговор начался с житейских тем. Директор поинтересовалась, как здоровье будущей мамы, кого хотели бы иметь супруги – мальчика или девочку. Далее она пояснила, что у них в районе нового жилья вводят в строй недостаточно, но она, как депутат, приложит усилия, чтобы супругам Карликовым, после рождения ребёнка, выделили

отдельную квартиру. Юлий ответил, что будет премного благодарен. После этого директор, внутренне волнуясь, как бы по секрету, рассказала собеседнику, что до неё дошли неофициальные сведения, что при краже из его комнаты, похищены несколько брошюр идеологически нездорового содержания, которые, впоследствии, милиция обнаружила и изъяла у похитителя. Здесь же она поинтересовалась, был ли такой факт, и содержанием похищенных брошюр. Юлий, несколько смутившись, ответил, что, на его взгляд, ничего страшного в брошюрах нет, это отрывки из романа Солженицына «Архипелаг ГУЛАг» и некоторые сведения о вождях революции, Ленине и Троцком. Дама недовольно поморщилась, но ничего не сказала. Карликов пояснил, что эти материалы нужны ему для осмысления исторических процессов в нашей стране, и интересны ему, как историку.

– А, если не секрет, где Вы их заполучили? – поинтересовалась директор.

– Секрета здесь никакого нет, – ответил Юлий. – Я их услышал по зарубежному радио, записал на магнитофон, после чего напечатал на машинке. Эти брошюры не предназначены для распространения, и я их никому не давал читать. Если бы не досадное происшествие с хищением, то вообще всё было бы спокойно.

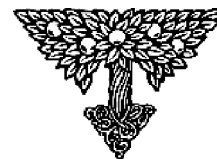
– Это хорошо, – заявила директор. – Но как бы чего не вышло. Ведь, если узнают об этом вышестоящие инстанции, то ни Вам, ни мне не поздоровится.

– А почему Вам? – спросил Юлий.

– Ну, как, не досмотрела, не уделяла, не занималась..., словом, формулировку сверстают.

Затем, она перевела разговор на производственные и бытовые темы, и, вскоре, завершила беседу, высказав русскую народную поговорку: «Сказка – ложь, да в ней намёк, добру молодцу урок».

Теперь, на время, отвлечёмся от Юлия Карликова, о котором у читателя, видимо, сложилось определённое впечатление, и перейдём к другим персонажам нашей повести. Естественно, мы ещё не раз встретимся с Юлием, ведь не зря ему уделено столько внимания в нашем повествовании.

ОПЕР КОНСТАНТИН ШУПИКОВ

Оперуполномоченный 5 отдела УКГБ одной из сибирских областей, капитан Шупиков Константин, сидел в своём рабочем кабинете, в один из летних дней конца восьмидесятых годов прошлого века. Отдел, в коем трудился Шупиков, занимался борьбой с идеологической диверсией противника под различными прикрытиями, а, также, недопущением террористических проявлений. На рабочем столе Константина стояло два телефона, городской и внутренний, лежал ежедневник в корочках из кожзаменителя, в котором он, в задумчивости, набрасывал план своей работы на неделю. Шупиков пришел в органы госбезопасности в 1985 году, имея за плечами политехнический институт и трёхлетний стаж работы на заводе «Гормаш». Ничем от своих сверстников и однокашников он не отличался, разве что в школьные годы мечтал стать артистом, так как его дед и бабушка по отцу в тридцатые годы двадцатого века работали на Дальнем Востоке, в Благовещенском драматическом театре. Костя неоднократно просматривал семейные фото и видел красивых мужчин и женщин, снятых во время спектаклей и репетиций, в гримёрках на фоне афиш, а, также, во время дружеских застолий после спектаклей. Даже по фотокарточкам было видно, что у артистов жизнь иная, чем у других категорий граждан. У Кости, по всей вероятности, были артистические данные, к тому же, приятный голос и музыкальный слух. Но судьба распорядилась иначе. После окончания школы, он поступил на машиностроительный факультет политехнического института, успешно окончил ВУЗ, и был распределён на завод

горного машиностроения, в один из шахтёрских городов. К слову хочется сказать, что распределение молодых специалистов по местам работы, и их гарантированное трудоустройство – большой плюс нашей жизни при социализме. А сейчас очень тяжело наблюдать, как молодые люди с дипломом ВУЗа или техникума, «как савраски», носятся по городу в поисках работы, зачастую, устраиваясь не по специальности, абы куда. Не секрет, что в настоящее время у нас «перепроизводство» юристов, экономистов, психологов, чего не скажешь об инженерах, педагогах, медсёстрах, библиотекарях.

Учась в институте, Костя активно участвовал в КВНах, проводимых комитетами профсоюза и комсомола. Заложенные в генах артистические задатки помогали Косте, и над его отдельными сценками заразительно смеялись зрители. На заводе он, также, влился в группу весёлых и находчивых в художественной самодеятельности, в составе которой участвовал в городских конкурсах. Но художественная самодеятельность – самодеятельностью, а работа – работой. Константин с желанием вникал в сложное машиностроительное производство, когда из металлических заготовок, листовой стали, под умелыми руками профессионалов, рождались шахтовые вагонетки, подъёмные клетки, лебёдки, без которых не обойтись ни на одной из угольных шахт.

В поле зрения органов госбезопасности, Шупиков попал во время одного из городских торжественных заседаний, посвящённых 67-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. После заседания, на котором, по традиции, с докладом выступил первый секретарь горкома партии, состоялся праздничный концерт силами городской художественной самодеятельности.

Один из номеров был заводской, весёлый отрывок из выступления самодеятельных артистов был доброжелательно принят зрителями. Сотрудники местного отделения КГБ обеспечивали безопасность проведения этого торжества, с тем, чтобы не случилось какого-либо чрезвычайного происшествия (пожар, теракт, экстремистские проявления). На концерте работники ГБ сидели в зале, сочетая службу с созерцанием представления. В составе заводской команды КВН им запомнился молодой человек, не тушевавшийся перед аудиторией, свободно исполнявший частушки и незатейливые короткие рассказы на злобу дня. Спустя несколько дней после торжественного заседания, один из оперработников подошел к начальнику горотдела и предложил рассмотреть кандидатуру молодого инженера-машиностроителя Шупикова К.В. на работу в органы госбезопасности, тем более что у них в подразделении имелась вакантная должность, которая уже около полугода не заполнялась. Ввиду этого, работникам ГО УКГБ приходилось работать «за себя и за того парня». Начальник горотдела, посоветовавшись с представителями отдела кадров Управления КГБ, дал добро на взятие Шупикова в оперативное изучение, как кандидата на работу. Когда определённый объём характеризующих данных был собран, начальник ГО пригласил Константина на беседу. Начальник, проработавший в органах около десяти лет, в прошлом, был горным инженером на одной из шахт, поэтому беседа началась с производственной тематики. Шупиков, довольно неплохо для молодого специалиста, владел производственным процессом на заводе, знал номенклатуру выпускаемых изделий и сферу их применения на угольных шахтах. Константин адекватно участвовал в разговоре, не комплексовал перед майорским

званием собеседника. В разговоре был культурен, каких-либо жаргонных выражений не допускал. На вопрос представителя КГБ, как он представляет работу органов, Константин ответил, что, исходя из художественной литературы, газет и кино, а, также, своих размышлений, она, то есть работа, основывается на работе с людьми, которые информируют органы по интересующим их проблемам. Хотя и не исключено применение других методов, например, съём информации с кабелей связи, но о них Константин имеет самое смутное представление. Здесь же начальник поинтересовался, как Шупиков сходится с людьми, на что Константин ответил, что затруднений в знакомстве и общении с людьми он не испытывает, и что в каждом собеседнике он видит, прежде всего, человека, а не источника какой-либо информации. В заключении, начальник ГО пояснил Шупикову, что хотел бы предложить ему рассмотреть вопрос о возможном переходе на работу в органы госбезопасности СССР. Константин ответил, что над этим предложением нужно серьёзно подумать, и, кроме того, он не обладает никакими профессиональными навыками для работы в КГБ. Начальник сказал, что не требует сиюминутного ответа, а в отношении профессиональных навыков пояснил, что при желании можно освоить всё, в том числе премудрости оперативно-розыскной работы, и, кроме того, в структуре КГБ довольно неплохо построена система профессиональной подготовки, имеется сеть Высших курсов и Высшая школа. По ходу беседы начальник, не делая особого акцента, сказал, что в органах зарплата начинающего работника (младшего оперуполномоченного) не меньше, чем у молодого специалиста завода или шахты. В конце разговора договорились, что через две-три недели Константин сообщит о своём

решении, на том и распрощались. Начальник был внутренне удовлетворён содержанием беседы, ему вспомнилась процедура своего зачисления в органы, о чём он до сих пор нисколько не жалеет. Для себя он сделал вывод, что молодёжь сейчас более «продвинута», нежели десять лет назад, и это вполне объяснимо движением общества вперёд и возрастанием потока информации. Да и сама жизнь несколько изменилась по сравнению с семидесятыми годами.

После беседы с представителем госбезопасности, Константин, в первую очередь, сам тщательно продумал поступившее предложение, затем посоветовался с родителями. Родители, основываясь на своём жизненном опыте, в принципе, были не против возможного перехода сына в КГБ, но папаша сказал, что, исходя из исторических событий в государстве, многие из руководителей ВЧК-НКВД-МГБ очень плачевно заканчивали свою жизнь, а это не могло не сказаться на рядовых работниках этих структур, как в моральном аспекте, так и в разрезе Закона. Кроме того, КГБ – организация военная, и служащие в нём люди могут быть переведены в любую точку Союза, и, по всей вероятности, перемещают, в первую очередь, неженатых мужчин, к которым относится их сын. Но, с другой стороны, предложение, поступившее их сыну, свидетельствует о кредите доверия к семье Шупиковых со стороны органов. Да и сама работа в органах довольно интересна, хотя её, во многом, приукрашивают в художественной литературе и кинофильмах, но здесь по-иному быть и не должно. Но, в конце концов, на семейном совете приняли решение, положительно отнестись к предложению начальника городского КГБ. Через два дня после принятия решения, Константин пришел в горотделение, и

сказал начальнику, что не против перейти на работу в органы госбезопасности. После этого, несколько месяцев шла проверочная работа в отношении кандидата, прохождение им медицинской комиссии и психологического тестирования, сбор рекомендаций и т.п. После подписания приказа в центральном аппарате КГБ о зачислении Шупикова в органы госбезопасности, он, в течение двух-трёх месяцев, отработал в городском подразделении, а, затем, направлен на трёхмесячные курсы КГБ СССР в Киев. Сама столица Украины произвела на Константина сильное впечатление, он активно посещал достопримечательности города, в том числе Киево-Печерскую лавру, православные и католические храмы, памятники древнего зодчества. Бывал он на концертах органной музыки, украинской песни и пляски, драматическом театре. Ну а больше всего пользы Константину принесло общение со слушателями и преподавателями. Слушатели представляли практически все регионы СССР. От них он почерпнул много нового и интересного. Так, слушатель из Чечено-Ингушской АССР, бывший учитель русского языка Иван Лебедев, когда был выпивши, рассказывал о чекистско-войсковых операциях, проводимых в гористых районах республики по противодействию и уничтожению бандподполья в Чечне (а это середина восьмидесятых годов!). Говорил о большом влиянии мусульманского духовенства в республике и, как бы, тройственном уровне власти в Чечне: КПСС, мусульманская церковь, родовые кланы. И ещё не понятно, на чьей стороне был приоритет. Представители среднеазиатских республик, вроде бы, лояльно относились к «большому брату» – РСФСР, но, иногда, в их суждениях звучало, что без экспансии русских им бы жилось хорошо, а, может быть, и лучше, чем в настоящее время. Причём говорилось это

добродушно, с улыбкой и азиатским лукавством. Грузины и армяне усердия в учебном процессе не проявляли, часто ходили на футбол, на стадион «Динамо» и проявляли много внимания гарным украинским дивчинам. Те же, в свою очередь, лояльно относились к горячим кавказским хлопцам, тем паче, что у них всегда водились деньги, и они могли угостить дам. Литовцы, латыши держались культурно и обособленно, между собой общались на своём языке, к представителям других национальностей относились несколько насмешливо и высокомерно, общались с ними нехотя. В свободное от учёбы время, играли в настольный теннис, посещали недорогие кафе и ресторанчики, но пьяными никогда не бывали. Россияне также скомпоновались группами по интересам (любители пива, футбола, волейбола, джаза и т.п.) и совместно проводили свободное время. С Константином жили в одной комнате слушатели из Казахстана, Белоруссии, а, также, из города Балаково Саратовской области. Виктор Алексахин из Балаково имел при себе толстую общую тетрадь, в которую кратко заносил тезисы из прочитанных им художественных книг. Особо его интересовала литература о Сталине, его соратниках, репрессиях в период его правления. Он, как бывший педагог-историк, старался докопаться до причин повальных репрессий против народа, и кому это было на руку. Чувствовалось, что он очень болезненно и негативно относится к Сталину и сотоварищи, всё очень близко принимая к сердцу. Слушатель – казах Серкимбаев из Восточно-Казахстанской области, добродушный молодой человек, выпускник юридического факультета, как мог успокаивал Виктора, мол, что себя «терзать», ведь уже ничего не изменишь, да и сейчас нет никаких нарушений соц.законности. Алексахин отвечал ему, что «народ без

истории, что птица без крыльев» и ему хочется докопаться, кому было выгодно уничтожить генофонд россиян. А в отношении соцзаконности, добавлял слушатель из Балаково, «ещё бабушка надвое сказала». Казах махал рукой и отходил от «упёртого» Виктора, полагая, что им движет обида за кого-нибудь из репрессированных родственников. Следует заметить, что Виктор был из категории «правдоискателей», честных, думающих, и порядочных людей, выходцем из интеллигентной семьи.

Преподаватели Высших курсов, в своём большинстве, были, в прошлом, опытными оперативными работниками КГБ Украины, многое знали и видели, и жизнь, что называется, «учили не по учебникам». Один из них неоднократно повторял слушателям, что за каждой информацией стоит человек, и прежде чем дать ход полученным сведениям, надо их на сто раз оценить, обдумать и взвесить, а не бежать «вперед собственного визга» к начальнику для доклада «жареной» информации. Скороспешность и необъективная оценка могут покалечить судьбу конкретного человека, и может привести к другим плачевным событиям. Конечно, среди преподавателей были и «теоретики», «не нюхавшие порошу» на практической оперативно-розыскной работе, но таких было мало. Система преподавания быластройной и отлаженной: лекции, практические занятия, большой объём учебно-методической литературы в спецбиблиотеке, периодический показ учебных фильмов, встречи с опытными действующими оперативными работниками госбезопасности Украины, а, также, с ветеранами-чекистами, работавшими в органах во время Великой Отечественной войны и послевоенное время.

Однажды, при посещении концерта органной музыки, на котором солировала артистка из Польши, у Константина

произошло любопытное знакомство, на котором остановимся подробнее. Рядом с ним сидел мужчина лет сорока с ничем не запоминающейся внешностью, в очках, скромно и аккуратно одетый. На вид это был либо совслужащий, банковский клерк, адвокат.

В начале, в промежутках между номерами, сосед поинтересовался у Константина, нравится ли ему органная музыка, как играет исполнительница-полячка и т.п. Константин отвечал, что ранее ему не приходилось встречаться воочию с такой музыкой и объёмным звуком. Несколько раз видел только отрывки из концертов органной музыки по телевизору и слушал записи на пластинках. Так, постепенно, слово за слово, и познакомились. Собеседником оказался старший преподаватель (и.о. доцента) одного из киевских ВУЗов, кандидат философских наук, Сергей Владлен Александрович. По окончании концерта, они вышли из зала и продолжили беседу. Сергей дал Константину прямоугольник плотной бумаги (типа визитки), на которой на пишущей машинке напечатано: «Кандидат философских наук такой-то, мастер пятой степени посвящения общества вольных каменщиков “Северная звезда”, г. Ленинград», и далее указывался номер телефона в Киеве. У верхнего обреза карточки изображен знак, состоящий сверху – из циркуля, снизу – из прямоугольника, а внутри – латинская буква G. Константин, из прочитанной лет десять назад художественной книги «Негромкий выстрел», повествующей о работе разведки Российской империи против своих основных стран-противников накануне первой мировой войны, знал, что «вольными каменщиками» именовали себя члены масонских лож в различных странах мира, в том числе и России. Но чтобы в середине восьмидесятых годов двадцатого века, в период построения

развитого социализма в СССР, и, вдруг, масонская ложа «Северная звезда» – это уже из разряда сверхнового. Шупиков, несколько смутившись, сказал собеседнику, что из одной художественной книги знает, что «вольные каменщики» – это масоны, но он полагал, что эти организации в нашей стране прекратили своё существование после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Доцент мягко пояснил, что общество «вольных каменщиков» существует уже более двухсот лет в различных странах, в него входили такие известные люди, как император Петр I, великий поэт Александр Сергеевич Пушкин, пролетарский писатель, «отец соцреализма» Алексей Максимович Горький, известный политик, председатель Временного правительства Александр Фёдорович Керенский. Да и вожди мирового пролетариата К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин и их соратники состояли в разное время в масонских ложах. У многих людей в различных странах, особенно социалистического лагеря, сложилось одиозное мнение о масонских ложах и их членах. Но, на самом деле, «вольные каменщики» свято соблюдают такие постулаты, как свобода, веротерпимость, братство и равенство между свободными людьми, добрые нравы и чистые помыслы, путь добродетели и нравственного поиска. Какой-либо политической деятельностью организация не занимается, хотя в неё входили и входят известные политики, крупные руководители, видные учёные и тому подобные люди. Здесь же Сергей вежливо поинтересовался, кем работает Константин. Шупиков ответил, что он военнослужащий-связист, находится в командировке в Киеве, а живёт в одном из городов Иркутской области. Собеседник удивился, пояснив, что в первый раз видит военного, интересующегося органной музыкой.

Константин пошутил, что в первый, но не в последний... После этого, они ещё поговорили минут пятнадцать. Сергеев сказал, что его визитку Константин может оставить у себя, что он всегда готов к общению и, в меру своих знаний и способностей, может рассказать об обществе «вольных каменщиков».

– Это моя жизнь, и, в то же время, увлечение, – пояснил он. – Я верю в Бога-всевышнего, но ни в какой конфессии не состою.

Константин ответил, что ему приятно познакомиться с интересным человеком, но, в связи с большой занятостью по службе, он не может обещать повторной встречи. Но, если будет возможность и свободное время, он обязательно позвонит Сергееву. Тот вежливо поблагодарил и ненавязчиво поинтересовался:

– А не дадите ли Вы свой номер телефончика?

Константин ответил, что телефоны войсковой части не подлежат разглашению среди гражданских лиц, тем более, что у него в Киеве нет прямого телефона. Кандидат наук понимающе закивал головой и шутиливо сказал:

– На нет и суда нет.

Расстались и распрощались довольно доброжелательно, доцент долго жал руку Константину.

Всё время, пока Константин добирался до общежития Высших курсов, из его головы не выходило знакомство с Сергеевым, его неординарное увлечение масонским учением, несмотря на то, что он преподаватель одного из ВУЗов и кандидат философских наук. Для себя Константин решил, что нужно побольше узнать о масонстве; о своём интересном знакомстве с Сергеевым, пока не распространяться. Ему хорошо запала в голову фраза «не бежать впереди собственного визга» с полученной информацией, а

тщательно оценить её. На следующий день, он взял из общей библиотеки курсов книгу Е. Иванова «Негромкий выстрел» и повторно перечитал её. Один из основных сюжетов в контексте этой книги – использование разведкой и военно-промышленными кругами кайзеровской Германии членов масонской ложи «Астрея» в Санкт-Петербурге для ведения подрывной работы в России, в плане получения через них ценной военной и политической информации, необходимой Германии для подготовки к войне. Кроме того, через влиятельных масонов, располагающих связями в окружении императора Николая II, германская разведка получила сведения, позволившие им выявить особо ценного агента российской разведки, действовавшего в Генеральном штабе Австро-Венгрии, основного союзника Германии. Под угрозой нависшего разоблачения, агент покончил жизнь самоубийством, что легло в основу названия этой книги. «Да, – подумал Константин, – информация, заслуживающая размышления, но книга ведь художественная, в ней автор может высказывать сугубо свои мысли, а не руководствоваться объективными фактами». Через некоторое время, на занятии по истории органов госбезопасности, Константин спросил у преподавателя, кандидата исторических наук, что за организация масонов и направленность её деятельности. Преподаватель, чуть подумав, ответил, что, насколько он осведомлён, масоны – тайная реакционная оккультная организация, зародившаяся в Древнем Израиле. В девятнадцатом-двадцатом веках нашей эры имеет тесные связи с сионистскими организациями, и ставящая своей целью скрытого, выгодного для себя, влияния на мировые общественно-политические процессы. Активно, масоны проявили себя в начале двадцатого века, накануне первой мировой войны.

Действовали масонские ложи и в России, но после Великой Октябрьской революции, почва для масонства в нашей стране была уничтожена, и, в настоящее время, масонов в СССР нет. Хотя, в принципе, не исключена возможность реставрации масонства в нашей стране при финансовой и организационной поддержке со стороны зарубежных масонских лож. Ведь не секрет, что тайные сионистские организации в СССР существуют, так почему бы и не быть масонам, – полувопросом и закончил свою мысль преподаватель, и добавил, что во многих капиталистических странах масонские организации действуют вполне легально. Константин поблагодарил за разъяснение и сделал для себя вывод, что о своём знакомстве с Сергеевым пока распространяться не стоит.

Между тем, три месяца учёбы Константина Шупикова в Киеве незаметно пролетели, и наш герой вернулся в свой город и приступил к практической оперативной работе в должности оперуполномоченного, а по воинскому званию – лейтенанта.

Но, на некоторое время, оставим Константина, и перейдём к другим персонажам нашего повествования.

ДРУГИЕ ПЕРСОНАЖИ (С. Ткаченко, Э. Лаукарт, Ф. Гопырянский и др.)

Сергей Ткаченко, примерно 1955 года рождения, отслужил в Советской Армии, окончил среднюю школу милиции и работал экспертом в городском отделе внутренних дел. В армии был комсомольцем, занимался штангой, выполнив норматив второго спортивного разряда. Служил в автомобильных войсках, водил мощный грузовик типа «Урал». Воспитывался Сергей матерью, отец погиб во время аварии на шахте, когда Сергею было семь лет. Детство было трудное, не хватало денег на покупку продуктов, одежды. Одевался бедно и скромно, постоянно был голоден. К тому же мамаша, медсестра травмбольницы, с горя начала попивать, в том числе и на рабочем месте, благо, что спирта в отделении для дезинфекции было достаточно и его всегда можно сэкономить. В доме Ткаченко часто бывали собутыльники, особенно мужчины. Мамаша жила своей жизнью, Сергей – своей. Никакой воспитательной работы с сыном школьником мамаша не вела, всё отдавая на откуп школе. А в классе, где учился Сергей, было тридцать учеников и учителю, естественно, до каждого не «достучаться». Тем не менее, Сергей окончил восемь классов, поступил в горный техникум, после окончания которого, призван в армию. Во время учёбы в техникуме окончил по линии военкомата автошколу ДОСААФ. Вроде бы молодой человек должен быть как сотни тысяч его сверстников, воспитывающихся в неполных семьях и имеющих трудное детство. Но в глубине души Сергея сидела навязчивая обида за свою

судьбу, постоянный голод и пьянство матери. Тем более в классе училось несколько человек из обеспеченных семей, которые хорошо питались, всегда имели карманные деньги, а дома – магнитофон, телевизор и хороший радиоприёмник. Словом обида за свою трудную судьбу жгла душу Сергея. К тому же один из ухажёров его мамы, когда оставался наедине с Сергеем, отсылая мать в магазин за закуской и водкой, с методичностью маньяка приставал к мальчику совершая с ним обратные действия. Сергей хотел, было, пожаловаться в школе, рассказать матери или соседям, тем более сосед работал в ГАИ. Но повторяю, Сергей был замкнутым и стеснительным, и всё осталось втайне. Злость и обида, как снежный ком, росла в мальчишеском сердце. Он рос нелюдимым, обиженным на весь мир, невысоким и худосочным. В конце концов, ухажёр-маньяк перестал приходить в дом к Ткаченко. Люди говорили, что его посадили за изнасилование двенадцатилетней девочки. Но его домогательства сильно деформировали психику Сергея, что привело в будущем к крайне трагичным последствиям. Первое проявление нездоровой психики Сергея случилось во время армейской службы. Ткаченко иногда приходилось ездить на «Урале» одному, без присутствия других военнослужащих. И тогда к нему в голову пришла дьявольская мысль поступать с мальчиками так же, как когда-то с ним поступил ухажёр-маньяк. Сергей до мельчайших деталей продумал каким образом завлекать мальчишек в свои сети с использованием военного автомобиля и своей солдатской формы. В частности, он останавливался неподалеку от школ, дома пионеров, кинотеатров во время детских сеансов и делал вид, что ремонтирует двигатель, меняет

или накачивает колесо и тому подобное. Госномер машины замазывал грязью, чтобы не просматривались цифры. Естественно, мальчишки подходили к военному водителю, смотрели, предлагали свою помощь в ремонте. Сергей как бы нехотя принимал постороннюю помощь, и после того как работа заканчивалась, предлагал прокатить помощника.

Естественно, мальчики охотно соглашались, ведь у кого из них нет тяги к машинам и технике? Сергей выезжал со своей потенциальной жертвой за пределы города в лесопосадки. Предлагал мальчику покушать и немного выпить за знакомство и удачный «ремонт» автомобиля. Постоянно возил с собой четвертинку водки, спрятанную под сиденьем авто. Когда мальчик пьянел, Сергей совершал с ним сексуальные действия, а затем строго-настроено наказывал никому не рассказывать о случившемся. Впрочем, всё сходило с рук начинающему маньяку – педерасту, но однажды случилось непредвиденное. Один из мальчиков пить с Сергеем категорически отказался и солдат стал приставать к нему на трезвую голову. Но мальчик был бедовым и смелым. Он оказал насильнику яростное сопротивление, чуть не откусив ему палец на руке и, в конце концов, сбежал, плача и выказывая угрозы рассказать обо всем родителям и в милиции. Сергей очень испугался и решил «завязать» со своей пагубной страстью. Несколько месяцев он жил в постоянном страхе разоблачения. Чтобы мальчики не могли его опознать побрился наголо и изменил форму своих сросшихся на переносице бровей. Но время шло, никаких коллизий с ним не происходило. Внимания со стороны милиции, своих командиров или работников особого отдела военной

контрразведки он не ощущал. Видимо, мальчики, потерпевшие от насилия, стеснялись рассказывать о случившемся с ними, и держали это в тайне. Безнаказанность, как известно, развязывает руки правонарушителям разных мастей. Перед «дембелем» Сергей всё же совершил несколько насильственных развратных действий, причём один раз с девочкой детдомовкой, польстившейся на дармовую выпивку и угощение.

После армейской службы Ткаченко вернулся в свой родной город. На шахту или другое производство работать не пошёл, а поступил вначале младшим сержантом в патрульно-постовую службу и сразу же на заочное отделение Новосибирской средней школы милиции, выбрав специальность эксперта-криминалиста. Следует заметить, что органы ВД постоянно поддерживали контакты с военкоматами с целью пополнения своих рядов демобилизованными военными. На доске объявлений военкомата, куда приходили становиться на учёт бывшие солдаты, висело красочно оформленное объявление, приглашающее бывших военнослужащих поступать в органы милиции. На объявлении был рисунок с изображением высокого бравого милиционера, выметающего метлой маленьких нарушителей: пьяниц, хулиганов, расхитителей социалистической собственности, самогонщиков.

Жизнь у Сергея потекла по наезженной рутинной колее. Патрулирование улиц, как в дневное, так и ночное время, задержание лиц, нарушающих общественный порядок, доставка пьяных в вытрезвитель, маленьких бродяжек в детскую комнату милиции. Вскоре он женился, взял женщину с ребёнком и перешёл к ней жить в частный дом, а до этого проживал в общежитии.

К мамаше после армии возвращаться не стал. Как-то его криминальные армейские «приключения» стали постепенно забываться, но иногда, особенно на новолуние, при виде мальчиков и девочек воспоминания нахлынувшим потоком лезли в его голову, тело бросало в жар, повышалась нервная возбудимость как у охотника при виде приближающийся дичи. А в остальном вёл он себя спокойно, как нормальные люди. По службе нареканий не имел, спиртным не увлекался, хотя сослуживцы по патрульно-постовой службе частенько предлагали ему выпить, благо, что деньги и водка у них водились и всем понятно, каким образом они добывались, ведь прямая зарплата рядовых милиционеров была очень небольшой. Четыре года учёбы на заочном отделении в училище пролетели незаметно и вскоре вновь испечённый лейтенант заступил на должность эксперта-криминалиста. Получив офицерское звание, Сергей немного заважничал, стал свысока поглядывать на своих бывших сослуживцев – патрульных. Завёл связи с работниками уголовного розыска, следственного отделения, разрешительной системы горотдела ВД. Работа эксперта-криминалиста ответственная и интересная, приходилось снимать и идентифицировать следы с места преступления, отпечатки пальцев, запах, пули и гильзы, восстанавливать сбитые номера на огнестрельном оружии и тому подобное. Данные экспертизы являлись важным доказательством по уголовному делу. Работа увлекала молодого эксперта, объём её бы довольно большой, приходилось оформлять много документов по результатам экспертиз.

На некоторое время покинем Сергея Ткаченко и перейдём к другим персонажам, которые взаимосвязаны

с Сергеем и кардинально повлияли на его дальнейшую судьбу.

Федя Гопырянский, молодой человек лет двадцати пяти происходил из семьи украинцев-западников, высланной из Украины за пособничество организации украинских националистов (ОУН). Естественно, помогли враждебной националистической организации его дед и бабушка, а Федя знал о мрачном прошлом своих родственников только по их рассказам. Дед Федеи – Семён Гопырянский до выхода на пенсию работал мотористом подъёма на одной из шахт, и одновременно в свободное время занимался ремонтом личных автомобилей граждан. Дед был контактным, подвижным и разговорчивым человеком. Хорошо и не понаслышке знал формы и методы оперативной работы госбезопасности и органов внутренних дел, начиная от использования агентуры и кончая наружным наблюдением. Просвещал по этим проблемам своего сына и внука, поясняя, что эти знания могут в жизни очень пригодиться. Когда был выпивши, в тесном кругу со злостью и обидой говорил, что никогда не простит «коммунякам» за выселение с родной Волыни и беспросветное существование в Сибири особенно сразу после войны, когда жили чуть ли не в землянках и ходили в холодное время года в коротких резиновых сапогах «чунях» по улицам, регулярно посещая спецкомендатуру МВД для отметки и постоянно чувствуя на себе неприязненные взгляды окружающих и шушуканье за спиной: вот, мол, бандеровец недобитый... Земляки же с Западной Украины относились друг к другу по-доброму, как друзья по несчастью, старались помогать и выручать по мере сил.

Федя окончил восемь классов школы и вскоре за драку попал на два года в воспитательно-трудовую колонию для «малолеток». Посещая его, дед корил внука за правонарушение, категорически запрещал делать какие-либо наколки на теле, советовал постичь в ВТК азы какой-либо рабочей профессии.

Между тем, Федя всё же сделал одну наколку на безымянном пальце левой руки – крест, чтобы не быть «белой вороной» в колонии и как свидетельство своей первой «ходки». Дед говорил, смотри Федя, ты ничего практически не сделал, ну подрался, с кем не бывает из пацанов, а будешь сидеть два года, жрать баланду и видеть одни и те рожи. А вот некоторые люди совершают преступления во сто крат серьезнее твоего, а гуляют на свободе, живут припеваючи, имеют хорошие деньги, машины, дома. Не надо стремиться в тюрьму, как это делают некоторые молодые люди, а нужно тянуться к хорошим деньгам, сытой и обеспеченной жизни. Вот тебе пример, главный инженер нашей шахты Драконов тоже сел по малолетке за драку, но, освободившись, взялся за ум: окончил горный техникум, затем заочно институт и дошёл до главного инженера шахты и это ещё не предел в его карьере. Дед как в воду глядел, во время перестройки Драконов сумел приватизировать шахту, на которой работал, затем ещё несколько предприятий и стал олигархом областного масштаба, купив дом и виллу за границей и «ворочая» миллионами долларов. Федя ничего не отвечал, но «мудрые мысли» деда «мотал на ус». Выйдя из ВТК, он устроился учеником слесаря на машиностроительный завод. Дед одобрил выбор внука и стал обучать его во вне рабочее время премудростям ремонта легковых автомобилей. Клиенты

мастера-деда были как вполне законопослушные граждане, так и не очень. Семён Гопырянский с внуком подмастерьем довольно качественно ремонтировали автомобили, брали за работу вполне разумную плату. Когда ремонт был небольшой и клиент, ожидая его окончания, находился в гараже, дед Семён весело с шутками и прибаутками рассказывал ему случаи из своей жизни, в том числе и на Западной Украине, «травил» анекдоты, типа такого, вот, мол, Советский Союз страна сплошных лагерей: пионерских, исправительно-трудовых, туристических, и непуганых дураков, жрущих друг друга, как пауки в банке. Здесь же делился своими маленькими хитростями в ремонте и антикоррозийном покрытии автомобиля, словом, профессиональные секреты не хранил втайне, а рассказывал своим клиентам, стараясь завоевать у них авторитет с целью дальнейшего расширения клиентской базы своей мини-фирмы. Вскоре Федя понял, что у деда есть клиенты из числа молодых людей, поставляющие ему запасные части по низким ценам, раза в два-три ниже их реальной стоимости. О происхождении их можно только догадываться, но дед, а впоследствии и Федя, никогда не «лезли в душу» продавцам и не задавали им лишних вопросов. Естественно, с каждой запчастю по мере её использования в ремонте, был солидный навар. Постепенно Федя стал приобретать опыт мастера авторемонтника и обрастать нужными для себя связями. Время шло, он вырос, но жениться пока не собирался, хотя девушек у него было предостаточно. Сказывалось наличие у парня неплохих денег, да и внешность была довольно приятная. Однажды они с дедом отремонтировали авто местного криминального авторитета Евгения Огурцова, бывшего

боксёра-перворазрядника по кличке «Огурец». Первый раз боксёр сел за драку на танцах, а второй раз – за разбойное нападение на одного из состоятельных граждан города. «Огурец» располагал широким кругом связей, вокруг него постоянно вертелись «пацаны», а также мужчины постарше, отбывшие наказание, но не желавшие честно жить. Авторитет неплохо владел ситуацией в криминальной среде города и, периодически, «отстёгивал» определённые суммы в воровской общак на нужды жиганского братства. «Огурец», видимо в пьяном виде, сильно разбил свой «Фиат Уно». Но дед и внук проявили всё своё трудолюбие, опыт и изобретательность и хорошо отремонтировали пострадавшее авто, да так, что выглядеть оно стало ещё лучше, чем до аварии. Владелец хорошо заплатил мастерам, а в придачу «подогнал» им бывший в употреблении кузов «Жигулей» первой модели, посоветовав, что они могут перебить номер кузова, а, затем, продать или использовать в ремонте.

– У тебя же, дед, – сказал «Огурец», обращаясь к Семёну, – есть же свой «Жигулёнок», так ты перебей номер на моем подарке, такой же, как на твоей машине, и используй кузов, как тебе заблагорассудится, как будто он от твоей «копейки».

Дед и Федя долго благодарили «авторитета», но тот ответил:

– Не стоит благодарности, вы мне сделали добро, и я вам. А мир тесен, всякое может быть, и не исключено, что мы ещё понадобится друг другу.

«Огурец» как в воду глядел, и слова его в будущем полностью подтвердились. Периодически, от «Огурца» в автомастерскую заходили «пацаны», кто отремонтировать

авто или мотоцикл, кто продать какую-либо запчасть. Пароль был таким: «Я от Евгения Ивановича», и клиенту гарантировалось «галантерейное» обхождение и качественный ремонт.

Восьмидесятые годы двадцатого века быстро катились к своему концу, и наступали девяностые. В Советском Союзе наступила перестройка, инициированная из-за рубежа, во главе которой стояли «архитектор» – Генеральный Секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв и «про-раб» Яковлев А.Н., в отношении которого достаточно писалось и говорилось в средствах массовой информации, как об агенте влияния западных спецслужб и масонских лож. Готовилась идеологическая и экономическая база для развала великого Союза и раздробления его на ряд самостоятельных государств. Активизировалось разжигание национальной розни, особенно, в Закавказье, Узбекистане, Прибалтике, дело доходило до массовых беспорядков и вооруженных стычек.

На благодатной почве стала активно подымать голову организованная преступность, развиваться «дикий» рыночный капитализм, в лице кооперативов. Стала буйным цветом процветать наркомания, особенно среди молодёжи. Плохо стало со снабжением продуктами питания, стал, с подачи секретаря ЦК Е.К. Лигачёва, насаждаться «Закон о борьбе с пьянством и алкоголизмом», вырубаться виноградники, в свободной продаже отсутствовали спиртные напитки. В связи с чем, «поднялась» теневая экономика, усилилось самогонование, процветала спекуляция, как водкой, так и талонами на её приобретение в магазинах (была введена талонная система). Под эгидой гласности и демократии, компрометировали государственные институты,

особенно КГБ и его предшественников (ВЧК-ОГПУ-НКВД).

Однажды, в автомастерскую Гопырянских (она трансформировалась в кооператив «Автомастер»), и Федя, бросив работу на машзаводе, стал, вместе с двумя приятелями, трудиться под началом своего деда, пришел парень лет восемнадцати и попросил консультации в ремонте чешского мотоцикла «Ява». Когда разговор приобрел непринуждённый характер, парень сказал Феде:

– Я слышал, что ты «кентуешься» (дружишь) с «Огурцом».

Федя ответил обтекаемо и, в свою очередь, спросил:

– Зачем тебе «Огурец»?

Парень сказал, что у него есть интересный «базар» (разговор) для Евгения Ивановича и настоятельно попросил, свести его с авторитетом. Спустя некоторое время, Федя позвонил «Огурцу» и рассказал, что с ним ищет встречи один из клиентов его автомастерской, по имени Роберт, владелец мотоцикла «Ява». Евгений поинтересовался:

– Что этому Роберту из-под меня надо?

На что Федя пояснил, что, со слов Роберта, «базар» очень серьёзный.

– Ну, коли так, скажи ему, что такого-то числа в такое-то время, я буду в армянском кафе «Наири», и там он меня сможет найти, – сказал авторитет.

Когда Роберт пришел в «Лонжерон», Федя ему объяснил, где и как можно найти «Огурца». Клиент поблагодарил Федю за оказанное содействие.

В назначенное время, Роберт пришел в армянское кафе и увидел там «Огурца», сидящего за столиком, с

каким-то мужчиной и двумя девушками. Роберт подошел к столику и сказал, обращаясь к авторитету, что по поводу меня с Вами говорил Федя «Гопа».

– А, вспомнил, вспомнил, – отреагировал «Огурец», – давай поговорим.

Они отсели за отдельный столик, Евгений заказал по сто грамм водки и салат с лавашом, сказал:

– Давай говори конкретно, а то меня ждут знакомые за другим столиком.

Роберт, залпом выпив водку, стал рассказывать, что в детстве жил он в Новосибирской области с матерью, там же учился в школе.

– Однажды, неподалеку от школы, я увидел большой военный грузовик и солдата-водителя, ремонтирующего двигатель. Ну, я подошел к автомобилю и стал смотреть. Солдат попросил меня потянуть за один рычажок, затем, вернуть его в первоначальное положение. Когда, в конце концов, двигатель завёлся, солдат предложил прокатить меня. Я согласился, ведь было мне тогда одиннадцать лет. Заехали в лесок, солдат вытащил из-под сиденья чекушку водки и два бутерброда, предложил выпить за знакомство и удачный ремонт двигателя его «Урала». Я, хоть и никогда не пил спиртного, всё-же согласился. Мне было приятно, что солдат разговаривает со мной, мальчишкой, на равных. Естественно, я быстро «окошел», а солдат, тем временем, стал до меня домогаться, пытался снять штаны. Я сильно испугался, откуда взялись только силы и смелость, и чуть не откусил ему указательный палец на руке, да так, что кровь хлынула под напором. Солдат взвыл от боли, отпустил меня, я, стремглав рванул, куда глаза глядят.

– Педераст что ли? – спросил «Огурец».

– Скорей всего так, но «фишка» в том, – сказал Роберт, – что этого чёрта я месяц назад видел в горотделе милиции в форме лейтенанта. Я тут столкнулся на своём мотоцикле с одним «Москвичом-412», за рулём которого сидел дед-пенсионер. Удар был несильным, но его супруга, сидевшая рядом с водителем, якобы, повредила ногу. Ну, короче говоря, в ГАИ завели материал по факту нарушения мной Правил дорожного движения, да ещё шантажируют бабкой, видно взятку вымогают... Мой мотоцикл отправили на экспертизу в горотдел. Когда я отдавал ключ от своего «железного коня» эксперту-криминалисту Ткаченко, то отчётливо увидел у него на указательном пальце шрам от моего укуса. Конечно, солдат-педераст меня не узнал, так как прошло около десяти лет, я вырос, изменился. А я его, суку, хорошо запомнил.

– Да... – сделав паузу, – это интересно, – задумчиво сказал «Огурец». – Мент, а какой извращенец... Ты вот что, Роберт, дай мне свои координаты, как тебя найти, я на трезвую голову подумаю над твоей информацией. Когда нужно будет, я тебя найду.

– А Вы не смогли бы посодействовать, чтобы меня не лишали водительских прав, и, не дай Бог, привлекли к ответственности за аварию, – высказал свою просьбу Роберт.

Молодой человек не знал, что никакой уголовной ответственности за автопроисшествие, случившееся с ним, не предусмотрено, ведь все остались живы-здоровы.

– Тем более, – добавил «пацан», – бабка, супруга водителя, «гонит пургу» и травмирована очень легко, отделившись испугом и мелкими царапинами.

– Стопроцентной гарантии я тебе не даю, но постараюсь помочь, – ответил авторитет.

Особого труда уладить ситуацию с автоаварией Роберта, для «Огурца» не составило. Пенсионер-водитель и его супруга попросту хотели «срубить» денег с молодого парня, но под давлением «пацанов» авторитета, написали заявление в ГАИ, что по поводу автоаварии никаких претензий к Шалабанову Роберту не имеют. С другой стороны, «сработали» прикормленные гаишники. Роберт отделался только денежным штрафом, водительских прав его не лишили.

«Огурец», тем временем, долго размышлял, как использовать полученную от Роберта «жареную» информацию. Он даже съездил в соседний город, где проживал «положенец» «Свинец», чтобы посоветоваться со старшим товарищем. Естественно, фамилий эксперта-криминалиста Ткаченко и «пацана» Роберта он не раскрывал. «Свинец», на основе своего жизненного и уголовного опыта, посоветовал обязательно использовать сведения Роберта в выгодном, для жиганского братства, плане, высказал ряд конкретных рекомендаций по этой интересной ситуации. Подробно моделировали поведение мента, когда ему будет предъявлена серьёзная «компра», посоветовал «Огурцу» собрать предварительно максимум данных на эксперта-криминалиста, начиная с его детских лет.

Через некоторое время, авторитет пригласил Роберта на встречу, и сказал, что ему удалось сгладить возможные негативные последствия в связи с автоаварией. Роберт поблагодарил, сказал:

– Я Вам во многом обязан.

– Ничего, ничего, – ответил «Огурец», – у нас к тебе тоже небольшая просьба, касающаяся мента-извращенца. Короче говоря, мы тебя со спины заснимем

на видеокамеру, и ты подробно расскажешь, все, что с тобой случилось, когда солдат-водитель завёз тебя в лесопосадки. Естественно, мы тебе дадим шпаргалку, чтобы ты ничего не забыл. В заключение скажешь, что готов под протокол сделать заявление, в отношении эксперта-криминалиста в прокуратуру. Это нам нужно, чтобы подцепить мента на «крючок» и заставить его «играть» с нами на одну руку. А тебя мы хорошо отблагодарим, будешь ездить не на мотоцикле, а на «Жиге». «Да, – подумал Роберт, – вон куда оно вышло... Хотел просто рассказать, чтобы побудить “Огурца” оказать мне содействие по автоаварии, а тут видео, заявление и т.д.». Но делать нечего, на добро нужно отвечать добром... И он, хоть и без видимого энтузиазма, согласился.

– Ну, вот и славненько, – бодро заметил авторитет. – Пойдём в кафешку, отметим наш договор, который дороже денег.

На этот раз, в армянском кафе было уже много водки на столике, хорошая мясная закуска, салаты, зелень, дорогой фруктовый сок. «Огурец» был весёл и многословен, рассказывал анекдоты и интересные случаи из своей жизни. В душе он считал, что вся его затея сложится удачно, и эксперт-криминалист будет в его руках. «Может быть и “положенцем” сделают, – думал он, – ведь не в каждом городе случаются такие заморочки, и не каждый человек додумается, как использовать рассказ “пацана” в интересах жиганского братства». Роберту он сказал:

– Тянуть с видеозаписью мы не будем, как только составим для тебя примерный текст, так я сразу тебя найду, и «провернём» наш план. А после этого, готовься водить «Жигу», да, смотри, не нарушай правила движения,

чтобы не пришлось тебя снова «отмазывать», – весело говорил авторитет.

Спустя десять дней, «Огурец» пригласил Роберта на встречу, и, посадив в свой «Фиат», привёз его на квартиру в многоэтажном доме. В комнате уже была видеокамера, возле которой колдовал высокий худощавый мужчина с испитым лицом. Он посадил Роберта на стул лицом к стене, а видеокамеру на штативе поставил сзади с затылка Роберта. Настроив видеозапись, он почтиительно сказал «Огурцу»:

– Всё готово, Евгений Иванович, можете заниматься. Как закончите видеозапись, скажете мне, я выключу видеокамеру, проверю качество записи и отдам Вам кассету.

– Хорошо, хорошо, – ответил авторитет, – мы сейчас приступаем.

Оператор, тем временем, вышел из комнаты. Смысл подготовленного интервью Роберта сводился к тому, что он подробно, с привязкой по времени и месту, описал случившийся с ним инцидент с сексуальными домогательствами солдата-водителя военного грузовика «Урал», подробно описал внешние приметы солдата, его речь, манеру поведения. Акцентировал внимание на том, что укусил насильника за указательный палец и, по всей вероятности, должен остаться шрам. В заключение Роберт сказал, что того водителя-солдата он уверенно опознал, находясь в горотделе внутренних дел, по поводу проведения экспертизы своего мотоцикла «Ява». Фамилия этого человека Ткаченко, звание – лейтенант.

– В отношении него я готов сделать официальное заявление в прокуратуру и КГБ, – окончил своё интервью Шалабанов.

В связи со сравнительно небольшим возрастом Роберта и отсутствием опыта общения, он вёл себя при видеозаписи, несколько, скованно, но, вместе с тем, правдиво. Короче говоря, «операция» по документированию сексуальных домогательств солдата прошла успешно, запись была качественной. «Огурец» сказал:

– Всё хорошо, братан, и, как я тебе говорил ранее, «Жигу» мы тебе подгоним, оформим официально договор купли-продажи, и ты регистрируешь её на себя в ГАИ, как положено. А «Яву» тоже не бросай, она тебе ещё пригодится. Ты нам сделал добро, а мы ответим тебе на добро добром. Понятно?

– Да, – ответил Роберт, – что сделаешь, если у меня такая судьба...

Кстати сказать, авторитет оказался хозяином своего слова, и, вскоре, Шалабанов оказался хозяином подержанных «Жигулей» третьей модели, в хорошем состоянии.

Теперь, на время, оставим «Огурца» и других лиц, в той или иной мере связанных с ним, и перейдём к следующим персонажам, которые, также, будут играть значительную роль в нашем повествовании.

Эдик Лаукарт, примерно 1955 года рождения, выходец из немецкой семьи, выселенной в начале Великой Отечественной войны из Запорожской области в Сибирь, работал мастером-взрывником на одной из шахт города. Работа эта довольно сложная и опасная, связанная с взрывными работами по добыче угля под землёй. Но Эдик, со свойственной своей нации дисциплинированностью, пунктуальностью и работоспособностью, хорошо справлялся со своей миссией в шахтёрской иерархии. Эдик проживал в собственном, ладно построенном, бревенчатом доме на окраине города, имел

небольшой огород, так что всегда был с картофелем и овощами. Учился на вечернем отделении горного техникума на механика подземных горных работ. Был женат, супруга Полина окончила медучилище, работала медсестрой на городской станции переливания крови. Являлась двоюродной сестрой нашего героя Юлия Карликова. За свою доброжелательность, стремление помочь коллегам и донорам, пользовалась уважением и лояльным отношением членов коллектива. Словом, как выражались в то время, это была добропорядочная советская семья, «ячейка нашего общества». Всё было хорошо у супругов Лаукарт, но была одна постоянно мучившая их проблема – не было детей. Эдик был здоровый и крепкий мужчина, спиртным не увлекался, Полина – также здоровьем не обижена. Но почему-то Бог не давал пополнения в их благородном семействе. Эдик и его жена не стеснялись ходить к врачам, а также, к бабушкам-знахаркам, не жалели денег на лекарства, процедуры, витамины, оплату услуг. Но воз, как говорится, был и ныне там. Но однажды супруга Эдика от одной посетительницы станции переливания крови узнала о чудодейственном даре одной из старушек, проживающей в сельской местности Алтайского края, которая своими методами лечила супружеское бесплодие и добивалась хороших результатов. В выходные дни лета, супруги Лаукарт сели в свой «Москвич-412» и поехали в Алтайский край. Взяли с собой денег, продукты, конфеты и сгущенное молоко для оплаты услуг бабушки. Приехали в деревню, у жителей спросили, где проживает старушка-лекарь. Не откладывая, супруги сразу же посетили бабушку. Она была лет семидесяти, чистенько одетая, в очках. В доме жило несколько гладких

и ухоженных кошек, но запаха от них никакого. Старушка приветливо встретила супружескую пару, предложила им чаю. За беседой, она спросила, как зовут посетителей и откуда они прибыли. Выслушав ответы, она сказала, что представляет проблему супругов, приведшую их к ней. Поинтересовалась, сколько лет живут в браке, у всех ли прямых родственников есть дети. Пояснила, что в шахтёрских городах Сибири довольно плохая экология, повышенная нервная возбудимость у людей, страх за близких, работающих на подземных работах, что, безусловно, отрицательно влияет на деторождаемость. В ходе разговора, она подозвала одну из кошек: «Муся, Муся». Подошла серенькая справная кошечка, запрыгнула к Полине на колени и, замурлыкав, прилегла, поточив коготки. Старушка сказала, что это хорошая примета, если кошечка охотно идёт к женщине. Далее лекарь сообщила, что до вечера супруги свободны, а вечером она приступит к лечению, подготовив необходимые снадобья. Вечером она по отдельности сводила супругов в баню, дала им выпить какую-то жидкость и заесть варёным яйцом. Тихонько шептала молитвы или заклинания. В заключение сказала:

– Съездите в бархатный сезон на Чёрное море, желательно в Болгарию, отдохните там. Усердно посещайте православную церковь, молитесь и ставьте свечи иконе Казанской Божьей матери. Не стесняйтесь и не испытывайте какого-либо неудобства в церкви. Божья мать услышит ваши искренние просьбы и молитвы и поможет вам. Форма молитв – произвольная, самое главное, чтобы исходила от сердца. Ты же, Эдик, кроме того, употребляй сырых куриных яиц.

– Я же, ведь, не певец, зачем мне употреблять сырые яйца? – шутя, спросил Эдик.

– Яйца полезны, не только для пения, – с весёлой ноткой отпаривала старушка.

Полина спросила у знахарки:

– Бабушка, что мы должны Вам за участие и лечение?

Та ответила:

– Естественно, каждый труд должен оплачиваться, о чём записано в Библии. Но я не назначаю свою цену, а отдаю вам на откуп оплату моего труда. Словом, что дадите, тому я и буду рада.

Супруги хорошо отблагодарили старушку, было видно, что она довольна клиентами. На прощание, народный лекарь дала супругам бумажку со своим адресом и фамилией, и попросила сообщить, если в семье появится дитё. Эдик и Полина пообещали обязательно известить, если произойдёт такое событие. На том и распрощались. В дороге разговаривали мало, каждый думал о своём, но направленность мыслей мужа и жены была одинаковой.

После поездки в Алтайский край, супруги зажглись идеей съездить по турпутёвке в Болгарию. Эдик охотно брал сверхурочную работу, выходил, по просьбе руководства участка, на работу в выходные дни, взамен заболевших или находящихся в отпуске мастеров-взрывников. Однажды с Эдиком произошёл случай, едва не перечеркнувший нормально текущую его жизнь и работу. Остановимся на нём подробнее. Как нам всем известно, в подземных горных выработках активно выделяется газ метан. При определённой концентрации, от малейшей искры он может воспламениться и синицировать взрыв угольной пыли. Таких случаев на угольных шахтах было немало, несмотря на принимаемые

технические и организационные меры по недопущению загазованности горных выработок и открытого огня под землёй. Много шахтёров полегло из-за этого опасного и коварного газа, много слёз пролито после таких аварий. Как-то раз, Эдик, заряжая шпуры патронами аммонита, увидел в глубине выработки два тусклых огонька от папиросы или сигареты. Бросившись бегом туда, он увидел, как два тихих алкоголика, горнорабочих очистного забоя, сидя на корточках, прислонившись спинами к борту забоя, курили. Эдик обложил их двухэтажным матом, но те, будучи с глубокого бодуна или выпивши, отмахнулись от него, как от назойливой мухи, послали его на три весёлых буквы. Мастер-взрывник не выдержал и бросился на них в драку. Будучи физически крепким мужчиной и к тому же чувствовавший свою правоту, Эдик здорово попортил физиономии алкашей-курильщиков. В конце он сказал, что жаловаться на них никуда не будет, но если ещё раз застанет за курением на шахте, то:

– Добра, ребята от меня не ждите. Если вам по х-ю ваша жизнь, то подумайте хоть о своих товарищах, ведь взрыв и смерть не разбираются кто прав, кто виноват.

Горнорабочие молчали, вытирая носовыми платками кровь с разбитых лиц. Через некоторое время случай этот забылся. Эдик не контактировал с побитыми им рабочими - нарушителями и они с ним. Но человеческая душа неисповедима. Эти двое горнорабочих затаили кровную обиду на запальчивого мастера-взрывника и решили сделать ему «подлянку». В один из рабочих дней Эдик производил взрывные работы на том же участке. Зарядив шпуры аммонитом по паспорту буро-взрывных работ, он обнаружил, что несколько

патронов и электродетонаторов у него осталось. Такое в шахте зачастую случается, и мастера-взрывники оставшиеся средства взрывания сдают обратно на склад. Эдик аккуратно сложил патрона аммонита в свою сумку, а детонаторы положил в карман спецовки, так как категорически запрещено держать вместе взрывчатку и детонаторы. Сумку положил в укромное место, а сам стал растягивать провода и готовить заряженные шнуры к взрыву. Несколько раз отлучался по малой нужде. Подготовив всё как положено, Эдик оповестил специальным сигналом всех работников участка о готовящихся буровзрывных работах и через некоторое время произвёл взрывание. Когда дым проветрился, он проверил, все ли шнуры взорвались, после чего пошёл к тому месту, где оставил сумку, чтобы взять её и идти на склад сдавать оставшиеся патроны и детонаторы. Открыв сумку и заглянув в неё, он с ужасом увидел, что взрывчатки в ней нет. «Что за чертовщина, – подумал Эдик, – вроде никого вблизи не было, а вот, поди, пропали патроны»... Он обыскал близлежащее пространство, но, увы..., пропажи нигде не обнаружил. Кто-то украл, других версий у мастера взрывника не было. Он присел на лежащее бревно для крепления выработки и стал мучительно размышлять о своих дальнейших действиях. Тем временем в кабинете горно-технического инспектора раздался телефонный звонок и мужской приглушённый голос, не представившись, с места в карьер сообщил, что мастер-взрывник Лаукарт, после производства взрывных работ на таком-то участке, не желая нести и сдавать оставшийся аммонит на склад, порвал патроны и рассыпал взрывчатку в таком-то месте. На вопрос технического инспектора, кто звонит, мужчина ответил:

– Рабочий, – и положил трубку.

«Информация, безусловно, заслуживает внимания» – подумал инспектор Барков, тем более такие случаи встречались и ранее. Если сведения неизвестного подтвердятся, то он «раскрутит» этот негативный факт на полную катушку, строго накажет и мастера-взрывника и его руководителей. Он позвонил на участок БВР, трубку взял зам. начальника участка. Барков приказал ему переодеться в спецодежду и ожидать его возле клетки. Сам тоже пошел в раздевалку и быстро переоделся в спецодежду. Возле клетки его уже ждал зам. начальника участка.

– Что-то случилось, Иван Терентьевич? – спросил он у горно-технического инспектора.

– Давай спустимся в шахту, на такой-то участок, там посмотрим, – неопределённо ответил ему Барков.

Когда они шли в точности к конкретному месту, зам подумал, что инспектор, по всей вероятности, располагает какой-то информацией о нарушении Правил техники безопасности, и взял его, чтобы задокументировать это нарушение. К сожалению, зам оказался прав в своих предположениях. Придя на место, осветил фонарём небольшой закуток, и зам увидел, что там рассыпан аммонит и лежат разорванные патроны.

– Смотри, как вы работаете, – сказал, выругавшись, инспектор, – взрывчатка и патроны ещё свежие, не успели даже отсыреть.

Он пригласил горного мастера участка, вытащил из папки бланк акта о нарушении техники безопасности, со всеми подробностями стал описывать обнаруженное. Составив акт, он расписался под ним сам и дал подписать его горному мастеру и заместителю начальника участка БВР.

Но вернёмся к незадачливому мастеру-взрывнику. Эдик обдумывал варианты своих действий и их возможные последствия. «Договориться с кладовщиком склада ВВ вряд ли удастся» – думал Эдик, тем более что в этот день там работал довольно вредный дядька, бывший младший офицер конвойных войск, вышедший на пенсию. В своей должности он тоже нашел значимость, строго спрашивал с мастеров-взрывников, зачастую, придираясь к ним, как к солдатам-первогодкам. Ему было приятно, что должность, вроде, невелика, но требует к себе почтительности и уважения. «Этот разведет “кадило” на всю шахту» – уныло думал Эдик, и решил не связываться с кладовщиком. И тут ему в голову пришла простая и ясная мысль, рассказать честно и правдиво своему начальнику. «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь» – подумал Эдик и начал действовать. Выйдя на поверхность, он зашел в кабинет буро-взрывных работ. Там сидел начальник Виктор Николаевич и заполнял какие-то бумаги. Эдик поздоровался с ним и сказал:

– У меня к Вам есть очень серьёзное дело.

Начальник внимательно взглянул на взволнованного мастера-взрывника, предложил ему присесть и стал внимательно слушать. Эдик подробно рассказал о краже взрывчатки из его сумки. Начальник, мужчина лет сорока, спросил у своего подчинённого:

– Кому выгодно красть у тебя аммонит?

Эдик ответил, что он никому на работе зла не делал, но около месяца назад он поколотил двух горнорабочих с участка, где сегодня производил взрывные работы.

– За что? – спросил Виктор Николаевич.

– За курение в шахте, – ответил Эдик.

– Что, по-другому нельзя было ничего сделать?

– Да они сами меня обматерили, хотя я был стопроцентно прав, – сказал мастер-взрывник.

– Как их фамилии? – спросил начальник.

Эдик ответил.

– Знаю я этих алкашей, сами постоянно с похмелья, работать не хотят, а деньги получать любят. А за то, что получают меньше других работников, затаили зло на всех и вся. Вообще, запомни, у алкашей сдвинутая по фазе психика, повышенная агрессивность, злорадность, подозрительность.

Виктор Николаевич снял трубку и позвонил в табельную, спросил, были ли на смене двое горнорабочих, о которых поведал Эдик. Табельщица ответила, что один из них был на смене, когда на их участке проводил отпалку Лаукарт.

– Пиши объяснение на моё имя, – сказал начальник и дал Эдику ручку и лист бумаги, – опиши всё, как было.

– А про алкашей писать?

– Нет, не надо, – ответил Виктор Николаевич, – на них, кроме подозрений, у нас ничего нет.

Вдруг в кабинете раздался телефонный звонок. Звонил горно-технический инспектор Барков. Поприветствовав начальника, он спросил:

– Где у тебя Лаукарт? Он, до сих пор не отчитался за использование взрывчатых веществ на складе.

Виктор Николаевич ответил:

– Здесь он, передо мной сидит и пишет объяснение по факту кражи из его сумки патронов аммонита.

– Лёгко на помине, – сказал инспектор, – сам разорвал патроны и рассыпал аммонит по земле и сам же

явился писать объяснение. Пришли его ко мне в кабинет.

Дописав объяснение, Эдик пошел в кабинет инспектора. Там уже сидел капитан милиции Андрющенко, инспектор разрешительной системы. Барков сразу потребовал у Эдика единую книжку мастера-взрывника (аналогичная водительским правам шофёра). Тут же заявил, что изымает её и лишает её владельца права ведения буро-взрывных работ. После этого, они вдвоём с Андрющенко начали «прессовать» взрывника, стараясь получить от него признание, что он, не желая нести оставшуюся взрывчатку на склад, уничтожил её в горной выработке участка, где производил БВР. Но Эдик твёрдо стоял на своём и рассказывал, как было на самом деле.

– Вот, прочти акт о нарушении правил техники безопасности, – сказал ему Барков, и дал ему документ.

Эдик внимательно прочёл. Там значилось, что по звонку не представившегося рабочего, инспектор и зам. начальника участка БВР проверили такую-то горную выработку участка и обнаружили в ней разорванные патроны аммонита, и высыпанную на землю взрывчатку. Но мастер-взрывник не стал навешивать хомут на свою шею и твёрдо стоял на своём. Так и не добившись от него признания, инспектор и милиционер выпроводили Эдика из кабинета. После этого, на шахте, на основе случившегося с Лаукартом, прошла целая кампания, где Эдика «полоскали» на каждой планёрке, собрании, участковых раскомандировках. Приказом, перевели его путевым рабочим на участок транспорта на тяжелую неквалифицированную работу: укладывать шпалы и рельсы, чистить и ремонтировать пути, восстанавливать сошедшие с рельс

вагонетки. Естественно, зарплата путевого рабочего была намного ниже, чем у мастера-взрывника. «Да, с такой зарплатой на турпоездку в Болгарию не заработаешь, – уныло размышлял Эдик, – но ничего не поделаешь»... Как-то раз в рабочей мойке он увидел алкаша-горнорабочего, на которого он имел подозрение, в отношении кражи взрывчатки из сумки.

– Что, сука, радуешься, что сделал мне подлянку, – резко заявил Эдик.

– Не понял, о чём ты, – отпарировал алкаш, а сам густо покраснел.

– Ты прекрасно знаешь, о чём речь, – ответил Эдик, – но я тебя больше бить не буду, неохота руки об тебя марать, но знай – бог шельму метит, – и, послав тихого алкоголика на три весёлых буквы, резко отошёл.

Действительно, в нашей жизни, на макро- и микроуровнях, существует высшая справедливость, заложенная Создателем с момента зарождения человечества, то есть со времён Адама и Евы. Так вышло и в случае с Эдиком и его оппонентом. По Эдику, мы остановимся позже и поподробнее, а тихий алкаш, в один из дней, не сумев вовремя опохмелиться, получил сильный инсульт, в результате которого у него отнялась вся правая часть тела, речь замедлилась и стала неясной. Всё закончилось инвалидностью второй группы, с вытекающими отсюда последствиями.

Через некоторое время, после смены, в мойке к Эдику подошел его знакомый с участка БВР, Санечка Волков, и завёл с ним разговор.

– Слушай, есть один вариант, что тебе отдадут единую книжку мастера-взрывника и восстановят в прежней должности.

– Какой вариант? – спросил Эдик.

– Да, вот, есть у меня один хороший знакомый, живёт в соседнем подъезде. Шварцбаум Иосиф Маркович, начальник ремонтно-строительного управления. Еврей с большими связями. Если ты не против, я с ним переговорю по твоей беде, и, может быть, справедливость восстановится, тебе вернут единую книжку, и ты снова вернешься на наш участок.

– Конечно, я не против, а только за, – шутливо ответил Эдик.

– Хорошо, я буду «банковать», ведь в жизни бывают чудеса, – весело сказал Санечка.

И пояснил, что, несколько лет назад, он по пьянке устроил скандал в семье, побил жену и посуду. Супруга вызвала милицию, те приехали, составили протокол и увезли в горотдел. Сказали, что сообщат на работу, но Иосиф Маркович помог, и участковый, чуть позже, порвал при мне протокол.

Недели через две, Волков подошел к Эдику и сказал, чтобы он прибыл к Шварцбауму на работу, дал рабочий телефон начальника РСУ. Не откладывая в долгий ящик, Эдик позвонил Иосифу Марковичу, представился и спросил, когда к нему можно подойти на приём. На другом конце провода, картавой еврейской скороговоркой, Шварцбаум затрещал:

– Да, да, помню, мне о Вас говорил Санечка Волков, с которым мы часто играем в домино. Подходите завтра к такому-то часу, и мы с Вами переговорим, может быть, и решим Вашу проблему.

В назначенное время, Лаукарт подошел в РСУ в кабинет начальника. За столом сидел невысокий, плотный, лысоватый, лет сорока, человек, неряшливо одетый.

Шварцбаум дружелюбно поздоровался с Эдиком. Он вообще уважительно относился к высоким и сильным людям, а Лаукарт был около ста восьмидесяти сантиметров ростом, крепкого телосложения, чем-то похожим на вратаря мюнхенской «Баварии» и сборной Германии по футболу Оливера Кана.

– Вот что, Эдик, – спустя некоторое время сказал Шварцбаум, – я постараюсь тебе помочь. Ты о нашем разговоре никому не рассказывай. Но ты же, Эдик, знаешь закон Ньютона – сила действия равна силе противодействия..., я тебе помогу, и ты мне поможешь.

– Чем смогу, тем и помогу, – твёрдо заявил Эдик.

– Ну, вот и славненько, что ты меня понял. Жди от меня известий через Санечку.

На том и распрощались.

Далее сюжет развивался следующим образом. Иосиф Маркович позвонил в областной центр своему бывшему однокласснику Моне, ныне директору шахтопроходческого управления. После взаимных приветствий и разговоров на производственные и бытовые темы, Иосиф спросил у Мони, есть ли у него выход на руководителей областной горно-технической инспекции.

– Да, знаю я там кое-кого, ведь они тоже нас проверяют. А чтобы сильно не мешали работать и зарабатывать хорошие деньги, их приходится хорошо «прикармливать». Ты знаешь, Иосиф, о чём идет речь.

– Конечно, конечно, – весело тараторил Шварцбаум.

– Какая у тебя проблема с инспекцией? Ведь, насколько я знаю, ремонтно-строительными работами они не интересуются.

– Здесь у меня прямой интерес, – заявил начальник РСУ, – но это не телефонный разговор. Как-нибудь

встретимся, я тебе всё расскажу, за чашкой чая. Привет Саре и детям, – любезно закончил разговор со своим другом Монею Иосиф Маркович.

На следующей неделе, Шварцбаум выписал себе командировку в областной центр и зашел к Моне. Друзья некоторое время поговорили в кабинете, а, затем, зашли пообедать в недорогой ресторанчик. Угощал Иосиф Маркович. Он рассказал, что есть один хороший, физически крепкий, мужик.

– А я, как ты знаешь, строю себе дачу. Как-то раз, нескольких работяг своего РСУ я попросил помочь мне, но только бесплатно, так как они трудились в рабочее время. Они согласились, но каким-то образом об этом узнали в горкоме партии. Начальник промышленно-транспортного отдела долго и нудно журил меня, говорил о высоких материях и этике руководителя-коммуниста. А на хрена мне ихняя этика, мне нужно быстрее построить дачу с наименьшими финансовыми затратами. Тем более, я точно знаю, что работники горкома и горисполкома тоже используют для личных нужд дармовую рабочую силу. Так вот, я хочу «подпрячь» на дачу этого мужика, у которого горно-техническая инспекция не за что изъяла единую книжку мастера-взрывника, и он, в настоящее время, трудится путевым рабочим на этой же шахте. Но чтобы он оказался мне обязанным, я «подписался» помочь ему вернуть права мастера-взрывника. Мужик он неплохой, немец по национальности, а тут из него местные милиционеры и кагэбисты сделали чуть ли не «врага народа».

– Хорошо, Иосиф, мне не надо долго рассказывать, я всё схватываю с полулёта, и твоя проблема мне ясна и понятна, – сказал Монея. – Мы же евреи, и, как сказано

в «Торе» и «Талмуде», обязаны помогать друг другу, независимо на какой ступени иерархии стоим. Если, положим, к еврею-министру обратится за помощью еврей-сапожник, то, по нашей вере, он обязан помочь, несмотря на разное общественное положение.

– Я это всё хорошо знаю, – ответил Иосиф, – поэтому и обратился к тебе, хотя я не сапожник, а ты не министр.

Здесь они оба рассмеялись.

– В общем, я буду заниматься твоим вопросом и постараюсь порешать.

На том собеседники дружески расстались.

Какие связи и рычаги воздействия использовал Монея, чтобы выполнить просьбу своего друга-одноклассника, одному Богу известно, но, тем не менее, спустя три недели, после встречи друзей, в кабинете на столе начальника транспорта, где трудился Эдик Лаукарт, появилась записка, чтобы наказанный мастер-взрывник зашел к горно-техническому инспектору. Записку быстро передали Эдику, и он сразу же направился к Баркову. Дождавшись, когда из его кабинета вышли люди, Эдик, предварительно постучав, зашел в кабинет. Инспектор принял его довольно дружелюбно, как-будто и не было прежнего нелюбезного разговора в присутствии милиционера Андрющенко.

– Вот что, Лаукарт, – заявил инспектор, – мы выяснили, что ты не разбрасывал взрывчатку, а явился жертвой какого-то злоумышленника. Поэтому я возвращаю тебе единую книжку мастера-взрывника, тем более, об этом просили высокопоставленные лица из областного центра. Я не ожидал, что у тебя, простого рабочего, могут быть такие солидные связи.

Эдик ничего не ответил. Барков вручил ему единую книжку и попросил написать расписку о её получении. В заключение инспектор напутствовал Эдика больше не нарушать правила безопасности и никогда не оставлять без присмотра сумку со взрывчатыми материалами. На том и расстались.

На следующий день Эдик сразу же пошел в РСУ к Шварцбауму, и рассказал, что ему вернули права мастера-взрывника, за что он премного благодарен Иосифу Марковичу.

– Хорошо, хорошо, – сказал начальник, – значит, сработали мои связи. Не скрою, что для решения твоей проблемы мне пришлось потратить немало сил и времени.

– Спасибо, – поблагодарил Эдик. – Чем я Вам обязан?

– Да, особо ничем, вот только у меня, в близлежащей деревеньке, небольшое строительство. Решил сделать своему семейству приятное место для отдыха и крестьянского труда, то есть построить дачу. Материал есть, фундамент залит, сруб собран, осталось сделать крышу, настать полы, врезать окна, двери. Словом, объем работ, сравнительно, невелик. Может ты, Эдик, поможешь мне в строительстве?

– Какой разговор, – бодро ответил собеседник. – Вы же мне во многом помогли, а то бы еще неизвестно, сколько времени месил грязь возле рельсовых путей.

– Да, да, – согласился Иосиф Маркович, – давай договоримся так. Ты берёшь отпуск без содержания по семейным обстоятельствам дней на десять и ударно трудишься на моей стройке. Там ещё работает один человек, думаю, вы найдёте с ним общий язык. Естественно, я кормлю вас обедом, привожу и увожу с работы.

Плату я тебе не обещаю, так как мне пришлось потратить немало средств для решения твоей заморочки. Ведь ты прекрасно знаешь, что бесплатно даже чирей на заднем месте не вскочит. Согласен с моими условиями? – спросил Иосиф Маркович.

– Конечно, – ответил Эдик, – я постараюсь быстро оформить отпуск без содержания и сразу же приступить к работе.

На том дружески расстались.

Эдик, кстати сказать, ударно потрудился на стройке своего благодетеля. Там с ним работал пожилой неразговорчивый мужчина по имени Василий. По всей вероятности, он, как и Эдик, чем-то был обязан Шварцбауму, но об этом не распространялся, был немногословен, ограничиваясь только разговорами на строительные темы. Эдик тоже о своей прежней проблеме не заговаривал. Каждый день на дачу приезжала Ирина Абрамовна, супруга Иосифа Марковича, и привозила обед. Это, зачастую, были щи из квашеной капусты, жареный минтай с макаронами, дешевая колбаса с толчёной картошкой, варёные яйца, кофе или чай. «Уж лучше бы привозила сырые яйца» – помня рекомендации бабушки-знахарки, думал Эдик. Пока рабочие обедали, Ирина Абрамовна обходила стройку и придирчиво оценивала качество работ, но, тем не менее, была тактична и вежлива со строителями. Работала она стоматологом и говорила строителям, что если хорошо и качественно постройте дачу, то можете без очереди приходиться ко мне на приём и хорошее медицинское обслуживание вам гарантировано.

– Спасибо, – отвечали работяги, – но лучше бы, чтобы наши зубы были подольше здоровыми.

– Не зарекайтесь, не зарекайтесь, – весело отвечала Ирина Абрамовна, – у нас в городе плохая экология, и, зачастую, с малого возраста у многих людей большие зубы.

Дождавшись, когда строители пообедают, она собирала посуду и уезжала в город. Эдик и Василий интенсивно и добросовестно трудились с раннего утра и до вечера, и, спустя десять дней, к большому удовольствию Иосифа Марковича, дача приняла нормальный и годный для проживания вид. В последний день работники убрали строительный мусор, врезали в дверь два замка, прикрепили ставни на окна. Забирать их на машине приехал сам заказчик. Привёз бутылку недорогой водки и неприятательной закуски. Сам принял участие в застолье, был весел, разговорчив, рассказывал еврейские анекдоты. Видимо, качество работы ему понравилось.

– Вот видите, ребята, – говорил он, – я вам сделал добро, и вы ответили тем же. У нас, евреев, так и принято издревле, а, вот, у других национальностей нашего Союза по-другому. Зачастую, люди ведут себя как пауки в банке, – добавил Шварцбаум.

«Да уж» – думал Эдик, вспоминая случай с тихим алкашом, укравшим у него из сумки ammonit и «подставившим» его горно-техническому инспектору.

После окончания десятидневного отпуска, Эдик вышел на работу, но уже на участок буровзрывных работ, на прежнюю должность. Начальство и рабочий коллектив приняли его дружелюбно. Начались трудовые будни. В сентябре месяце Эдик и его супруга Полина пошли в очередной отпуск, приобретя накануне в бюро молодёжного международного туризма две путёвки в Болгарию на «Солнечный берег».

На отдыхе в братской стране им всё понравилось. Проживали в недорогой гостинице-пансионате, питание было неплохим и сбалансированным, фруктов можно было есть, сколько захочешь. Погода стояла хорошая, море теплое и спокойное, без всяких штормов. Супружеская чета практически целые дни пропадала на пляже, купались, загорали, брали напрокат водные велосипеды. По магазинам, за «шмотками», ходили редко, да и товары в них были практически такие же, как в Союзе. В один из дней, на пляже они познакомились с пожилой супружеской парой из Федеративной Республики Германии. Супруги Риддигер выехали лет пять назад на постоянное жительство в ФРГ из Казахстана. Эдик спросил, не жалеют ли они о своём решении, ведь они привыкли к советскому укладу жизни. На что супруги в один голос ответили:

– Нет, ни капельки, не жалеем. Германия – страна для своих граждан, а в России – граждане для страны.

И пояснили, что на их новой Родине хорошая пенсия, социальные льготы, дополнительные выплаты, как лицам, пострадавшим в СССР от политических репрессий, то есть выселенных во время войны с Украины в Казахстан и бывшие там в «тудармии» в очень тяжелых условиях.

– В Германии живём в собственном небольшом доме со всеми удобствами в пригороде сравнительно небольшого города Билефельд, в котором много выходцев из СССР. Купили легковой автомобиль «Мерседес», часто ездим в гости к сыну, проживающему от нас в пятидесяти километрах. Словом, Бог вознаградил нас за все тяготы и лишения в военные и послевоенные годы в СССР.

Узнав, что Эдик по национальности немец, Иван Риддигер поинтересовался, не планирует ли собеседник уезжать из России на жительство в Германию. Эдик ответил отрицательно, хотя он имел дальних родственников в Германии, и его мамаша с папашей обменивались с ними письмами и поздравительными открытками. Здесь же супруги Лаукарт рассказали, что у нас в России сейчас перемены к лучшему, создаются кооперативы, где работники получают хорошую зарплату, больше стало свободы слова и демократии, можно сравнительно недорого купить подержанную иномарку. Генсек Горбачёв, в отличие от прежних престарелых лидеров государства, активно взялся за дело, ездит по стране, встречается с людьми, интересуется их жизнью, рассказывает о своей «перестройке» и «ускорении». На это Иван Риддигер вполне резонно ответил, что один человек не может сломать устоявшуюся советскую систему, его же нынешние соратники не дадут это сделать, так как им вполне по душе прежняя жизнь и порядки в стране.

– Придёт другой генсек или президент, как у вас теперь называют первого руководителя, и всё рухнет, как карточный домик. И куда только денутся ваши «перестройки» и «ускорения», ещё положите зубы на полку...

Пожилой Иван Риддигер как в воду смотрел, основываясь на своём богатом жизненном опыте. Мы теперь только можем оценить девяностые годы прошлого века в России, как трагическое время для страны, резкий упадок уровня жизни, ухудшение снабжения продуктами и товарами, сильнейшая инфляция, разгул преступности, обманутые вкладчики коммерческих банков и финансовых пирамид, появление несметного числа «бомжей», нищих, наркоманов и беспризорных детей.

Приватизировались предприятия в худшем смысле, закрывались шахты, бастовали шахтёры, «оборонка» переключилась на выпуск чайников и утюгов. Особенно сильно этот период времени «хлестнул» по пожилым людям пенсионного возраста. Большинство из них перебивались с хлеба на воду, ведь десятилетиями накопленные их трудовые сбережения быстро превратились в полный ноль, вынуждены распродавать своё имущество, квартиры. Но небольшая часть населения, в том числе из бывших партийных и советских функционеров, активно использовала это смутное время для своего резкого обогащения, скупая за бесценок целые предприятия, колхозы, недвижимость, землю. Часть из них трансформировалась в настоящее время в российских олигархов различного масштаба, часть выехала за границу, «уведя» из России десятки миллиардов долларов. А старики и старушки, в это же время, стали активно копаться в мусорных контейнерах, продавать книги из личных библиотек и другие вещи, чтобы как-то свести концы с концами. А как ещё российские смутные годы «хлестнули» по психике и генам народа. Люди стали унылыми, раздражительными, завистливыми, злыми, куда только делись добродетельность, взаимопомощь и поддержка. Резко упала рождаемость, ведь детские сады и ясли перестроили в офисы банков и фирм, а мужчины, вместо того, чтобы думать о сексе, думали о водке и как заполучить денег. В то же время, резко повысилась смертность, возросло число суицидов, в том числе среди молодых людей. На фоне этого, как грибы после дождя, стали появляться в больших количествах различные шарлатаны, экстрасенсы, контактёры с инопланетянами, женщины лёгкого поведения, сексуальные маньяки, насильники.

Бурным цветом расцвела коррупция, достигнув общегосударственного масштаба, а также другие формы организованной преступности.

Отдельные же люди, нажившись на бедах народа в то смутное время, пытаются нам втолковать, что в «период застоя», как они именуют стабильную и нормальную жизнь при Л.И. Брежнев, жить было гораздо хуже, чем в России девяностых годов, а также, в начале двадцать первого века. Но мы то все помним «шоковую терапию» и последовавшие за ней беды в нашей жизни.

Но это, уважаемый читатель, как бы лирическое отступление от основной канвы нашего повествования...

Отпуск у благородного семейства Лаукарт прошел быстро, ведь отпуска ждёшь долго, а пролетает он незаметно. Супруги приехали домой отдохнувшими и загорелыми, зарядившись положительными эмоциями. На вопросы знакомых, касающихся «Солнечного берега», Эдик и Полина положительно оценивали уровень индустрии отдыха в Болгарии, доброжелательное отношение местных жителей к россиянам. (Чего не скажешь о современном периоде отношений между Россией и бывшими «братскими» странами, а также, союзными республиками развалившегося СССР.) Своему папаше Эдик рассказал о беседе с эмигрантом из Союза Иваном Риддигером и уровне и особенностях жизни в ФРГ, в том числе и его, пенсионера по возрасту. Роберт Карлович, папаша Эдика, внимательно выслушал сына и сказал, что в Германии, конечно, хорошо. Но он здесь получает хорошую шахтёрскую пенсию в сто сорок рублей, имеет свой добротный дом и небольшое приусадебное хозяйство. Многих своих земляков он знает, многие его знают. Периодически встречаются, вспоминая свой

нелёгкий шахтёрский труд, общих знакомых, которых уже нет, выпивают по рюмке водки.

– Словом, я привык к нынешнему укладу жизни в Союзе. Ну что, я, и твоя мамаша, уедем в ФРГ и будем общаться с тобой только по телефону, а тут мы каждую неделю видимся. И мне, и твоей мамаше, еще хочется понынчиться с твоими будущими ребятами. Я же знаю из рассказов своих знакомых, выехавших в Германию, что там порядок жизни резко отличается от советского, например, в гости без приглашения не придёшь, тебя не поймут, при походах в гости нужно брать свою закуску. Не дай Бог, попросить соседа чем-нибудь помочь по хозяйству, либо одолжить у него денег. Словом, наша российская общительность и взаимопомощь там не приветствуются.

У каждого из российских немцев своя судьба: одни уезжают на жительство в Германию, и, меняя менталитет, приспособляются к новым условиям, скучая о своей прежней жизни в Союзе; другие живут в России, стойко воспринимая отдельные отрицательные моменты нашей жизни, реально полагая, что для того, чтобы прижиться на новом месте, нужен ни один десяток лет, а жизнь наша короткая. Только привык, и придётся уходить в мир иной. Уезжать за рубеж нужно, когда тебе ещё нет сорока лет, а дальше уже поздно... Советские власти и КГБ не хотят терять миллионы добросовестных рабочих рук российских немцев, поэтому и, в большинстве случаев, выпускают из страны только пожилых, а из молодых – «птенчиков Андропова» – негласных работников Комитета.

Эдик и Полина вышли каждый на свою работу. Где-то через месяц, жена ему сообщила, что она почувствовала признаки беременности. Эдик был несказанно рад.

– Благодарю Бога, Полина, – говорил он, – помогла нам Казанская Божья Матерь. Не зря мы с тобой ездили на Алтай, на приём к бабушке-знахарке. Хоть и она не вполне вписывается в рамки современной медицины, но, тем не менее, своим лечебным даром, полученным, видимо, от предков, она, наверное, помогла многим семейным парам, у которых не было детишек.

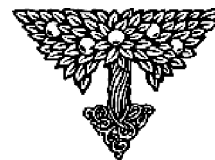
Спустя положенное время, у супругов Лаукарт родилась девочка, в три с половиной килограмма весом. Назвали Машей, окрестили в церкви. Эдик, несмотря на учёбу в вечернем техникуме, добросовестно помогал жене ухаживать за малышкой, охотно участвовал в купании, с интересом и довольным смехом воспринимал, как малышка в воде дрыгает ножками и хлопает по воде ручками, поднимая сильные брызги. Когда было время, Эдик стирал и гладил пелёнки, ведь памперсов в то время не было. Ходил в детскую молочную кухню, магазины, охотно катал ребёнка в коляске. Родители Эдика и Полины очень были рады появлению ребёнка, подарили малышке и мамаше хорошие подарки. Получили супруги тёплое поздравление с рождением дочки от семейства Карликовых. Эдик купил в книжном магазине альбом «Наш ребёнок» и скрупулезно заносил туда, с привязкой по времени, новые вехи в развитии дочки, например, когда начала «агукать», когда начали резаться зубки, когда начала улыбаться и тому подобное, а также вклеивая туда фотокарточки своего «чада».

Время, между тем, летело; Эдик окончил техникум и стал работать механиком участка на своей шахте. Прошлая работа мастером-взрывником во многом помогла в его новой должности, так как он располагал связями с работниками механических служб всех добычных и

подготовительных участков, а связи, как известно, много значат, начиная с дельного совета и кончая дачей взаимно какой-либо запчасти для горного оборудования. Такое нередко случалось, ведь у механиков участков всегда в «зачаке» были детали и запчасти, наиболее часто выходящие из строя.

Спустя четыре года после рождения Маши, у супругов родился мальчик. Назвали Робертом, в честь отца Эдика, чему Роберт Карлович был несказанно рад: появился носитель фамилии Лаукарт уже в третьем поколении. В семь лет Маша пошла в школу, а в восемь родители записали в музыкальную школу по классу фортепьяно. Её братик посещал детский сад. Сестричка и братик очень любили друг друга, долго не могли находиться, когда один из них отсутствовал. Маша пыталась научить Роберта счёту и написанию букв. Семейство Лаукарт написали письма бабушке-знахарке на Алтай, сначала о рождении дочери, а затем сына. К письмам добавили денежные переводы, ведь на добро нужно отвечать добром...

Но, уважаемый читатель, на некоторое время оставим героев этой главы и снова вернёмся к учителю истории Юлию Карликову.

ЧЁРНАЯ ПОЛОСА ЖИЗНИ

Юлий и его супруга продолжали преподавать в сельской школе. Юлий, к тому времени, располагал значительным дополнительным материалом о послереволюционной истории нашего государства. Разбирая на уроках тот или иной период в жизни страны, он приводил примеры из своих личных изысканий, наряду с материалами из официальных источников, то есть учебника истории, методичек, институтских конспектов. Юлий справедливо считал, что дополнительный материал поможет любознательным ученикам, а школьникам, безразлично относящимся к истории государства, отнюдь не повредит. В выпускном классе, на его беду, училась девочка-отличница, дочь инструктора отдела агитации и пропаганды райкома партии. У неё была «голубая мечта» – поступить после школы в Московский Государственный институт международных отношений (МГИМО) и пойти по дипломатической стезе. Она много читала и слышала о первой советской женщине-дипломате А.М. Коллонтай, бывшей послом, в тридцатых-сороковых годах, в ряде европейских стран. Скрупулезно записывала в тетрадь материалы уроков истории, усердно занималась с дополнительной литературой, много вопросов задавала своему учителю Карликову. Кстати, её мамаша – инструктор райкома, окончила исторический факультет университета.

Как-то на одном из уроков разбирали тему зарождения Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), предшественницы коммунистической партии большевиков. Излагая материал, Юлий рассказал

ученикам, что РСДРП «отпочковалась» от «Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России» (БУНД) в 1898 году, спустя год после первого сионистского конгресса в Базеле. Несмотря на то, что в аббревиатуре присутствует слово «рабочая», рабочих среди основателей РСДРП было не более пяти человек, а все остальные – интеллигенты, большинство – нерусские.

На другом уроке, проходя методы борьбы эсеров, народовольцев, анархистов с самодержавием, Юлий рассказал, что члены этих партий, в том числе и женщины, во главу угла своей борьбы с режимом ставили террор и буквально «пачками» уничтожали высокопоставленных царских сановников, в том числе и генерал-губернатора Москвы, великого князя Романова Сергея Александровича, дядю императора, вкупе с которыми гибли граждане простого сословия, оказавшиеся, на свою беду, вблизи места теракта. Супруга же взорванного сановника, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, просила императора Николая II и правительство помиловать осуждённого к смертной казни через повешение эсера-террориста Ивана Каляева, «ибо они не ведают, что творят». Великий русский писатель Лев Толстой, когда от терактов погибали сотни невинных людей, молчал, как рыба, как-будто эта российская проблема его не касается. Но когда конкретных террористов стали справедливо сурово наказывать в уголовном порядке, написал статью «Не могу молчать» в защиту революционеров-террористов. Здесь учитель пояснил, что в области литературы Толстой был гением, а вот в области общественно-политических отношений – полным профаном, поэтому ему не стоило «лезть» в проблемы, которыми не владеет. Аналогичная ситуация

сложилась в Российской Федерации во второй половине девяностых годов двадцатого века и в начале двадцать первого века, когда отдельные умные люди оправдывали и «обеляли» массовый террор в отношении мирных граждан, не имевших никакого отношения к политике.

Проходя тему развития государства в двадцатые-тридцатые годы двадцатого века, когда начал набирать силу генсек Сталин, Карликов, особо не акцентируя внимания учеников, рассказал о страшном голоде, поразившем страну в 1932 году. На фоне массового голода, сохранилось хорошее снабжение продуктами партийно-советской номенклатуры, начиная с членов ЦК ВКП(б), министров и, кончая, инструкторами горкомов-райкомов партии и советскими работниками низшего звена. Правда, состав продуктовых наборов был строго дифференцирован, тоже и касается промтоваров. По обеспечению питанием делегатов съездов партии, партийных конференций республиканского, областного и городского масштаба можно было сделать вывод, что страна живёт при коммунизме, в обществе изобилия, а, между тем, подавляющее большинство населения голодало, особенно люди, не занятые в основных отраслях промышленности, а также неработающие граждане. Была введена строго лимитированная карточная система снабжения продуктами и товарами.

Здесь же Карликов поинтересовался у учеников, что им известно о видном военачальнике Тухачевском Михаиле Николаевиче. Один из учеников, с некоторой патетикой, ответил, что этот маршал являлся «светилом» военного дела в РСФСР, но был репрессирован в 1937 году. Репрессированы также его сподвижники: Уборевич,

Якир и другие. Именно из-за этих репрессий видных военных деятелей, в начале Великой Отечественной войны, Красная Армия терпела сокрушительные поражения.

– С одной стороны, это верно, – пояснил учитель, – но, видимо, вы не знаете, что в 1921 году Тухачевский, во главе сотысячной регулярной армии, жестоко подавил крестьянское восстание на Тамбовщине. Это было народное, а не кулацкое, восстание, как утверждалось в официальных средствах массовой информации, крестьяне боролись против незаконной продразвёрстки представителей новой власти, когда изымалось практически девяносто девять процентов собранного урожая, а, также, все домашние животные, – добавил Юлий. – Причем красные воины убивали всех подряд: детей, женщин, стариков, и возили трупы по деревням для устрашения других крестьян. Вот и думайте, коль скоро в нашей жизни существует высшая справедливость, было ли осуждение Тухачевского и его сподвижника по подавлению крестьянского восстания Уборевича к смертной казни, актом своеобразной сатисфакции за тысячи невинно загубленных человеческих жизней, – подытожил историк.

Девочка-отличница как-то дома подошла к мамаше с конспектом по истории и поинтересовалась, стоит ли на вступительных экзаменах в МГИМО освещать факты и события, не отраженные в учебнике истории и дополнительной литературе.

– Какие факты и события? – поинтересовалась мамаша.

Дочь кратко рассказала изложенную выше информацию о РСДРП, Л. Толстом и голоде 1932 года. Мать,

всплеснув руками, спросила, откуда дочери известны такие исторические сведения. Та ответила, что из уроков истории, которые ведёт Карликов Юлий Александрович.

– Почти что Юлий Цезарь, – пошутила мамаша.

И посоветовала дочери не излагать на экзаменах подобную информацию, а то потом греха не оберешься. И ещё неизвестно, как экзаменаторы оценят эти, с позволения сказать, дополнительные сведения.

Сама же родительница, не откладывая в долгий ящик, созвонилась с директором школы и обусловила с ней встречу. В ходе аудиенции, мамаша-инструктор, вначале, поинтересовалась школьными делами дочери, рассказала о её намерении поступать в МГИМО. Спросила, есть ли шанс у дочери попасть в такое престижное учебное заведение. Директор ответила, что, теоретически, шанс всегда есть, но практически... Как она слышала, в этот ВУЗ всегда очень высокий конкурс, и большинство абитуриентов поступают по протекции ЦК КПСС, КГБ, Совмина, обкомов партии, облисполкомов и т.д.

Далее инструктор поинтересовалась, что за преподаватель Ю.А. Карликов. Директор дала ему развёрнутую характеристику: возраст такой-то, окончил исторический факультет университета, беспартийный, не комсомолец, в армии не служил, женат, имеет ребёнка, проживает в рабочем общежитии. Нареканий за качество преподавания предмета в отношении него не имеется.

– Так вот, – сказала мамаша-инструктор, – этот Карликов даёт на уроках ученикам материал, который не вписывается в контекст политики нашей партии, – приводя примеры с Л. Толстым, голодом 1932 года, возникновением РСДРП и её основателях. – Во-первых, –

пояснила она, – дети ещё не могут с политически верных позиций оценивать эти сведения, а во-вторых, если на экзаменах в ВУЗы они будут оперировать этой информацией, то неизвестно, в плюс это им пойдёт, или в минус. Вы уж, как руководитель педагогического коллектива, – обратилась она к директору, – переговорите с Карликовым, чтобы он на уроках не занимался самостоятельностью, а строго придерживался официальной информации для освещения изучаемой темы.

– Хорошо, хорошо, я с ним переговорю, – сказала директор, думая, что Карликова уже не исправить.

На том дамы любезно распрощались.

Спустя некоторое время, директор школы пригласила Юлию к себе в кабинет, и в повышенном раздражительном тоне стала отчитывать за политически вредные суждения на уроках, дезориентирующие учеников в вопросах истории.

– Уже, мол, имеют место жалобы родителей на Ваши интерпретации конкретных исторических фактов. Хорошо, что они, хоть, приходят ко мне, а не в госбезопасность или в райком, вот бы тогда «прославилась» наша школа. Диссиденты Сахаров, Солженицын и иже с ними – это одно, а советский преподаватель – это другое..., – директор еще некоторое время «прочистала» мозги преподавателю, подчеркнув, что это уже не первая их беседа. – Но, почему-то правильных выводов Вы не делаете.

Юлий, внимательно выслушав запальчивую риторику руководителя, вежливо отпарировал, что в освещении тех или иных исторических событий, он не руководствовался какими-либо негативными побуждениями, а старался осветить ученикам действительные, пусть и

горькие, исторические факты, ведь лакирование истории и подгонка её под конкретную личность, никогда ни к чему хорошему не приводили.

– Вот до 1953 года мы буквально обожествляли Сталина, после него Хрущёва и Брежнева, а как они ушли из жизни, стали «навешивать на них всех собак». Безусловно, все эти личности внесли значительный вклад в развитие страны, но им были присущи серьезные ошибки, особенно Сталину и Хрущёву. Я же хотел, чтобы мои ученики уже были вооружены определёнными историческими знаниями при выборе и оценке первых руководителей государства.

– Зачем вам это надо? – заявила директор, – ведь есть чёткая учебная программа и методички, так и придерживайтесь их, и не рубите сук, на котором сидите. Ведь пока с вами «воюю» только я, но кто даст гарантию, что информация о ваших исторических изысканиях не утечёт куда-либо дальше и не принесёт урон всему нашему педагогическому коллективу. Если вам не нравятся мои требования, как руководителя, то можете подыскать себе иное место работы.

– Хорошо, я подумаю, – ответил Юлий.

На чём и закончился этот неловкий разговор.

Придя домой, Юлий рассказал о состоявшейся профилактической беседе своей супруге Ларисе и спросил её мнение, как быть дальше. Та ответила, что, конечно, свет клином на районной школе не сошелся, и ей хотелось бы пожить и поработать в городе.

– Давай потихоньку подыскивать себе работу в городах, вот у тебя же есть сестра, замужем за Эдуардом Лаукартом. Напиши ей письмо, либо позвони по телефону, пусть она прозондирует, нужны ли в городе

педагоги нашего профиля. А пока работай, не дергайся. Веди уроки строго по программе. Нашей директорисе не резон «выносить сор из избы», и она никуда сообщать о тебе не станет. Найдём работу в городе и съедем туда.

Так и порешили супруги Карликовы на семейном совете.

Кстати, девочка-отличница, после окончания школы, поехала поступать в МГИМО, сдала все экзамены, но, конечно, не прошла по конкурсу. Передала документы в областной педагогический институт, куда и была зачислена по результатам вступительных экзаменов в МГИМО. Московская жизнь закружила девушку из глубинки, на третьем курсе вышла замуж за жителя Москвы, младшего научного сотрудника, с которым познакомилась на вечеринке. Вскоре родился ребёнок, пришлось уйти в академический отпуск, а, после его окончания, возвращаться в институт не захотелось. Так и стала несостоявшийся дипломатический работник обыкновенной домохозяйкой, бегала по магазинам, стирала бельё, варила обеды, и куда только делась голубая мечта её детства. Её мамаша была очень расстроена, но резонно думала, что нет худа без добра, пусть дочь и не получила полного высшего образования, зато удачно вышла замуж и живёт в Москве, а так бы «кисла» в районном центре... О том, что «подставила» Юлия Карликова мамаша-инструктор, конечно, забыла, и никогда не вспоминала.

Как и договаривались с супругой, Юлий написал письмо своей двоюродной сестре Полине в город, где, наряду с житейскими новостями, высказал просьбу прозондировать, нужны ли в городских школах преподаватели

истории и биологии. Вскоре пришел ответ, что такие специалисты востребованы, и Полина, к тому же, указала адреса и номера телефонов школ, и фамилии их директоров. Юлий и Лариса быстренько списались с ними с предложением своих «рабочих рук» и, вскоре, получили ответы, что их готовы принять. Супруги написали заявления директору районной средней школы об увольнении по собственному желанию, и благополучно уволились. Директор школы, при прощании, поинтересовалась, куда думают уезжать Карликовы, те ответили – в город N-ск, где проживают их родственники. Директор пожелала им счастливого пути и хорошей работы на новом месте.

В N-ске Карликовы сразу же купили на окраине города небольшой бревенчатый дом с огородом и вселились туда. В коллективе новых коллег приняли хорошо, расспрашивали об уровне преподавания в районном центре, условиях жизни там. Жизнь потекла у Карликовых по наезженной колее. Но, как известно, белые полосы нашего существования регулярно сменяются чёрными, и наоборот.

Всё шло нормально, до тех пор, пока Лариса случайно не встретила на улице с офицером горвоенкомата Василием Кочергиным, бывшим воином-афганцем, с которым ранее училась в одной школе, дружили и любили друг друга юношеской любовью. После окончания школы их пути разошлись, Василий поступил в Высшее военное училище в Рязани, а Лариса – в университет в сибирском городе. Далее Василий был направлен на военную службу в Афганистан, где тяжело ранен, ходил с палочкой, сильно прихрамывал. После излечения в госпитале, он настоятельно просил командование

не увольнять его из Советской Армии, а найти новое, подходящее для его здоровья, место службы. Награждённого орденом и медалью воину пошли навстречу и направили служить начальником второго отделения в городской военкомат. После боевых действий в Афганистане и полученного там ранения, здоровье и, в первую очередь, психика офицера Кочергина были сильно нарушены. Он часто просыпался по ночам в холодном поту, в дневное время был возбуждён, вспыльчив, регулярно ругался с супругой, работниками военкомата, призывниками и посетителями. А когда выпивал спиртного, был практически невыносим. Его жена Ольга, бухгалтер горфинотдела, тихая и спокойная женщина, вначале, стойчески сносила нервные стрессы и грубое поведение мужа. Но, в конце концов, она не выдержала, подала на развод и, вместе с ребёнком, уехала к своим родителям. Василий при первой встрече рассказал Ларисе Карликовой о своей трудной судьбе, ранении в Афганистане, долгом лечении, разводе с женой. Естественно, развод он «обыграл» так, что, якобы, супруга, за время его отсутствия, нашла себе другого мужчину и ушла к нему. Ларисе стало жалко своего школьного сердечного друга. Нередко после работы, поручив Юлию взять сына из детского сада, она заходила в двухкомнатную холостяцкую хрущёвку Василия, наводила там порядок, готовила еду, подолгу разговаривала со своим бывшим одноклассником. Вскоре их отношения переросли в близкие, и Василий предложил Ларисе выйти за него замуж, предварительно развестись с Юлием.

– А как же мой сын Марк? – спросила Лариса.

– Будет жить с нами, – ответил Василий, – я к нему буду относиться, как к родному сыну.

На том любовники и порешили. Вскоре, Лариса объявила Юлию о своём решении развестись с ним и перейти жить к Кочергину. Она внутренне сжалась, ждала скандала, разбирательств, оскорблений и упрёков. Но Юлий внешне спокойно воспринял слова жены, сказав:

– Делай, что хочешь... Единственно, я попрошу от тебя письменной гарантии, что ты не будешь запрещать мне встречаться и, периодически, брать к себе сына Марка.

Лариса ответила быстрым согласием. В душе же Юлий сильно переживал, полагая, что годами устоявшийся образ жизни рухнул в одночасье. Он всё чаще и чаще приходил к мысли, что все его неурядицы исходят от его увлечения историческими изысканиями и ответной реакции представителей конкретных структур на его «хобби». Ведь не будь последней беседы с директором школы о жалобах родителей учеников в отношении дополнительной информации, даваемой им на уроках истории, не съехали бы они из райцентра и жили бы, как жили. Но, как умный человек, размышляя на эту тему, он сделал резонное предположение, коль скоро Лариса так легко ушла от него, то, значит, она его не любила. Поэтому развод, рано или поздно, должен был произойти. Жалко вот только Марка, мальчик уже достаточно хорошо соображает, и резкое изменение в его жизни (новый отец) вряд ли положительно скажется на его психике. Но в этой проблеме он абсолютно не виноват, а, вот, что душа женская – потёмки и не поддаётся какой-либо логике, он убеждён на сто процентов. И не известно, как оценят решение Ларисы уйти к другому мужчине в её окружении, в том числе в педагогическом коллективе, детсаде, который посещает Марк, а также её родителями.

Сразу же после неловкого разговора с мужем, Лариса, собрав все свои вещи, съехала к Василию. Дом супругов Карликовых опустел, стал скучным и холодным. Юлий, чтобы ежедневно не встречаться с бывшей женой, рассчитался из школы, в которой они трудились вместе с Ларисой, и перешел в другую. После работы долгими вечерами он мучительно размышлял и анализировал распад своей семьи. Собрал информацию о своём визави – офицере Кочергине, благо, что в городе офицеров военкомата знали многие. Сделал вывод, что Василий ничем не лучше его, а, может, даже и наоборот... Но тем не менее, Лариса почему-то предпочла Василия. Обида жгла душу, Юлий потихоньку начал выпивать спиртное, которое сглаживало его стресс. Как-то, будучи выпившим, он встретил своего «своика» Эдика Лаукарта и пригласил его выпить. На это предложение он получил резкую отповедь Эдика:

– Что ты, б...ь, как сопля, нашел «горе». Да ты же, наверное, знаешь не то латышскую, не то литовскую народную песню, которую часто поют по радио, где говорится: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезёт...». В твоём случае не невеста, а жена, но смысл одинаков. Ты же, Юлий, молодой мужик, имеешь высшее образование, приятную внешность, материально обеспечен. Хороших женщин ты, при желании, не один десяток найдёшь. Не стоит сильно переживать, а, тем паче, выпивать. Жалко, вот, только твоего сына Марка, но, я думаю, ты его не бросишь.

– Конечно, – ответил Юлий.

Ещё некоторое время они поговорили на житейские темы и затем разошлись.

Однажды на ум Юлия пришла мысль продать свой дом и купить новые или подержанные «Жигули». «Буду ездить на рыбалку, за грибами, ягодами, брать с собой Марка. Естественно, личный автомобиль дисциплинирует его владельца, не давая возможности употреблять спиртное, нарушать правила дорожного движения, но это всё к лучшему» – размышлял Юлий. Но денег на новое авто ему не хватало, а одалживать у знакомых или родственников он не хотел. Как-то в двенадцатиметровой комнате общежития, куда он переселился после продажи дома, увидел по телевизору в бегущей строке объявление, что акционерный коммерческий банк «Надежда» принимает денежные вклады у населения под сто пятьдесят процентов годовых. Это было в середине девяностых годов прошлого века, когда очень много россиян, особенно малообеспеченных, желая пополнить свои денежные запасы с учетом высокого процента банковского депозита, вовсе потеряли их. Юлий собрал наличные средства, полученные от продажи дома, и отнёс их в «Надежду». Половину суммы от сделки по дому, он отдал Ларисе, ведь недвижимость они покупали на общие средства. Каждый месяц, путём несложных математических подсчётов, он вычислял, сколько рублей «набежало» на его вклад. Но «гром грянул» неожиданно. Проходя как-то возле помещения банка, он увидел объявление, что банк с такого-то числа прекратил финансовые операции, и вкладчики могут забрать свои деньги. Юлий тут же зашел в помещение, но вахтёр-охранник вежливо ему сказал:

– Приходите позже, сейчас наличных денег в банке нет.

Несколько недель подряд он, совместно с другими вкладчиками, ходил за своими сбережениями в банк, их

исправно «кормили завтраками», дважды даже выдавали по небольшой сумме. Но, в один прекрасный день, дверь оказалась закрытой на замок, и на ней висело объявление, что банк прекратил своё функционирование, съехал из указанного помещения, по всем вопросам обращаться по телефонному номеру такому-то. Вкладчики звонили по этому телефону; вначале женский голос им успокаивающе отвечал, что директор банка поехал в Москву, в Минфин, решать вопросы о выплате денег вкладчикам, но, в конце концов, телефон перестал отвечать. Вкладчики «Надежды», как и других подобных банков, оказались «у разбитого корыта». Вклад Юлия пропал, как птица в облаках. Все свои житейские и финансовые неурядицы Юлий воспринял очень болезненно, как, впрочем, и все россияне. Он решил не работать больше на государство, которое так жестоко обмануло своих граждан, был очень обижен на компартию, которая, как он думал, довела страну до такого состояния. Рассчитался из школы и устроился работать дворником. Утром, убрав свою территорию, читал книги, слушал радио, в том числе и зарубежное, работал в читальном зале. Поток информации, правдивой и не очень, в отношении истории СССР, деятельности её спецслужб, был громадным. Не было дня, чтобы в средствах массовой информации не поливали грязью КПСС, советскую власть, КГБ и его предшественников – ВЧК, ГПУ, НКВД. Естественно, с привязкой к конкретным лицам: Ленину, Сталину, Свердлову, Ежову и иже с ними.

Постепенно, в голове Юлия созрела парадоксальная мысль, что все его беды основаны на тоталитарной власти в СССР, не дающей гражданских свобод населению,

а декларирующей их только на бумаге. Что, например, страшного в его исторических исследованиях, ведь он не «передёргивает» факты и события, а старается постичь историю государства со всеми её положительными и отрицательными сторонами. «А вот, поди ж ты, затеяли бодягу, как будто я враг народа». Как-то раз, он увидел сон, что является поэтом, типа Пушкина, борцом за свободу народа. Якобы, он сочинил стихотворение, компрометирующее власть предержавших, и люди положительно восприняли его произведение. Проснувшись, Юлий подумал, что сон, видимо, был в руку, и ему действительно вполне по силам сочинить стихотворение на политическую тему. «Напишу, а потом видно будет, как им распорядиться, – думал он. – Ведь не даром в России, в настоящее время бурно развивается демократия, гласность, свобода слова. Почему бы не воспользоваться этими объективными обстоятельствами, и хоть на малую толику не просветить народ?» Дней двадцать, по несколько часов, он мучительно составлял план и структуру стиха, сочинял рифмы. Что-то ему нравилось, что-то нет... Но, в результате мук творчества, из-под пера Карликова, вышло стихотворение, которое излагается ниже.

Россияне

Свое расстройство я никак не скрою,
Таков всех россиян удел.
Как за кремлёвской каменной стеною,
Вели Россию на расстрел.

Жидомасоны сильно преуспели,
Свой дьявольский свершили заговор.

Россию в ад кромешный опустили,
И облекли народ наш на позор.

Жидкобородый лысый человечек,
Картавым голосом к свободе призывал.
Но цель его была конечной –
Искоренить народ и завершить им начатый развал.

За брата мстя российскому народу,
Фанатик рыжий, с Марксом в голове,
Масонству дал полнейшую свободу,
Россию загубил и расстрелял в полне.

Хотел он уничтожить веру в Бога,
Россию свергнуть во всеобщий грех,
Инстинкты зверя взрастить у народа,
И праздновать свой дьявольский успех.

И до сих пор фанатик губит наши души,
Внушая ересь и масонский бред.
Его клеветы завязли во лжи по уши,
Но продолжают данный идолу обет.

Душа его, не обрета покоя,
Летает по стране, всем, нанося урон.
А он лежит в стеклянном саркофаге,
Отождествляя сатанизма звон.

Но Божья воля справедлива,
Губителям России воздала за грех.
Масонов слугам жестоко отомстила,
И расколола их жизни, как орех.

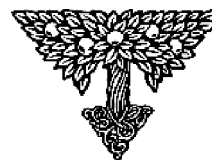
Народ российский силен своей идеей,
 С Христом душе на подвиги горазд.
 Он уничтожит мерзких лиходеев,
 И жизнь прекрасную себе создаст.

Юлий долго думал, каким поэтическим псевдонимом подписать своё стихотворение и придумал благозвучную фамилию «Южанин», коей и завершил свой стих. Затем, на пишущей машинке он напечатал около тридцати экземпляров. В одну из тёплых августовских ночей, сложил в папочку листы со стихотворением, взял клей для бумаги и вышел на улицу. Поймав водителя-частника, попросил отвезти на окраину города, к комбинату одной из шахт. Там на автобусной остановке он расклеил один экземпляр, и, двигаясь к центру города, расклеил все листы со стихотворением. Один экземпляр он приклеил на столбе, неподалёку от местного КГБ. Листы со стихотворением он клеил, как можно выше, с тем, чтобы их не оторвали вездесущие мальчишки.

В шесть утра он был уже на своём рабочем месте и бодро махал метлой, хотя сильно хотелось спать. Но, как известно, у каждой работы есть свои издержки, в том числе, и по расклейке своего произведения. Прибрав свой участок, Юлий прошелся по своему ночному маршруту и понаблюдал за реакцией людей на его стихотворение. Отдельные граждане внимательно читали его, другие – безразлично окидывали взглядом, третьи вообще не замечали висевшего печатного листа. Кое-где стихотворение было сорвано, в том числе со столба рядом с горотделением КГБ. Но жизнь в городе, тем не

менее, текла своим чередом, никаких неадекватных событий по поводу распространения стихотворения «Россияне» не было. «Ничего, – думал Юлий, – все равно мой стих разбудит чьи-то сердца и заставит человека задуматься над своим прошлым, настоящим, а также, перспективами будущего». Между тем, в горком партии, милицию, горотделение КГБ приходили люди, в основном пожилые, и возмущались содержанием стихотворения «Россияне», говоря, что оно незаслуженно порочит и компрометирует основоположника и вождя советского государства, который так много сделал для трудового народа, сильно пострадав от царского режима. (Вот уж вовсе наоборот, так как представители прежней власти пострадали от советской во сто крат сильнее, нежели Ленин и его соратники от царской.) Все возмущённые граждане дали соответствующие заявительные материалы, что дало основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий по установлению автора и распространителя стихотворения.

Теперь вернёмся к персонажу нашей повести Константину Шупикову.

ТРУДОВЫЕ БУДНИ ОПЕРА

После окончания Высших курсов в Киеве, Константин приступил к полноценной практической оперативно-розыскной работе. Естественно, она во многом, рутинная и не схожая с материалами художественных книг и фильмов на чекистскую тематику, которые молодой опер охотно покупал и читал, справедливо полагая, что в любом художественном произведении имеется рациональное зерно, полезное для его работы. Напомним, что свои практические шаги на стезе оперативной деятельности, Константин делал во второй половине восьмидесятых годов двадцатого века, в период перестройки, гласности, демократии, затеянной генсеком М.С. Горбачёвым, а фактически – подготовки условий для распада великого государства и зарождения дикой рыночной экономики, опустившей большинство населения за черту бедности и возникновению прослойки жирующих капиталистов-олигархов различного разлива.

В небольшом городском подразделении КГБ, где работал Шупиков, оперативным сотрудникам приходилось заниматься широким спектром проблем и задач, входящих в компетенцию госбезопасности. Основной акцент делался на недопущение чрезвычайных происшествий на угольных шахтах города, оперативное курирование крупного завода по производству взрывчатых веществ для промышленных нужд. Не упускались из вида и другие направления оперативной деятельности, в том числе по выявлению и пресечению националистических проявлений. Однажды, в горотделение пришла на приём молодая женщина, проводница поезда дальнего следования. Принесла с собой пачку книг, завёрнутых в

коричневую оберточную бумагу. Рассказала, что в Москве, на Казанском вокзале, где стоял их поезд, отправляющийся в Сибирь, к ней подошел молодой чернявый парень еврейской наружности и попросил за определённую плату перевезти в город N-ск небольшую посылку с книгами для своего товарища. Пояснил, что, мол, в N-ске таких книг не купишь, а он их здесь в Москве приобрёл, прочитал и хотел бы переправить другу. Проводница согласилась, тем более что вознаграждение за услугу было неплохим. Молодой человек сказал, что на вокзале в N-ске к её вагону подойдёт мужчина по фамилии Рубинштейн Семён и представится, что он от Лёвы из Москвы, которому и следует передать посылку. Но на вокзале никто не подошел, и посылка осталась у неё. Из любопытства она развернула бумагу. В посылке были книги «Протоколы сионских мудрецов», «Операция Энтеббе», печатный документ «Катехизис еврея в СССР» и ряд других. Она даже прочла книгу «Операция Энтеббе», где в художественной форме детектива, описывались действия израильского спецназа и других структур по освобождению заложников-евреев, пассажиров самолёта, угнанного арабскими террористами в африканскую страну Уганду. Книга была довольно интересной, в ней в увлекательной форме рассказывалось о действиях спецназа, возглавляемого Ионатаном Нетанияху (будущим премьер-министром Израиля) и других правительственных органов этой небольшой страны по освобождению своих граждан в аэропорту Уганды, за тысячи километров от Израиля. Может быть и проводница никогда и не обратилась бы в КГБ по поводу житейской просьбы молодого парня в Москве, но в книге красной нитью проходила мысль о богоизбранности еврейской нации, что

евреи, в отличие от других народов, самые умные, способные, талантливые и работающие. Допускались в книге выпады против СССР, в том числе, что советские армейские «слухачи» опутали своей электроникой весь земной шар и прослушивают буквально все, начиная от частных переговоров и кончая сообщениями военного характера. Делался вывод, что определённые советские структуры, получив по каналам электронной разведки, информацию о готовящейся операции Энтеббе, могли предупредить арабских террористов.

Прочтя эту книгу, и поверхностно ознакомившись с содержанием других материалов, женщина решила прийти в КГБ и рассказать об этой злополучной посылке. Обработку этой информации начальник поручил оперуполномоченному Шупикову. Константин, как это положено, заполучил от проводницы письменное объяснение по изложенной ею устной информации с привязкой к месту, времени, конкретным лицам, названиям материалов, находящихся в посылке, их краткому содержанию и индивидуальным признакам. Полученное официальное объяснение давало основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий по проверке данных, входящих в компетенцию госбезопасности. С использованием агентурных и иных возможностей, в контакте с представителями Управления КГБ по городу Москве и Московской области выяснилось, что в Москве функционирует молодёжная сионистская ячейка под названием «Иерусалим», ставящая своей целью пропаганду сионистских традиций и иудейской религиозной догматики среди еврейского населения СССР, особенно, среди молодёжи. Регулярно, в летнее время, представители «Иерусалима» приглашали молодых евреев

со всех концов страны посетить их загородные лагеря, где проводилось организованное обучение языку «иврит», иудейским догмам, взятым из «Талмуда», истории государства Израиль, тактике и методике вовлечения в организацию новых членов. Участникам внушалась мысль, что где-бы не находился еврей, он должен быть патриотом государства Израиль, и чем может, помогать своей исторической родине. Активисты еврейской молодёжной организации активно встречались с иностранцами не только из Израиля, но и других стран. Поставляли им информацию о социально-политической обстановке в Союзе, фактах антисемитских проявлений, уголовных преследований лиц еврейской национальности. Отдельные члены «Иерусалима» действовали в информационном направлении, что называется, «на грани фола», поставляя сведения, представляющие интерес для спецслужб противника, например, о профиле и дислокации воинских частей, закрытых НИИ и оборонных заводах. Естественно, велась работа по инспирации эмигрантских настроений в Израиль. Семён Рубинштейн, после окончания музыкального училища в Новосибирске, работал преподавателем детской музыкальной школы в шахтёрском городе. По совместительству, он являлся представителем «Иерусалима» с конкретными полномочиями по реализации задач молодёжной сионистской организации. Привлекли его в молодёжную ячейку во время учёбы в музыкальном училище, пригласив участвовать в молодежном еврейском лагере на берегу реки Истра. В тот лагерный сезон перед присутствующими выступали израильские миссионеры, советские диссиденты, в том числе супруга Натана Щаранского, осуждённого за измену Родине в форме шпионажа и антисоветскую

агитацию и пропаганду к длительному сроку лишения свободы. Натан Щаранский представлялся присутствующим, как великий борец за свободу и демократию в СССР, некий в тёмном царстве светлый луч, осуждённый по сфабрикованному Комитетом ГБ делу. Миссионеры из «страны обетованной» уповали на догмы «Талмуда» и акцентировали внимание слушателей на консолидацию еврейской молодёжи во всём мире.

Прежде чем принять решение о форме реализации информации на Рубинштейна, оперработники горотделения КГБ официально передали материалы посылки из Москвы для оценки содержания. Тремя кандидатами наук кафедр истории и политэкономии, было вынесено заключение, что материалы носят политически вредный характер, направлены на разжигание межнациональной розни путём противопоставления одной национальности (еврейской) другим. Также выяснено, что миссионер Рубинштейн активно работал по привлечению новых членов в организацию «Иерусалим», единственно, что ему мешало, это малая численность лиц еврейской национальности в шахтёрском городе и близлежащих территориях, то есть ограниченный «фронт работ». Обобщив и проанализировав все полученные материалы на объекта заинтересованности, Шупиков и его руководитель вышли с предложением в Управление КГБ, провести с Рубинштейном превентивную беседу по удержанию его от возможных действий, имеющих конкретные признаки состава преступления, предусмотренные статьями 70 и 190¹ Уголовного кодекса РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда; распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй). В Управлении компетентные

специалисты, также, проанализировали и оценили все материалы проверки информации и согласились с мнением представителей городского отделения.

Через директора детской музыкальной школы, Рубинштейна пригласили в горотделение КГБ. Но молодой человек ответил директору, что на устные приглашения он не реагирует и в КГБ придёт только по официально оформленной повестке, или письменному приглашению. Что и было сделано. В назначенное время, в горотделение пришел молодой энергичный человек в белой рубашке с короткими рукавами. По всему белому фону рубашки были изображены синие шестиконечные звёздочки, такие же, как на израильском флаге. Предъявил дежурному паспорт и приглашение. Тот сообщил о приходе Рубинштейна Шупикову и его начальнику. Сотрудники зашли в комнату для приёма посетителей и официально представились прибывшему. Он внимательно ознакомился с удостоверениями оперативных работников, вытащил блокнот и записал туда фамилии, воинские звания и должности сотрудников КГБ. Далее с вызовом и напором спросил, в качестве кого приглашен в горотделение: обвиняемого, подозреваемого, свидетеля. Если он не подпадает ни под одну из этих категорий, то не будет общаться с представителями ГБ. Оперработники вежливо разъяснили Рубинштейну, что согласно уголовно-процессуальному кодексу и закону об оперативно-розыскной деятельности, органы госбезопасности наделены функциями следствия, и хотели бы с ним переговорить по вопросам, изложенным в официальном заявлении в КГБ гражданки такой-то, проводницы поезда дальнего следования. Напор и пыл приглашенного резко спал. Он присел на стул и пояснил, что готов общаться с оперработниками и

отвечать на их вопросы. Видно было, что Рубинштейн взволнован, но старается скрыть волнение своим независимым поведением. Автор не ставит цели описывать все перипетии превентивной беседы, но продолжалась она более часа. Рубинштейн очень дозированно отвечал на вопросы оперработников, стараясь не сказать ничего лишнего. Говорил, что в СССР разрешены разные общественные объединения по культурному, национальному, религиозному признаку, и их молодёжная организация «Иерусалим» подпадает под эти категории. Никакой враждебной деятельностью против государства она не занимается. Носит просветительский и познавательный характер, изучают язык и историю Израиля, в политику не вмешиваются. Но оперработники, ссылаясь на содержание печатных материалов из Москвы в адрес Рубинштейна, аргументировано доказали, что это не совсем так, что действия его могут перейти грань дозволенного Конституцией СССР и войти в поле уголовного Закона. Объект заметно сник и вспотел, день был жаркий. В конце разговора он заверил оперработников, что содержание состоявшейся беседы он обязательно примет к сведению, поставит в известность о ней руководителей их молодёжной организации. Написать письменное объяснение, резюмирующее состоявшуюся беседу, объект категорически отказался, да и оперработники особо не упорствовали.

Таким было первое «боевое крещение» Шупикова на ниве практической оперативной работы. Шло время, Константин всё больше и больше приобретал опыта оперативно-розыскной деятельности. Здесь стоит рассказать об одном из важных мероприятий по обеспечению безопасности страны с использованием информации, полученной

Шупиковым. Однажды ему позвонил информатор и запросил срочной встречи. Голос его был взволнован, чувствовалось, что дело серьёзное. Константин, через час после телефонного звонка, встретился со своим негласным помощником. Тот рассказал, что от одного из своих знакомых шашлычников, узбека по национальности, стало известно, что его коллега по жарке восточных мясных блюд Хасан Джавадов из Дагестана проявляет большой интерес к взрывчатым материалам, ищет подходы к мастерам-взрывникам угольных шахт и разрезов, а также, к работникам завода «Пламя», где изготавливаются взрывчатые вещества для промышленных нужд. Хасан охотно даёт денег в займы людям подобных профессий, с восточным гостеприимством угощает их водкой и шашлыками.

– Зачем ему нужна взрывчатка? – поинтересовался Константин.

– Говорит, что хочет создать кооператив с копильным цехом рыбы. Поэтому, нужна рыба в больших объёмах, которую намерены глушить в местных речках и водоёмах, – ответил информатор. – Но дело в том, что приобретаемая им за хорошие деньги взрывчатка, через знакомых, отправляется на Северный Кавказ.

Получив эту «жареную» информацию, Константин доложил о ней непосредственному начальнику, а тот – в линейный отдел Управления КГБ. «Маховик» оперативных мероприятий закрутился с большой скоростью. Хасану «подставляли» людей нужных ему профессий, установили негласное наружное наблюдение, провели ряд других мероприятий. Сведения информатора «Светлова» нашли своё подтверждение. Выяснилось, что шашлычник имеет при себе крупные суммы денег, гораздо

превышающие его доходы от частного бизнеса. Периодически, снимаемый им домик на окраине города посещают его земляки с Кавказа, уносят какие-то сумки и баулы. Одного такого знакомого задержали милиционеры, под предлогом проверки документов, в железнодорожном вагоне, в котором он ехал на Кавказ. При досмотре перевозимых вещей, в чемодане обнаружено несколько килограммов аммонита и электропровод, применяющийся в шахтовом взрывном деле. Пассажир рассказал, что чемодан везёт в Дагестан по просьбе одного своего знакомого, проживающего в городе Зима Иркутской области. Фамилию его не знает, известно, что его зовут Муса. Что находится в чемодане задержанному не известно, он полагал, что какие-то носильные вещи. На автовокзале Махачкалы к нему должен подойти человек, сказать, что от Мусы, которому и следует отдать чемодан. За услугу по перевозке чемодана, Муса дал своему земляку сто долларов, которые курьер и показал милиционерам. Естественно, он вешал сотрудникам ВД на транспорте «лапшу на уши», доводя до них заранее подготовленную легенду на случай задержания. Чемодан со взрывчаткой у него изъяли, составили протокол, самого задержали на трое суток для проведения проверочных мероприятий и, затем, отпустили, установив скрытое наблюдение. Прибыв в Махачкалу, на автовокзал он, естественно, не пошел, а начал кому-то усиленно звонить из телефона-автомата. После чего, встретился в кафе с неизвестным человеком, которому что-то вполголоса подробно рассказывал, возбуждённо размахивая руками. По цепочке оперативные работники КГБ Дагестана вышли на глубоко законспирированную группу лиц, поставляющих за крупные деньги взрывчатку участникам армяно-

азербайджанского конфликта на межнациональной основе. Причём, члены группы поставляли на заказ взрывчатку, как христианам-армянам, так и мусульманам-азербайджанцам, лишь бы платили деньги. Характерно, что, спустя несколько часов после задержания курьера в поезде, Хасан скрылся из шахтёрского города в неизвестном направлении. Видимо, за курьером велось контрнаблюдение кем-то из пассажиров вагона. Как только милиция проявила интерес к курьеру и перевозимому им грузу, сразу же по телефону или срочной телеграммой был проинформирован Хасан. Действительно, в его опустевшем домике была обнаружена телеграмма, в которой говорилось: «Бабушка Матлюба в тяжелом состоянии, срочно выезжай, если хочешь застать её живой». Причём, в день получения телеграммы, Хасан вёл себя внешне спокойно, не «дёргался», никаких билетов на поезд или самолёт не приобретал. Пришел домой и лёг спать, но на утро «как в воду канул».

Таким образом, Константин Шупиков, получивший от агента оперативно ценную информацию, явился первоисточником, послужившим основанием для проведения активных розыскных мероприятий и следственных действий, в масштабе страны, по пресечению канала поставки взрывчатки на Кавказ из Сибири. За инициативу, настойчивость и профессионализм он был представлен к награждению грамотой Председателя КГБ СССР, являющейся большим поощрением в иерархии госбезопасности. В Управлении КГБ уже подумывали о переводе перспективного опера в областной аппарат, но вмешался «его величество случай», повлиявший на карьерный рост Константина. Однажды в

субботний день он встретил своего хорошего знакомого, с которым работал на заводе. Зашли в кафе, пообедали, выпили по сто грамм коньяка. Возвращаясь домой, Константин проходил мимо маленького импровизированного сельскохозяйственного рынка рядом с магазином и увидел неприятную сцену. Плотный мордастый милиционер придирался к пожилой женщине лет шестидесяти пяти, торгующей цветами, редиской и зелёным луком. Требовал разрешения на торговлю, спрашивал, как она докажет, что эта продукция её, а не краденая. Женщина говорила, что у неё есть мичуринский участок, где растут картошка, цветы и овощи.

– Все вы так говорите, а, на самом деле, торгуете краденым, – говорил младший сержант.

– Зачем Вы так говорите? – сильно волнуясь спросила женщина. – У меня есть паспорт и документы на мичуринский участок, но они дома.

– Вот и иди домой, принесёшь документы, а потом будем разговаривать, – с пренебрежением и сознанием собственной власти отвечал боец правопорядка.

Константин, видя эту ситуацию, обратился к милиционеру:

– Молодой человек, у Вас есть мамаша и бабушка, так почему Вы так себя ведёте с пожилым человеком? Почему Вы не гоняете с рынков вьетнамцев, китайцев, армян, торгующих некачественным ширпотребом, а привязываетесь к человеку, который желает заработать добавку к своей небольшой пенсии.

– Во-первых, я не молодой человек, а младший сержант милиции Непряхин. А, во-вторых, ты кто такой? – переключил внимание на Константина милиционер. – Тебя не спрашивают, так ты не сплясывай, – добавил он.

– Я же к Вам обращаюсь на вы, – заметил опер, – так почему Вы мне «тыкаете»? Ведь я с Вами на брудершафт не пил.

– Так ты, к тому же, пьяный, – заявил Непряхин, – сейчас я вызову ПМГ и доставим в вытрезвитель, там и будешь учить правилам разговора.

Тут же милиционер вынул из кармана рацию и запросил ПМГ. Константин пытался уразуметь Непряхина, но тот был настроен решительно и агрессивно. Через некоторое время, подъехал автомобиль ПМГ, и два крепких молодца подошли к младшему сержанту. Он показал на Константина, вот, мол, пьяный. Если надо, он напишет рапорт, что этот гражданин оскорблял его нецензурной бранью в общественном месте при исполнении служебных обязанностей. Молодцы предложили сесть Константину в автомобиль. Тот, видя складывающуюся ситуацию, не стал перечить. В вытрезвитель его доставили не сразу, а подобрав ещё несколько мужчин в разной степени опьянения. Когда дежурный по вытрезвителю стал оформлять на него материал, Константин вынул из кармана своё служебное удостоверение и попросил разрешения позвонить по телефону. Дежурный, внимательно ознакомившись с удостоверением, сказал, что вообще-то клиентам вытрезвителя не положено предоставлять служебный телефон, но он сделает исключение. Константин позвонил на квартиру начальника горотдела, тот, к счастью, оказался на месте. Опер кратко описал случившееся с ним. Начальник позвонил другому сотруднику и приказал ему взять служебную машину и съездить в вытрезвитель за Шупиковым, а потом позвонил начальнику горотдела ВД. В общей сложности, Константин пробыл в вытрезвителе около двух часов, посмотрелся разных

интересных сцен, «сыгранных» посетителями этого заведения. В понедельник начальник провёл с Константином и работником, забиравшим его из вытрезвителя, беседы. Убедившись, что ничего страшного в инциденте нет, он порекомендовал Шупикову впредь не ввязываться в подобные ситуации, тем более под «шафэ». Опер заверил руководителя, что его рекомендации он примет к сведению и будет неукоснительно выполнять. На этом инцидент был исчерпан, но, тем не менее, в Управление КГБ каким-то образом утекла информация о вытрезвителе и Шупикове. В отделе кадров порешили, что хотя и Шупиков оперработник перспективный и грамотный, но горяч и «суёт свой нос куда не следует», поэтому повореним с переводом в областной аппарат...

Мир, как говорится, тесен. Познакомился Константин с одним из персонажей нашей повести Федей Гопырянским, хотя точек соприкосновения, казалось бы, между ними не было. Остановимся на этом чуть подробнее. В один прекрасный день, Константин ехал на «Жигулях» первой модели на встречу с информатором. Авто принадлежало его отцу, сын изредка ездил на ней по доверенности. «Жигулёнок», несмотря на солидный возраст, в хорошем состоянии, встречаться с людьми в нём было очень удобно, так как автомобиль не привлекал какогolibо внимания к себе. Проезжая по одной из улиц окраины города, навстречу «Жигулям» двигался грузовик. Вдруг между двумя машинами на огромной скорости промчался, отчаянно тарахтя, импортный мотоцикл. Расстояние между автомобилями было небольшим, и мотоциклист задел рулём по левой стороне «Жигулей», сделав довольно глубокую вмятую полосу. Мотоциклист остановился и подошел к «Жигулям». Оперработник был

расстроен и недоволен, но, тем не менее, с нарушителем-мотоциклистом общался вежливо. В первую очередь, Константин попросил у него водительское удостоверение и документы на мотоцикл. Мотоциклист подал ему водительское удостоверение, а паспорта на техническое средство не было. Федя Гопырянский, а это был он, пояснил, что час назад взял мотоцикл у приятеля прокатить знакомую девушку, доверенность оформлять не стали. И вот такая неудача... Действительно, возле мотоцикла стояла девица в джинсах и короткой маечке с иностранной надписью спереди и сзади. Константин представился незадачливому мотоциклисту и спросил:

– Как будем поступать? Либо вызываем ГАИ, либо ты ремонтируешь за свой счет авто, и расходимся, как в море корабли.

Федя ухватился за второй вариант, пояснил, что они с дедом содержат маленькую автомастерскую и производят ремонт «Жигулей» быстро и качественно.

– Тогда договорились, – сказал Константин, – а права твои пусть пока побудут у меня, после ремонта отдам.

На этом и договорились. Федя вскочил на мотоцикл и уехал. Константин, конечно, опоздал на встречу, но информатор ждал его, зная пунктуальность и дисциплинированность оперработника. В этот же день Федя пришел в автомастерскую. Дед Семён возился со стареньким «Москвичом». Поговорив о ремонте этого авто, Федя рассказал, что, катая с ветерком знакомую девушку, совершил небольшую автоаварию, в которой виноват он. А потерпевшим оказался капитан КГБ на «Жигулях». Дед незло выругался и сказал таким же голосом, как артист А. Папанов своему зятю А. Миронову в фильме «Берегись автомобиля»:

– Прокатил с ветерком, а остался с трипперком.

И весело рассмеялся.

– Надеюсь, повреждение небольшое? – спросил старый мастер.

– Да, продольная вмятина на задней и передней двери с левой стороны.

– Какой цвет? – поинтересовался дед.

– «Рубин», – ответил Федя.

– Ладно, пусть завтра приезжает, сделаем, как надо, – сказал дед Семён. – Может быть это и к лучшему, ведь знакомство с работником госбезопасности может в будущем пригодиться, – заметил умудрённый житейским опытом дед.

На следующий день. Константин, по телефонному звонку Феде, приехал в автомастерскую. Дед и внук встретили его приветливо. Семён осмотрел повреждение и сказал:

– Нет ничего страшного, выправим, зашпатлюем и закрасим так, что не заметишь.

Дед вёл беседу несколько подобострастно, говорил, что уважительно относится к НКВД (так он называл КГБ), потому что там работают честные и порядочные люди.

– Один энкавэdist, которому я ещё в шестидесятом году ремонтировал «Победу», мне, шутя, говорил, что у КГБ одна младшая сестра – милиция, да и та проститутка. Тогда ещё никаких «Мовилей» и антикоррозийных мастик не было, и я ему посоветовал обработать днище и крылья автомобиля смесью масляной краски для металла и асбестовой крошки, и никакая ржавчина авто не возьмёт. Так он потом меня долго благодарил, даже бутылку водки поставил, которую мы с ним же и выпили.

В заключение, дед Семён назначил Константину день, когда он может забрать «Жигули» из ремонта. Действительно, машина была отремонтирована на совесть, никаких видимых следов ремонта не было. Семён и его внук Федя доброжелательно пожелали оперу удачных поездок, посоветовав, в случае необходимости, обращаться к ним в автомастерскую. На этом дружелюбно распрощались.

Работа Шупикова в горотделении КГБ катилась по наезженной колее, но иногда случались небольшие коллизии. Так в 1989 году он попал под дознание следователя военной прокуратуры пограничных войск, которые в то время относились к Комитету госбезопасности. Дело в том, что призывники в эти войска подлежали небольшой проверке (характеризующие данные, были ли привода в милицию, попадали ли в вытрезвитель) с тем, чтобы не призвать в эти войска хулиганов, алкоголиков, бывших судимых и тому подобных неблагонадёжных людей. Пограничник Виталий Томилин, призванный из шахтёрского города на советско-китайскую границу, в один прекрасный день с оружием пропал с погранзаставы. Выяснилось, что он ушел в Китай. Естественно, возбудили уголовное дело, параллельно с которым велось служебное расследование. Из Москвы приезжал следователь военной прокуратуры в звании майора, опрашивал Шупикова и его начальника. Разговаривал с людьми, знавшими Томилина и его родственниками. Но, слава Богу, никаких упущений и халатности оперработника Шупикова при изучении Виталия перед призывом в ПВ не выявил. А причина ухода солдата-погранца была банальной: его девушка Маша Костикова написала письмо о том, что прекращает с ним дружить и выходит замуж за другого.

У молодого парня это известие вызвало настоящий шок, весь мир сошелся в копеечку, и он ничего лучшего не придумал, как уйти во время несения службы на границу в Китай. Там он был подвергнут опросу представителями спецслужб КНР, но, в связи с малым сроком службы в погранвойсках и званием «рядовой», он никакой ценной для китайцев информацией не располагал. Вскоре ему надоело сидение в «кутузке», где он сделал вывод, что таких девушек, как Маша Костинова, на его жизненном пути будет ещё немало, а вот свою судьбу на ближайшее будущее он себе основательно подпортил. Да и варёный рис с рыбой, которыми кормили задержанного пограничника, быстро приелись, и Виталий настоятельно стал проситься обратно в Союз. Китайские власти, видя, что от перебежчика никакой пользы для них не будет, официально известили советские инстанции о Томилине и готовности возвратить его обратно. Естественно, наши согласились. Китайцы вначале не хотели возвращать автомат, мотивируя это тем, что советский солдат нарушил их законы, появившись в суверенном государстве с автоматическим оружием, но, вскоре, вернули и автомат, так как наши пограничники задержали пять китайских рыбаков, незаконно ловивших с моторной лодки сетями рыбу в территориальных водах СССР. Финал этой истории – три года дисбата «погранцу», а оставшийся срок после дисбата он дослуживал уже в строительных частях, где ничего хорошего и интересного не было. Не зря, видимо, французы придумали поговорку «шерше ля фам» – «ищите женщину». Все знакомые Виталия, особенно представительницы «слабого пола», жалели его и осуждали Машу. Придя из армии, он, вскоре, женился, и в дальнейшей жизни старался

не совершать необдуманных поступков, уча этому молодых ребят-призывников.

Но вернёмся к нашим основным персонажам Карликову и Шупикову. В середине 1990 года, дежурному по горотделению КГБ от граждан и официальных лиц стала поступать информация о развешанных на столбах и автобусных остановках листов со стихотворением некоего поэта «Южанина» под названием «Россияне». Кто-то, по старой памяти, оценивал этот стих, как антисоветский, кто-то – положительно, говоря, что у нас в стране всегда из первых руководителей дели кумиров, а на поверку оказывалось наоборот. Все без исключения «вожди» совершали серьёзные ошибки, отрицательно влиявшие на жизнь народа и обстановку в стране. Руководитель горотделения доложил о распространении стихотворения политически вредного характера в Управление КГБ, те, в свою очередь – в обком партии (ведь клевета на основателя советского государства). Управлением поручено городскому подразделению провести комплекс мероприятий по розыску «Южанина» с еженедельными отчётами в линейный отдел УКГБ. После его обнаружения, рекомендовалось действовать, согласно уголовно-процессуальному Кодексу РФ. Специалистами литературоведами и графологами был составлен примерный облик «Южанина»: молодой мужчина, имеющий высшее гуманитарное образование, грамотный и начитанный, обладающий навыками печатания на пишущей машинке, негативно относящийся к политике партии и государства. Как мы видим, многие эти черты присущи Юлию Карликову, но в городе-то проживало порядка 120 тысяч жителей..., поди-ка установи из них разыскиваемого. Соответствующие эксперты выявили и дали заключение об

индивидуальных признаках машинки, на которой отпечатано стихотворение «Россияне».

Время шло, автор и распространитель стихотворения никак не выявлялся. Вот уже состоялся августовский путч 1991 года, в результате которого Указом Б.Н. Ельцина запрещена КПСС и её структуры по всей России. Естественно, были изменены приоритеты в деятельности органов госбезопасности России, и актуальность выявления «Южанина» утратилась. Но, тем не менее, один из специалистов по розыску анонимов областного КГБ буквально случайно обнаружил в архивах документ из Управления внутренних дел в отношении документов, украденных Сукуроковым из комнаты супругов Карликовых, учителей районной средней школы. Выдержки из романа «Архипелаг ГУЛаг», а, также, о Троцком и других вождах октябрьского переворота отпечатаны на одной и той же пишущей машинке, что и стихотворение «Россияне». Далее обнаружить автора и распространителя стихотворения труда не составило. Оперработники в ходе изучения Карликова выяснили, что каких-либо конкретных враждебных намерений он не имеет, к экстремистским и террористическим проявлениям не склонен. Мотивы, побудившие его написать стихотворение – стечение объективных и субъективных обстоятельств, в том числе неустроенность в личной жизни, конфликт с директором районной средней школы, склонность к правдоискательству, потеря денежного вклада в банке «Надежда». Работники областного УКГБ думали и размышляли, как реализовать результат большой работы по установлению «Южанина». Одни горячие головы предлагали даже передать все материалы в отношении Карликова в прокуратуру, другие, более демократичные –

никаких мер к нему не предпринимать, а третьи – провести с объектом превентивную беседу, направленную на недопущение каких-либо экстремистских (политически крайних) действий в будущем. Причем, беседу провести в лояльном тоне, понимая, что перед ними не убеждённый враг государства, а загнанный жизнью в угол обыкновенный человек. Причём, одна из задач разговора с Карликовым – дополнительно не озлобить его и, тем самым, не подтолкнуть к противоправным действиям. В конце концов, мнение третьих перевесило, и было принято решение, выйти на беседу с Юлием, поручив её проведение молодому по возрасту, но достаточно опытному, оперработнику Шупикову. Константин без особого энтузиазма воспринял это решение, но ничего не поделаешь, надо выполнять указания вышестоящих начальников. Он тщательно подготовился к беседе, наметил тактику её ведения, смоделировал поведение и контраргументы своего оппонента. Коль скоро в стихотворении фигурировали мasons, Константин освежил свои знания об этой организации, вспомнив знакомство в Киеве с доцентом Сергеевым. Доложив о готовности к беседе с объектом начальнику, опер получил «добро» на это мероприятие. Далее, он примерно в семь часов утра подошел к дому, возле которого проводил уборку дворник Карликов. Представившись, вежливо попросил Юлия прийти в удобное для него время в горотделение ФСБ для разговора, представляющего взаимный интерес.

– Какого именно? – спросил Карликов.

– Входящего в компетенцию органов госбезопасности, – ответил оперработник.

После чего была достигнута договорённость, в какой день и промежуток времени в горотделение придет

объект. Читателю нужно напомнить, что после распада СССР, названия структур госбезопасности несколько раз менялось: было и министерство безопасности и министерство безопасности и внутренних дел (просуществовало три дня), агентство федеральной безопасности и федеральная служба контрразведки и, в конце концов, федеральная служба безопасности (ФСБ) РФ. Приглашение посетить структуру безопасности Юлий в душе воспринял без особого желания, но ничего не поделаешь, коль скоро дал обещание, надо идти. Он продумал цель и варианты беседы в ФСБ и пришел к выводу, что, видимо, ему будут инкриминировать распространение стихотворения «Россияне». Его студенческое обращение в ЦК КПСС не играет никакой роли, ведь и компартия-то уже не существует. Не исключено, что каким-то образом в прежний КГБ попали отпечатанные им отрывки из романа «Архипелаг ГУЛАг» и исторические сюжеты о вождах октябрьской революции и связях их с масонскими ложами, но, в свете сегодняшней свободы слова и демократии, они вряд ли имеют вес для обсуждения в горотделении госбезопасности. Ну а что касается стихотворения, то это крик его души и способ самовыражения, но и оно против существующей власти не направлено. Спросят, почему не подписался своей настоящей фамилией, так ведь у большинства писателей и поэтов имелись псевдонимы, которыми они, зачастую, пописывали свои художественные произведения. Здесь же Юлий про себя решил, что особо «ершиться» в ФСБ нет резона, но и «прогибаться» он не будет, ведь никакой вины за собой не чувствует. А вот государство, особенно за 1937 год, а, также за конец восьмидесятых – начало девяностых годов, должно повиниться перед своими гражданами.

К концу временного отрезка, оговорённого с опером, Юлий прибыл в горотделение. Дежурный, проверив его паспорт, поинтересовался, к кому из сотрудников он пришел.

– К старшему оперуполномоченному Шупикову, – ответил Юлий.

Дежурный позвонил по телефону, и, спустя минуту, опер пригласил Карликова к себе в кабинет. Обстановка в нём была скромной, но деловой и аккуратной. На столе не было никаких бумаг, только два телефона и справочник городской АТС. «Наверное, будут записывать беседу на диктофон» – подумал Юлий. Но опер, как-будто прочитав его мысли, сказал, что предстоящая беседа не будет носить явно официального характера и никоим образом, в том числе с помощью звукозаписи, не документируется.

– Хорошо если так, – заметил Юлий.

– Я Вас не буду долго интриговать, и ходить вокруг да около, – сказал Константин, – а сразу же, что называется, открою свои карты. Пригласили мы Вас, чтобы поговорить насчёт стихотворения «Россияне» и других Ваших печатных материалов.

– Я так и предполагал, – отметил Юлий, – и сразу же Вам скажу, что действительно я написал и развесил стихотворение «Россияне» в людных местах города, но в этом я не вижу ничего противозаконного.

– А никто Вам и не говорит, что это противозаконно, но вот содержание стиха не всем может понравиться. Ведь Вы, как историк, хорошо знаете, что компартия и Ленин у нас в России до сих пор пользуются большим авторитетом и уважением у значительной части населения, особенно у пожилых людей, – пояснил Константин. – Поэтому, Ваше произведение может вызвать

определённый раздор между возрастными слоями нашего общества, а обстановка в стране, Вы видите какая, достаточно одной искры, чтобы вспыхнуло пламя...

– Я, отнюдь, не преследовал такой цели, а хотел донести до народа крик моей души, – ответил Юлий, – ведь я прекрасно знаю, что не случилось в 1917 году в России октябрьский переворот, наши люди жили бы гораздо лучше, чем сейчас. Десятки лет жизни целых поколений напрочь вычеркнуты, генофонд нации значительно ухудшился. Народ стал меркантильным, завистливым, зловердным и недоброжелательным. Вам я скажу конкретно, что во всех бедах России виноваты не только объективные обстоятельства, но и жидомасоны, как внутри страны, так и за рубежом. Здесь Вы меня никак не разубедите, – запальчиво добавил Карликов, – не зря, видимо, Ленин, и иже с ним, насадили госатеизм, чтобы вырвать духовность из россиян, а это одна из основных задач масонских организаций. Но религию, как и душу, нельзя вытоптать сапогами. Цель моего поэтического произведения – публично обратиться к людям, чтобы они задумались о своём прошлом и будущем. Ведь у россиян огромный духовный и трудовой потенциал, в стране большие материально-технические ресурсы, а жизнь народа оставляет желать лучшего. А иных целей, как Вы сказали, сталкивания лбами молодых и пожилых людей, я не ставил и даже не задумывался об этом. Если Вы так думаете, то прошу меня извинить, – подытожил свою сентенцию Карликов. – Но, тем не менее, я твёрдо остаюсь при своих убеждениях, и никто не сможет сдвинуть меня с этой позиции, – добавил Юлий.

Шупиков на это отпарировал:

– Безусловно, в Ваших словах есть рациональное зерно и здравые мысли, но эмоции не должны двигать человеком, ведь можно привести массу примеров, когда злость и обида приводили к самым плачевным последствиям. А ведь мы знаем, что в последнее время у Вас были неприятности в семейной жизни и финансовом плане, но мы их не будем касаться, – добавил опер. – Хорошо, что у нас за инакомыслие нет никаких преследований, но вспомните, что было раньше...

Короче говоря, в таком разрезе длилась вся двухчасовая превентивная беседа. В заключении оперработник сказал Юлию:

– Если у Вас есть желание, подведём письменное резюме нашему разговору, а если нет – то и суда нет...

– Я не против, но под диктовку писать не буду, а выражу мысли в отношении беседы в ФСБ своими словами, – с некоторым вызовом заявил Карликов.

– Хорошо, – ответил Константин, – напишите в произвольной форме, но чётко и ясно отметьте, что Вы не ставили целью, распространяя своё стихотворение, противопоставить слою нашего общества. А в конце вывод, есть ли у Вас претензии по поводу вызова и беседы в органах госбезопасности.

Чуть задумавшись, Юлий взял лист чистой бумаги, вынул из кармана ручку и написал краткое видение и итог состоявшейся беседы с сотрудником ФСБ. Естественно, он не посыпал свою голову пеплом, но и не выставлял себя неким героем-диссидентом, которому всё нипочём. Распрощались собеседники нормально, без взаимных обид. Идя из горотделения домой, Юлий думал, что «не так страшен чёрт, как его малюют». «Вон у Солженицына, что ни опер, то какой-то монстр со страшной

фамилией типа подполковник Мохнаткин, майор Шкуркин, капитан Баландин. Здесь же, что дежурный, что опер Шупиков – нормальные люди. Перестроились, видимо, наши органы, – думал Юлий, – ведь, по идее, они должны действовать и жить в унисон с нуждами и чаяниями простого народа». Но здесь же ему вспомнились телепередачи, когда действующие работники ФСБ, в масках и гражданских костюмах, собрали пресс-конференцию с отечественными и иностранными корреспондентами и поливали грязью своих коллег и руководителей, заявляя, что, якобы, их непосредственные начальники давали задание физически устранить олигарха Березовского, неугодного властям. А сами же «масочники» находились на денежном обеспечении у этого еврея-олигарха. Чем это кончилось, читатель знает, ведь на протяжении нескольких месяцев, начиная с ноября 2006 года, в средствах массовой информации муссировался с разных сторон факт отравления полонием одного из прислужников Березовского, бывшего подполковника ФСБ, сбежавшего в Англию. А чего стоят откровения в девяностые годы прошлого века одного из бывших генералов внешней разведки, да и председателя КГБ, назначенного сразу же после августовского путча – Бакатина, нанесших непоправимый ущерб, как структурам госбезопасности, так и стране в целом.

Кстати сказать, спустя некоторое время после беседы в ФСБ, у Карликова произошел неожиданный счастливый случай. В один из рабочих дней к нему подошел благообразный молодой человек и представился Сукоруковым Василием Михайловичем. Пояснил, что несколько лет назад он обокрал их комнату в общежитии районного центра, за что получил несколько лет лишения свободы.

Как исходит из материалов уголовного дела, украденные им вещи возвращены потерпевшим Карликовым, но вот деньги-то он пропил. Поэтому хочет попросить прощения за содеянное и возратить деньги.

– Дело в том, – пояснил Василий, – что в исправительно-трудовой колонии я познакомился с двумя верующими, Свидетелями Иеговы, отбывавшими наказание за отказ по религиозным мотивам от службы в Советской Армии, и много с ними общался. Они во многом мне помогли, как морально, так и материально, когда меня «обули» в карты зеки-шулера, а Вы знаете, как в заключении расценивается неуплата карточного долга... Благодаря встречам и беседам с верующими, я взглянул на своё прошлое и будущее совсем по-иному. Давали мне читать свои журналы «Сторожевая башня» и «Пробудитесь», переданные их «братьями» в лагерь. Выйдя из заключения, я вскоре принял водное крещение и стал полноправным членом общества «Свидетелей Иеговы», регулярно посещаю собрания в «зале царства» (молитвенном доме). Но вот прошлая кража вещей и денег из Вашей комнаты не давали мне покоя, и я, через «братьев» и «сестёр», все эти годы искал Вас, пока не нашел. Возьмите, пожалуйста, деньги в реальном эквиваленте украденной суммы, чтобы у меня больше не болела душа за причинённые Вам неприятности.

Вручил Юлию небольшую пачку денег, скреплённую резинкой. Здесь же спросил, не желает ли Юлий почтить небольшую брошюрку, размером с открытку, под названием «Страданий больше не будет». Юлий взял брошюрку, поблагодарил Сукорукова за отданный долг. Распрощались довольно дружелюбно, Василий оставил Юлию свои координаты, пояснив, что всегда будет рад

видеть и слышать его еще раз. Размышляя об этой встрече, Юлий ещё раз сделал вывод, что много в нашей жизни неожиданностей и метаморфоз. Хотя бы пример с Василием Сукуроковым. Был обыкновенный вор, с вытекающими отсюда последствиями, а стал нормальным человеком и всё, благодаря повышению духовности. Кто же: Свидетель Иеговы или баптист, особого значения не имеет, ведь все религиозные конфессии ставят своей целью нравственное и духовное возрождение человека, наставляя его жить по-доброму, в свете заповедей священного писания.

Произошел, вскоре после беседы с Карликовым, неожиданный случай и со старшим оперуполномоченным Шупиковым. Однажды, на его рабочий телефон раздался звонок. Незнакомый вежливый голос представился, что говорит майор запаса КГБ из Москвы Солодкин Александр Петрович.

– Хотел бы передать Вам живой привет от доцента Сергеева из Киева. Помните такого?

Константин ответил утвердительно.

– Заодно и переговорить по одной проблеме, касающейся коммерческой деятельности фирмы, в которой я тружусь в настоящее время, – добавил звонивший.

Константин поблагодарил за привет и предложил Солодкину прийти в горотделение. Тот охотно согласился, обговорив время посещения. В назначенный час, к Шупикову пришел солидный и импозантный мужчина, показал Константину военный билет офицера запаса КГБ на имя Солодкина А.П. Гость рассказал, что более двадцати лет прослужил в госбезопасности, но на оперативно-розыскной работе не был, а исполнял обязанности по обеспечению охраны и безопасности посольств СССР в

некоторых государствах, в последнее время перед выходом на пенсию – во Франции. Константин спросил, каким образом он знает доцента Сергеева, и как удалось отыскать меня. Солодкин рассказал, что с Сергеевым он знаком давно, знает его только с положительной стороны.

– Вы, наверное, знаете, что он занимает непоследнюю должность в иерархии масонской ложи? – добавил офицер запаса.

– Знаю, – ответил Константин.

– Я тоже вначале скептически относился к этой организации, но ознакомившись подробно с её целями и задачами, сделал вывод, что ничего крамольного в ней нет, – сказал Солодкин. – Масоны ведут чисто просветительскую деятельность, направленную на воспитание веротерпимости, доброжелательного отношения между людьми, пропагандируют свободу, равенство и братство, – продолжал москвич. – Никакой политики в их работе нет. Хотя во многих странах, в том числе и бывшем СССР, на масонов «навешивали всех собак». Я, в настоящее время, занимаю одну из невысоких должностей в московской масонской ложе «Фиалка», по мере возможностей участвую в собраниях «вольных каменщиков». Ни капли не жалею о своём решении вступить в масонскую ложу, где я познакомился со многими добропорядочными и талантливыми людьми, отдельные из которых занимают довольно высокие посты в различных структурах. Вам я рассказываю не ради агитации, а в порядке информации к размышлению. Я прекрасно знаю, что органы госбезопасности, в настоящее время, деполитизированы, но организация масонов никакой политической деятельности не ведёт. Ближайшая к Вашему городу масонская ложа функционирует в Новосибирске, где я

был накануне приезда к Вам, – заключил Солодкин. – Но вернёмся к «нашим баранам». Цель моего выхода на Вас не только передать привет от Сергеева. Дело в том, что наша фирма рассматривает вопрос о приобретении разреза «Казанского», расположенного недалеко от Вашего города. Так я хотел поинтересоваться, на Ваш взгляд, это будет перспективное приобретение или нет? Наша коммерческая структура продаёт уголь в Турцию, где имеется много тепловых электростанций, а своего угля не хватает. А Вы должны знать, что иностранные партнёры уделяют особое внимание качеству угля, начиная от зольности и кончая размерами кусков.

Константин ответил, что довольно неплохо знает этот разрез и ничего отрицательного о нём сказать не может.

– А как менеджеры предприятия, насколько они работоспособны и технически грамотны? – поинтересовался Солодкин.

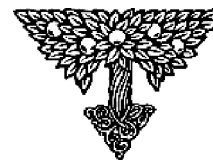
– Нормальные люди, профессионалы своего дела, – пояснил опер.

– Приятно с Вами было познакомиться, вот Вам моя визитка и небольшой презент – бутылка армянского коньяка в красивой упаковке, может быть и пригодится Вам в оперативной работе, – в заключение сказал «запасник».

Действительно, спустя несколько месяцев, на разрез пришли московские собственники, немного прибавили рабочим заработную плату, назначили своего директора, врача по специальности. Поставили перед трудящимися задачу по увеличению объёма добычи угля. Естественно, реальной социальной помощи городу московская фирма не оказывала. Так случалось зачастую, когда на сибирские предприятия приходили иногородние собственники, в большинстве случаев из Москвы и Питера.

Что касается масонской ложи, то Константин резонно полагал, что после знакомства в Киеве с Сергеевым, масоны «положили на него глаз». Но, помня информацию из различных источников в отношении общества «вольных каменщиков», он сделал для себя однозначный вывод, что нельзя стопроцентно верить ни масонам, ни их оппонентам. Каждая сторона «разыгрывает» свою карту и продвигает людям выгодные для себя сведения. Всё же в душе склонялся, что не будь вмешательства во внутренние дела России конца девятнадцатого – начала двадцатого века со стороны масонских лож, великая трагедия со страной не произошла бы. А так мы имеем то, что имеем... Не исключено, что московские масоны чем-то помогли Солодкину или его фирме, иначе не стал бы он вступать в «Фиалку» и ратовать о высоком предназначении масонских организаций.

Уважаемый читатель, теперь на время оставим наших героев: Юлию и Константина, и вернёмся к другим персонажам повести.

СТАНОВЛЕНИЕ МАНЬЯКА

Как говорилось выше, криминальному авторитету Огурцову удалось, путём видеосъёмки, задокументировать попытку сексуального насилия над мальчиком солдата автомобильной части Ткаченко, который, впоследствии, окончив среднюю школу милиции, служил экспертом-криминалистом в горотделе ВД. Однажды, когда Сергей Ткаченко в вечернее время шел с работы домой, к нему со спины подъехал автомобиль, из которого вышли два крепких, спортивно сложенных человека. Один из них, а это был «Огурец», спросил:

– Сергей Фёдорович Ткаченко?

– Да, ответил милиционер.

– Моя фамилия Огурцов Евгений Иванович. Вы, наверное, обо мне слышали?

– Немного, – пояснил Ткаченко.

– Так вот, у меня к Вам есть очень серьёзный разговор, касающийся Вашей службы в Советской Армии, в Бердске, и могущий значительно повлиять на Вашу будущую милицейскую карьеру и, возможно, в целом на службу в милиции.

В голове эксперта пролетел рой мыслей, основная из которых была о его сексуальных домогательствах к детям. Но он, как мог, сдерживал свои эмоции и сохранял показное спокойствие.

– Ну, как, согласны Вы на разговор со мной? – наедал «Огурец».

– Согласен, – буркнул Ткаченко.

– Тогда садитесь в авто, тут недалеко зайдём в квартиру, где и поговорим.

Привёз «Огурец» его в ту же квартиру, в которой ранее проходила операция «видео» с «пацаном» Шалабаиновым Робертом. На маленьком столе стояла бутылка коньяка с фруктовой закуской, на тумбочке – видеодвойка «Фунай».

– Присаживайтесь за стол, – предложил «Огурец», – сначала выпьем по рюмке, а затем поговорим. Товарищ же мой побудет в кухне, а разговор будет между нами за закрытыми дверями.

Выпив рюмку и закусив яблоком, Сергей почувствовал, как по телу потекло успокоительное тепло, и нервное напряжение снизилось. Между тем, «Огурец» включил видеодвойку и предложил посмотреть запись. Ткаченко внимательно вглядывался в экран и слушал речь молодого парня, сидящего спиной к камере и подробно и довольно грамотно историю о попытке сексуального домогательства к нему военного водителя в городе Бердске. Милиционер сразу понял, что речь идёт о нём, но вида не подавал. Но когда парень сказал, что в насильнике он уверенно опознал эксперта – криминалиста Ткаченко, у которого на пальце имеется шрам от укуса, милиционера бросило в пот и руки предательски задрожали. Сергей попросил налить ему ещё рюмку спиртного и залпом выпил. Спросил, что «Огурцу» от него нужно. Тот ответил, что особо ничего, только небольшого содействия жиганскому братству.

– Какого, – спросил Ткаченко.

– Ну, например, касающегося экспертиз, может быть, каких-либо «заморочек» в расследовании уголовных дел.

– Так это же будет нарушением служебных правил и инструкций и может привести к крайне нежелательным

последствиям для меня, вплоть до увольнения из органов внутренних дел.

– Не думайте, что мы такие глупые, – отпарировал «Огурец», – и будем «светить» своего «друга» в милиции. Отнюдь нет, всё сохраним в строгом секрете, и, кроме того, за конкретную помощь мы будем вас реально благодарить, Вы понимаете как. Естественно, это видео мы никому, кроме вас, не покажем.

– А когда отдадите, – спросил Ткаченко.

– Когда наладим плотные деловые отношения, тогда и отдадим, – заверил «Огурец».

«Врёт, сука, – подумал Сергей, – отдадут, но копию-то сделают. Вот уж попал в “пиковую” ситуацию, когда согласится “играть на одну руку” с блатными плохо, а отказаться – ещё хуже. Но из двух зол нужно выбирать наименьшее»...

– Да, я согласен с Вашими условиями, – подытожил Ткаченко, – но я не маг и волшебник и не начальник горотдела, и возможности у меня ограничены.

– Ничего, ничего, – затараторил авторитет, – мы не будем требовать от Вас не выполнимого, ведь у нас тоже мозги в головах имеются.

«Да уж» – уныло подумал эксперт.

Продолжая разговаривать на эту тему, эксперт и «Огурец» допили бутылку коньяка и съели фрукты. Ткаченко поставил твёрдое условие контактировать только с «Огурцом» и обязательно в нейтральных местах, в горотделе ВД категорически исключается. По телефону вести разговоры только на бытовые темы с тем, чтобы только обусловить встречу, о деле ни слова. Видимо, эксперт основательно держался за свою должность, другой бы после такого разговора с криминальным авторитетом уволился из

органов и съехал на другой конец страны. После окончания вербовки милиционера «Огурец» и его напарник отвезли изрядно захмелевшего Ткаченко к его дому.

Дальнейшая работа эксперта-криминалиста, на первый взгляд, никаких изменений не претерпела. Но часто с ним встречался «Огурец» и высказывал те или иные просьбы. Они в основном сводились к даче нужного экспертного заключения, информации о ходе расследования того или иного уголовного дела, личных качествах и уровне профессионализма отдельных работников уголовного розыска, их номерах домашних телефонов. Иногда «куратор» просил Ткаченко «пробросить» по городскому адресному бюро ту или иную фамилию. После каждой встречи с «Огурцом» Сергей получал определённую сумму денег, адекватную важности оказываемой помощи. Время шло, Ткаченко втянулся в дополнительную подработку, у него появились деньги, на которые стал покупать дорогую одежду и обувь для себя и жены. Всё чаще в его голову приходили мысли о покупке автомобиля, на первый случай хотя бы подержанного. Но «нет ничего тайного, что бы не стало явным», ведь эксперт жил и работал в кругу людей, а не уединённо. Где-то он попал в поле зрения подразделения внутренней безопасности горотдела, где-то в поле зрения оперработника ФСБ, курирующего милицию, а также работников уголовного розыска, имевших своих информаторов в криминальной среде. Но данные были, на первый взгляд, малозначительны, не конкретны, ведь «Огурец» в отношениях со своим «другом» соблюдал максимальную осторожность. Но, тем не менее, периодически появлялась косвенная информация о наличии в горотделе скрытого помощника криминала. Но в один

прекрасный день «грянул гром». Из вещественных доказательств, обнаруженных при взломе металлического гаража и угону «девятки», и переданных для проведения экспертизы на предмет обнаружения и идентификации отпечатков пальцев, пропало портативное газорезное устройство, вернее даже не пропало, а заменено на самодельное и, к тому же, недействующее. Но самое главное, что к этому Ткаченко не имел никакого отношения и не получал на этот счёт просьб от «Огурца». О подоплёке подмены, основного вещественного доказательства, можно строить достаточно много версий, начиная от «происков» недоброжелателей Ткаченко внутри коллектива и кончая методом реализации оперативных данных на эксперта, которые не удалось легализовать и задокументировать должным образом. В горотделе ВД поднялся крик до потолка, так как это было самое настоящее чрезвычайное происшествие. Ткаченко по поводу утраты основного вещдока ничего пояснить не мог, тупо твердя, что кто-то своим ключом открыл металлический ящик, в котором хранились основные вещественные доказательства, и подменил газорезку. В конце концов, по выводам комиссии, проводившей служебное расследование, он был уволен из органов ВД по служебному несоответствию. Ткаченко сильно переживал и расстраивался, ведь он привык к своей работе и дополнительному доходу от неё. Но ничего не поделаешь, такова, видно, его судьба. Нервный стресс и постоянные переживания, горечь и обида за своё, как он считал, незаконное увольнение, опять сынициировали его прежние негативные наклонности. И тут он решил осуществить страшную месть милиции за неправомерное отношение к нему. Такова вот человеческая натура,

хотя своей помощью криминалу он «заработал» не только увольнение, а более серьёзные последствия, но не хотелось это осознавать, а себя было нестерпимо жалко... Ничего другого он не придумал, как «навешивать» на милицию и прокуратуру нераскрытые тяжкие преступления, особенно убийства. Он прекрасно знал, как за эти виды преступлений спрашивают с милиции прокуратура и руководство города, а начальство горотдела в свою очередь с оперработников уголовного розыска и следственных подразделений. Планово приступил к реализации своего дьявольского замысла. В первую очередь уволенный Ткаченко продал свой дом в городе и съехал в сельскую местность, где в деревне купил скромный домик с огородом, баней и стайкой. Устроился работать в райпотребсоюз заготовителем папоротника, колбы, кедровых орехов и ягод, то есть плодов леса. Их он сам не собирал, а ездил по деревням и селам и скупал продукцию у сборщиков, в основном малообеспеченных людей. Регулярно из бухгалтерии райпотребсоюза получал на подотчёт довольно крупные суммы денег для проведения закупок. Для поездок и транспортировки плодов леса ему выделили старенький ЛуАЗик со снятыми задними сиденьями, чтобы больше вошло заготовленного. Купил себе с рук дорожный велосипед с багажником, который помещался в задней части ЛуАЗика. Как бывший милиционер, он неплохо знал формы и методы оперативно-розыскной и следственной работы по раскрытию преступлений, но, тем не менее, ещё раз проштудировал свои конспекты из школы милиции и учебники криминалистики. Всё это направлено на то, чтобы умело скрывать следы своих будущих преступлений, направить розыск по ложному

пути, а также ни в коем случае не дать понять оперативникам и следователям, что к преступлению причастен человек, хорошо владеющий криминалистическими методами. Но план планом, а практически совершить убийство не так просто, это не сексуальные домогательства к малолеткам. Тут надо перебороть себя, не бояться крови, при виде которой не терять голову, уметь тщательно замести следы своих злодеяний. Быть в некоторой мере артистом для того, чтобы внешне не показывать перед окружением свои преступные наклонности. Быть всегда готовым к возможному выходу на него сотрудников милиции и как себя вести при этом, чтобы не вызывать подозрений. На листке бумаги Ткаченко даже составил для себя зашифрованную и только ему понятную памятку для проведения своих «операций». Решил со взрослыми людьми не связываться, так как от них можно ожидать порой самого яростного и ожесточённого сопротивления лицу, покушающемуся на насилие и убийство. Когда он себя морально подготовил (если это можно так назвать) к совершению преступлений, решил принять первое «боевое крещение». В один из летних дней он ехал на пригородной электричке, на которой в основном ездили грибники, «бомжи», пожилые люди. Одет был так же как и большинство пассажиров – серо и неброско. В большом чёрном полиэтиленовом пакете находилась бутылка дешёвого вина, непритязательная закуска, пачка сигарет «Прима» со спичками и отточенный охотничий нож. Сам он не курил, а сигареты держал для приманки и повода для знакомства. Здесь же был небольшой флакончик с ацетоном для очистки пятен на одежде. Он то сидел на вагонной лавке, то выходил в тамбур якобы проветриться.

В основном в тамбуре «толкались» мужчины, курили и разговаривали. Но в один из его выходов там стояла женщина, по виду «бомж», которой можно дать и двадцать пять и сорок лет. Она курила дешёвую сигарету и задумчиво смотрела в окно. Постояв некоторое время, Ткаченко сказал:

– Курить – здоровью вредить, а пить – здоровье крепить...

– Да, уж, – ответила женщина, – пить-то, конечно, интереснее, но что сделаешь, если пить нечего и никто не предлагает...

– У меня есть «фунфырек», взял с собой по грибы, – безразличным голосом сказал Сергей, но сам внимательно вглядывался в лицо женщины, следя за её реакцией.

Та «клюнула» на приманку, предложив составить компанию по сбору грибов. Ткаченко предложил сойти с электрички не там, где большинство грибников, появив, где много людей – грибные места в основном вытоптаны, а чуть раньше. Женщина согласилась, и судьба уверенно вела её к трагическому концу. Выйдя на полустанке, они углубились в лес, разговаривая и собирая грибы. Разговор вёлся обо всём и ни о чём. Через некоторое время спутники вспотели и притомились. То женщины резко запахло потом, табачным дымом и грязным бельём. Сергей предложил найти тенёк где-нибудь в ложбинке в кустах, отдохнуть и выпить.

– Согласна, – ответила женщина.

Некоторое время они искали подходящее место. Ткаченко из своих соображений, женщина – из своих. Найдя его, расположились в густых зарослях на небольшой лужайке и приступили к трапезе. Выпили грамм по сто пятьдесят, разговор пошёл более активно и непринуждённо.

– Ну что, будем «трахаться», – шутливо спросил Сергей.

– Я не против, – отреагировала женщина.

– Ну тогда раздевайся, а я пойду на минуту отлучусь по малой нужде.

Придя через некоторое время к месту пикника, Сергей увидел, что женщина полуразделась и уютно расположилась под кустом.

– А вот и я, – весело сказал Ткаченко, подойдя к ней.

– Я готова, – отреагировала женщина.

Он как бы собираясь лечь рядом, чуть наклонился и со всего маху ударил её охотничьим ножом в горло. Брызнул фонтан крови, женщина ещё какое-то время была в сознании, силилась что-то сказать, хрипела и дёргалась, но, спустя несколько минут, затихла. Маньяк передвинул её ближе к основанию деревьев, закрыл лицо кофтой, забросал тело ветками и листьями. Заглянул в её матерчатую сумку, в ней практически ничего не было, кроме половины булки хлеба, полиэтиленовой бутылки с водой и какой-то газеты. Тогда он снял латунное кольцо с её безымянного пальца и положил к себе в карман. Забрал недопитое вино, стакан, остатки закуски и сложил к себе в пакет. Тщательно протёр и воткнул несколько раз нож в землю, чтобы окончательно удалить на лезвии следы крови. Затем быстро, почти бегом ретировался. Перейдя железную дорогу, он пошёл вдоль неё к следующему полустанку, где сходилась с неё основная масса грибников. Он шёл, одновременно собирая грибы. Вскоре он заполнил свой пакет доверху грибами. На дне пакета лежали недопитая бутылка вина, завернутый в газету нож и флакончик с ацетоном. Через несколько часов он вместе с грибниками «толкался» на

полустанке, ожидая электричку. Старался держаться как бы в тени, но не таясь. Обдумывал и вспоминал до мелочей своё преступление, но совершенно не затрагивал в уме перспективу наказания. Купил билет и «благополучно» доехал до своей остановки. Как его не тянуло повторно посетить место своего преступления, он заставил себя не ездить туда и как можно быстрее забыть своё первое злодеяние после службы в армии. Спустя две недели Ткаченко ехал в той же электричке и внимательно прислушивался к разговорам едущих грибников и ягодников. Но никаких разговоров в отношении убийства женщины в лесопосадках никто не вёл. «Это даже и неплохо, что я избавил мир от “бомжихи”, всё равно бы обществу от неё никакой пользы не было» – думал маньяк и стал готовится к следующим преступлениям, которые, на его взгляд, взбудоражат общественность, и за их нераскрытие принесут много неприятностей милиции и прокуратуре. Однажды, во второй половине дня, в летнее время, он возвращался на своём ЛуАЗике из сельской местности на базу райпотребсоюза с заготовленными кедровыми шишками и папоротником-орляком. Проезжая мимо большого водоёма, он решил отдохнуть на берегу и, заодно, половить рыбы. Подъехав к пруду, он поставил авто на шоссе, а сам взял удочки, садок и лопатку для выкапывания из земли червей и пошел на берег. Номера его автомобиля были сильно забрызганы грязью, и цифры на них практически не просматривались. Расположился так, чтобы его машина была в зоне видимости. Рыба клевала плохо либо из-за жары, либо от перекормления. Сергей сидел на раскладном стульчике и не столько смотрел на поплавки, сколько внимательно оглядывал берег пруда. Заметил в

метрах ста от себя одиноко сидевшего за удочками мальчика лет двенадцати. У того тоже не клевало, но он то бросал в воду прикорм, то менял наживку на крючках простеньких удочек. Через некоторое время Ткаченко подошел к мальчику и поинтересовался, как клёв.

– Да вот, поймал час назад трёх маленьких карасиков, а затем как отрубил.

– А я вообще ничего не поймал, – сказал мужчина. – Ты на что прикармливаешь? – спросил он у мальчика.

– На пшеничную кашу.

– А я, слушай, ни на что. Пришел на то же место, где до меня кто-то ловил, и, вероятно, прикармливал рыбу, но она почему-то всё равно не клюёт.

– Бывает, – сказал мальчик, – рыбу никак не поймёшь, что ей надо, чтобы поймать на крючок.

– А здесь есть где-нибудь рыбные места? – спросил Ткаченко. – А то я на машине, вон она стоит на шоссе, и могу туда проехать, – с подтекстом добавил маньяк.

– Пруды и речки здесь есть, но не знаю, клюёт ли там, – ответил мальчик.

– Может, сгоняем, посмотрим? Если не клюёт, вернёмся сюда, – предложил Сергей.

– Можно ненадолго, а то я пообещал родителям к вечеру быть дома, а то до деревни путь неблизкий.

– Если надо, я тебя подброшу до места, – пообещал «добрый дядечка».

– Ну, если так, то поехали, – согласился мальчик и стал собирать снасти.

– Подходи прямо вон к тому ЛуАЗику, я буду там, сказал Ткаченко, поспешно направляясь к своему месту, чтобы быстро собраться.

Спустя минут пятнадцать, к машине подошел мальчик с удочками и матерчатой сумкой. Ткаченко уже находился на водительском месте.

– Садись на переднее сидение, показывай, куда ехать.

Мальчик сел и показал, в каком направлении двигаться. Завязался разговор. Сергей предложил ему угощаться кедровыми орехами с шишек. Мальчика звали Витя, окончил четыре класса. Мать трудится делопроизводителем в сельсовете, отец – помощником бригадира животноводов. Имеет брата и сестру, обои младше его. Сергей, внешне, активно участвовал в разговоре с мальчиком, а сам внимательно оглядывал местность, прикидывал в уме, куда можно заехать для «трапезы». Приехали на берег речки, закинули удочки. Сразу же поймали по два средних карася, затем, по несколько пескарей.

– Слушай, Витя, удачная у тебя рука, сразу клёв пошел, – кинул «леща» мальчику Ткаченко. – Я что-то есть захотел, поедем обратно, – сказал мужчина.

– Ну, поехали, а то мне скоро надо быть дома, – ответил мальчик.

Он быстро собрался и сел в машину. Сергей двинулся в обратном направлении.

– Может быть, перекусим где-нибудь, а то у меня в желудке сосёт, – предложил водитель, видя, что и мальчик голоден. – У меня есть неплохой «тормозок», в городе покупал, да и газированная вода «Буратино».

– Можно и покушать, – степенно сказал Витя.

У маньяка появилось чувство зверя, почувствовавшего близкую добычу. Заехали в лес. Подальше от дороги. Ткаченко внимательно оглядывал окружающую местность, ни людей, ни машин не заметил. Вышли из машины, расстелили на траве импровизированную скатерть и

приступили к еде. Мальчик выложил из сумки кусок хлеба с маслом, а Сергей – колбасу, зелёный лук, варёные яйца и бутылку газ воды. Всё шло по схеме его прошлой армейской службы, но, единственно, итог был трагичным для мальчика. Автор не желает и не стремится описывать ужасные подробности действий маньяка под влиянием его воспалённого ума, что, зачастую, делается в триллерах а, также, в отдельных телепередачах на криминальные темы и газетных репортажах. Но это, что называется, палка о двух концах, так как не исключено побуждение отдельных лиц с неустойчивой психикой и находящихся в так называемом «пограничном» состоянии, совершить кровавые злодеяния, да и на здоровых граждан это, отнюдь, не оказывает положительного воздействия. Но телерепортёры и журналисты, видимо, получают дополнительную плату за подробности страшных преступлений, но здесь ничего не поделаешь, таковы условия «игры». Согласно своей памятке, маньяк тщательно замёл следы преступления, забросал тело жертвы ветками и хворостом, а свой путь до машины, на всякий случай, посыпал табаком, чтобы отбить свой запах. Взял «на память» удочки Вити, а его сумку порвал в клочки и выбросил.

Утром в горрайотдел внутренних дел обратились взволнованные родители мальчика с заявлением о его пропаже. Милиция, вначале, «отработала» железнодорожный и автовокзал, справедливо полагая, что Витя Смыслов решил куда-то попутешествовать, что нередко случается с пацанами. Результат был отрицательным, мальчика на вокзалах, поездах и электричках никто не видел. Далее, на ноги были подняты все участковые, инспектора урозыска, детской комнаты милиции.

Опрашивались все одноклассники и друзья-приятели пропавшего, а, также, другие люди, могущие видеть Витю в день пропажи. Но ничего конкретного не получили. С помощью водолазов обследовали дно пруда, где рыбачил мальчик, но безрезультатно. Ребёнок как в воду канул. Привлекли жителей села, обследовали близлежащие окрестности – ничего положительного. Кто бы мог подумать, что маньяк передвигался на автомашине. Можно понять состояние родителей пропавшего мальчика, которые были на грани психического расстройства. Спустя двадцать дней, две пожилые женщины, собирая дары леса, заметили возле кустарника разбросанные ветки и лежащее под ним тело мальчика. Ветки, видимо, разворошили либо дикие звери, либо собаки.

Маньяк Ткаченко в этот промежуток времени усиленно читал местные газеты и смотрел блок новостей по телевизору. Действительно, сразу после обнаружения тела погибшего мальчика, в средствах массовой информации прошли соответствующие сообщения. После них население шахтёрского города было взбудоражено и активно обсуждало случившееся. Выдвигались самые невероятные гипотезы, вплоть до ритуального убийства и возможного участия инопланетян. Примерно через месяц после своего преступления, маньяк остановился неподалёку от здания горотдела милиции, якобы для замены проколотого колеса ЛуАЗика, которое он сам предварительно проткнул шилом. Замену колеса производил неспеша, в надежде на то, что мимо пройдёт кто-либо из знакомых сотрудииков. Действительно, вскоре его увидел один из знакомых оперов угрозыска и подошел. Разговорились, опер поинтересовался гражданской жизнью бывшего криминалиста, а тот, в свою очередь, новостями в отделе.

– Ты, наверное, слышал об убийстве мальчика на территории нашего оперативного обслуживания в сельской местности.

– Слышал, конечно, – ответил Ткаченко, – об этом говорят на каждом перекрёстке.

– Так вот, мы работаем в усиленном режиме, – продолжал опер, – отрабатываем много версий, но пока, откровенно тебе скажу, результата никакого, – честно пояснил сотрудник.

– Да, бывает, – сказал маньяк, я бы этого пидора повесил на городской площади за яйца, чтобы другим не повадно было. Вон сколько у нас сейчас проституток развелось, бери их, не хочу, но зачем же трогать детей, – завершил беседу Ткаченко, и просил передавать от него привет всем знакомым, бывшим коллегам. Сам же подумал: «Хрен вы меня поймаете, и будут вас постоянно “драконить” за нераскрытые резонансные преступления, в том числе и этого мальчика. А я вам, периодически буду “подвешивать” убийства. Сориентируйте хоть сотню своих агентов и информаторов, но они ничего вам не дадут, ведь я то действую в одиночку, с учётом своих криминалистических знаний и опыта». Здесь, слава Богу, маньяк заблуждался, ведь даже в Священном Писании говорится, что «нет ничего тайного, что бы не стало явным». Примеров разоблачения изошренных и крайне осторожных маньяков в России и других странах предостаточно. Но дьявол очень силен, и «дух заблуждения» регулярно вселяется в отдельных людей, заставляя их совершать кровавые злодеяния.

После этого, в течение нескольких лет, в летний период, маньяк совершил ещё несколько убийств мальчиков и девочек. От каждой жертвы он по-прежнему брал

«на память» какие-то «сувениры». Как и предполагал Ткаченко, реакция на его преступления со стороны власть предержащих была острой. Сняты по служебному несоответствию зам начальника горотдела ВД по оперативной работе и начальник угрозыска, а, также, зам прокурора города и начальник отдела по расследованию убийств прокуратуры. Маньяк же вошел в раж и удовлетворённо потирал руки. Он окончательно заиклился на своём преступном «хобби», не желая думать и понимать, какие страдания он приносит родителям и родственникам своих маленьких жертв. Отдельные работники угрозыска и прокуратуры периодически посещали Русскую Православную церковь, ставили свечи и молились иконе святого Георгия Победоносца, покровительствующего силовым структурам и воинству, прося его помочь им раскрыть серийного убийцу. Но молитвы молитвами, одновременно с ними проводились активные розыскные и следственные мероприятия. Под видом грибников и сборщиков ягод в лесные массивы и в окрестностях водоёмов выезжали гласные и негласные сотрудники милиции, электрички, в качестве пассажиров, патрулировали сотрудники в штатском. Но судьба, видимо, была благосклонна к Ткаченко, и он окончательно убедился в своей преступной гениальности и безнаказанности. Однажды даже один из знакомых оперов угрозыска попросил его поприсутствовать возле административно-бытового комбината одной из шахт, и прислушиваться к разговорам на криминальные темы шахтёров, куривших перед спуском в шахту и после подъёма из неё на скамейках и низком металлическом ограждении территории комбината шахты. Ткаченко охотно согласился выполнить поручение опера, после

чего охотно рассказал ему о выполнении задания по выявлению маньяка-убийцы. Однажды, он чуть было не попал в поле зрения милиции. Один из «бойцов» авторитета «Огурца» возвращался поздно вечером из своего гаража и решил выпить баночного пива в одном из многочисленных киосков в скверике возле автобусной остановки. В нем, возле киосков, несмотря на позднее время, крутилась стайка мальчишек и девчонок из близлежащей школы-интерната для детей с проблемами психического развития, слабоумных, даунов и тому подобных. Они просили у прохожих деньги и сигареты, собирали обронённые возле торговых точек монеты, курили и матерились. «Боец», употребляя пиво, увидел, как мужчина лет тридцати пяти, недалеко от киоска, предлагал мальчишке, просившему у него денег, поехать к нему в общежитие и поиграть в игру «денди». Причём, мужчина смотрел на мальчика, как рыбак на поплавок в предчувствии клёва. «Наверное “пидор” или придурок» – подумал «боец», и хотел, было, двинуть мужчине «промеж рог». Но вовремя подумал, что никаких прямых доказательств у него нет, и с его стороны может оказаться обыкновенное хулиганство в общественном месте, да ещё в нетрезвом состоянии.

– А ну пошел отсюда на х..., а то сейчас морду побью, – вызывающе заявил «боец» маньяку (а это был Ткаченко на своей «охоте»).

Тот, ничего не говоря, быстро ретировался. «В ментовку я, конечно, не пойду, не моё это дело, пусть сами ищут преступников-пидоров» – подумал «боец» и отправился домой. Тем более что его шеф «Огурец» неоднократно напоминал своим «пацанам» избегать контактов с милицией, ибо «коготок завяз и птичке конец».

Вскоре парень забыл об инциденте возле киоска, и всё осталось втайне. А маньяку повезло. После обращения к нему «бойца», его бросило в холодный пот. Он думал, что его слова, обращённые к мальчишке-дауну, никто не услышит, а вот, поди ж ты, какой-то «бык» услышал. «Хорошо, что дело не дошло до рукоприкладства, а там милиция, объяснения и тому подобное... Ничего, буду осторожнее, – мысленно решил Ткаченко, – а то, так, ни за что, ни про что “залечу” в милицию, пусть даже как потерпевший или свидетель, а зачем мне лишняя “засветка”».

Теперь, на некоторое время, оставим антигероя нашего повествования, и вернёмся к другим персонажам. Как мы знаем, Юлий Карликов в последнее время трудился дворником в общежитии. В начале девяностых годов двадцатого века в России стало отмечаться активное увлечение отдельной части населения, особенно молодыми людьми, наркотиками. Коль скоро был спрос, то, естественно, нашлось и предложение. Отдельные лица наладили довольно стройную систему сбыта этого страшного зелья. Не миновало это явление и жителей шахтёрского города, где один из цыган-наркобаронов «посадил на иглу» сотни юношей и девушек. Многие родители детей, подверженных наркомании, как могли, боролись с распространителями наркотиков, жалуясь на них в мэрию, милицию, органы безопасности, здравоохранения. Но, зачастую, задерживалась только «мелкая сошка». На место выбывшего из строя продавца в очереди стояло трое, и процесс ни на минуту не останавливался и шел по нарастающей. Верхнее звено наркобизнеса, ворочая огромными деньгами, активно коррумпировало отдельных представителей

правоохранительных структур. С помощью них, а также, членов преступных группировок, организовывали охрану мест оптовой продажи наркотиков и наркодилеров, «выбивали» долги у потребителей и продавцов зелья. С «помощниками» акулы наркобизнеса расплачивались как деньгами, так и товаром. Криминальный авторитет Огурцов быстро смекнул, что на обслуживании и «крышевании» наркобизнеса можно получать хороший «навар», и вышел на контакт с бароном Яковом Безродным, предложив ему «крышу» и другие услуги со стороны своих «пацанов». Цыган Яков, молодежавый, полный мужчина в золотых кольцах и перстнях, с массивной цепью на шее, благосклонно принял авторитета. Жаловался, что бизнес идёт не так, как хотелось бы. Доходы небольшие, милиция и конкуренты не дремлют... «Огурец» внимательно слушал, но в уме усомнился в правдивости слов барона. Его бойцы прикинули уровень дохода Якова, и сумма эта была очень солидной. В конце концов, договорились о взаимном сотрудничестве и размере вознаграждения для группировки и ударили по рукам. Цыган любезно предложил авторитету покурить травки, которая практически безвредна для здоровья, но кайф от неё хороший. «Огурец», не колеблясь, согласился. После курения в компании с цыганом сигареты с наркотиком, он почувствовал себя весело и энергично, в голове стоял приятный шум. Следует заметить, что первая «доза» сыграла роковую роль в дальнейшей судьбе «Огурца», напроочь стубив его жиганскую карьеру. Но об этом поговорим позже.

Одна из дилерских наркоточек находилась в общежитии, где жил Юлий Карликов и территорию которого, а,

также других близлежащих строений, он убирал в качестве дворника. Обладая наблюдательностью и аналитическим умом, Юлий начал замечать, что периодически ранним утром к общежитию подъезжала машина, каждый раз разных моделей. Это были то такси, то личные авто. Из машины выходили три человека, один из которых был то с пакетом, то с коробкой, то с сумкой или чемоданчиком. Двое входили в дверь общежития, а третий закуривал сигарету и внимательно осматривал двор общежития. Спустя полчаса, двое выходили из здания, но уже с пустыми руками. После этого, все приезжавшие садились в машину и уезжали. «Вычислить» комнату, в которую приезжали курьеры, для Юлия труда не составило, ведь дело было утром, и в общежитии свет был и зажигался только в считанных окнах. Продавали же «ляпки» (дозы наркотика) в одной из зарешечённых комнат первого этажа, где жила пожилая женщина-инвалид. Посетители подходили к окну, негромко стучали, протягивали женщине деньги и получали «ляпки». Вся операция занимала не больше полминуты. Покупателями были, в основном, молодые люди, но иногда появлялись более зрелые мужчины. Юлий, читая прессу, слушая радио, в том числе зарубежное, и анализируя события в России в первой половине девяностых годов двадцатого века, сделал вывод, что определённым кругам внутри страны и за рубежом очень выгодно «расшатать» Россию, лишив народ духовности, трудоспособности, здорового генофонда, посадив немалую часть населения «на иглу». Нельзя не отметить, что значительно возросло число преступлений, совершенных в состоянии наркотического и алкогольного опьянения, а также, смертей от передозировки наркотиков.

Юлий, как патриот России, решил пресечь деятельность наркоточки в своём общежитии. Он справедливо полагал, что продавец наркотиков – женщина-инвалид – маленький винтик в большой игре наркодельцов, и, видимо, продаёт «товар» в связи со слабым материальным положением. А вот житель комнаты на четвёртом этаже, к которому периодически приезжают курьеры, безусловно, заслуживает пристального внимания со стороны правоохранительных органов. Писать заявления он не стал, думая, что и в милиции у представителей наркобизнеса есть свои люди. Решил прийти в подразделение по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в местный горотдел ВД, и, не называя себя, рассказать о дилерской наркоточке в общежитии по такому-то адресу. Все мы ходим под Богом, и после житейских неудач, изложенных выше, ему наконец-то повезло. Придя в подразделение БНОН, он не застал там никого из сотрудников, и только за секретарским столом сидела молодая пухленькая дамочка приятной наружности в форме прапорщика милиции. Видимо, ей было скучно, и она с ручкой в руке разгадывала какой-то кроссворд. Юлий вежливо поздоровался и спросил, может ли он переговорить с кем-либо из сотрудников.

– Все оперативные сотрудники на выезде, в подразделении только я, – ответила женщина. – Может быть, я окажусь Вам чем-то полезной, – добавила она.

– Меня зовут Юлий, фамилия значения не имеет, – представился молодой симпатичный мужчина с бородой.

Далее, он чётко и внятно изложил суть своих подозрений о функционировании дилерской точки наркоторговцев в общежитии по такому-то адресу. В заключение

добавил, что не хотел бы писать никакого материала и упоминать свою фамилию.

– Ваша информация, безусловно, интересна для нас, – сказала прапорщик, делая какие-то пометки на листе бумаги, задав несколько уточняющих вопросов.

После этого, завязался лёгкий непринуждённый разговор двух понравившихся с первого взгляда людей. Женщина представилась:

– Шура Коротаева, секретарь-делопроизводитель ОБНОНа.

Спросила, разгадывая кроссворд, как фамилия римского прокуратора, судившего Иисуса Христа.

– Понтий Пилат, – не задумываясь ответил Юлий.

– А Вас, вероятно, назвали в честь Юлия Цезаря, – предположила Шура.

– Не исключено, – пояснил мужчина.

В конце непринуждённого разговора, договорились на следующий день сходить вместе в кино. По поводу наркоточки в общежитии пришли к согласию, что, якобы, ей по телефону позвонил неизвестный мужчина и передал ценную информацию, не назвав своих установочных данных.

– И волки будут сыты, и овцы целы, – на этот счет пояснила секретарь-делопроизводитель.

На следующий день Юлий и Шура сходили в кино, после сеанса погуляли по улицам. Каждый рассказал о своей жизни. Шура окончила восемь классов и городское педагогическое училище по специальности «учитель начальных классов». Проработав несколько лет в средней школе, была приглашена на службу в инспекцию по делам несовершеннолетних, а оттуда – секретарём-делопроизводителем в ОБНОН. Проживает в

частном доме, вместе с родителями, имеет четырёхлетнего сына, разведена. Муж сильно пил, бросил работу и семью и уехал в неизвестном направлении, когда ребёнку был один год. Естественно, никаких алиментов не платит, да и я на него не подаю в розыск, потому что с алкашей нет никакого толку. Юлий, в свою очередь, довольно подробно рассказал о своей судьбе и кратко – о нынешней работе дворником. Роман Юлия и Шуры развивался бурно. Шура познакомила его со своими родителями, на которых он произвёл благоприятное впечатление. Папаша Шуры – шахтёр-пенсионер, трудился разнорабочим в сберкассе, мамаша – сестрой-хозяйкой в поликлинике. Шура посоветовала Юлию сбрить бороду, потому что она его старит, и сделать модную причёску.

– Сейчас не то время, когда диссиденты, чтобы как-то выделиться, отпускали бороды, носили длинные волосы, – пояснила она.

Добавила, что с детства имеет хобби – подстригать людей, что у неё неплохо получается. Юлий с удовольствием согласился, чтобы Шура его подстригла. Она, с чувством, с толком, с расстановкой, подстригла своего кавалера. Без бороды, с новой модной причёской, он буквально преобразился. Далее, навела порядок и побелила холостяцкую комнату Юлия в общежитии. Готовила вкусную еду, ели с аппетитом, живо обсуждая насущные проблемы. Всё это делалось естественно и непринуждённо, без всякой навязчивости и игры. Спустя два месяца после знакомства, Юлий и Шура объявили своим родителям, что решили «связать себя узами Гименея» и вступить в законный брак. Собрали небольшой кворум из родственников и хороших знакомых и

провели застолье в доме родителей Шуры. Кстати, на застолье по поводу бракосочетания присутствовали супруги Эдуард и Полина Лаукарт, которых Юлий пригласил на торжество, несмотря на то, что Полина являлась двоюродной сестрой его первой жены Ларисы. Супруги Лаукарт, будучи хорошо материально обеспечены, подарили молодожёнам неплохой подарок. Присутствовавший на ужине начальник местного ОБНОНа, майор милиции, в своём тосте отметил, что Шура, несмотря на свою скромную должность в их иерархии, вносит реальную лепту в общее дело, начиная с делопроизводства и кончая приёмом сообщений на телефон доверия.

В один из зимних дней, поутру, Юлий, подметая двор, наблюдал операцию милиции по задержанию наркокурьеров, доставивших очередную порцию наркотика на дилерскую точку. Вроде бы, во дворе общежития никого не было, автомашин вблизи не стояло. Но когда двое мужчин-курьеров со спортивной сумкой через плечо открывали дверь в общежитие, им навстречу выскочили четверо молодцов в масках, моментально заломив руки за спины и надев на запястья наручники. Пятый сотрудник в штатском снимал происходящее на видеокамеру. Одновременно, другая группа сотрудников ОБНОНа заблокировала машину и задержала третьего мужчину, осуществлявшего контранаблюдение за обстановкой возле общежития. Карликова пригласили быть понятым, но он вежливо отказался, пояснив, что ему предстоит выполнить большой объём работы по очистке территории от снега. В присутствии понятых из числа жильцов общежития, из спортивной сумки наркокурьеров изымались небольшие полиэтиленовые пакеты с каким-то серым порошком. Составлялись протоколы

изъятия, обыска с одновременной фиксацией на видеосъемку. В конце операции, на подъехавшем милицейском УАЗике, задержанных увезли в горотдел. Все мероприятие прошло чётко и слаженно в максимально сжатый отрезок времени.

С начала совместной жизни Юлия и Шуры, супруга ненавязчиво высказала мысль, что с внешними данными и уровнем развития мужа, ему не подходит работать дворником, тем более, что сейчас в России общественно-политическая обстановка иная, чем была в СССР. Кроме этого, КПСС, указом Президента Ельцина Б.Н., упразднена, и Юлию не придётся работать на коммунистов. Шура позвонила знакомым преподавателям в педучилище и рассказала, что её муж окончил исторический факультет университета, преподавал в средней школе районного центра, имеет достаточный опыт преподавания истории, очень много знает интересных исторических сведений. Спустя месяц, на Юлию вышел зам директора по учебной работе педучилища и предложил должность преподавателя истории. Юлий, посоветовавшись с женой, принял предложение. Спустя неделю, он уже читал лекции по истории будущим учителям младших классов. Коллектив педучилища и работа нравились Юлию; приходя с работы, он оживлённо рассказывал Шуре о проведённом рабочем дне, а она, в свою очередь, о знакомых преподавателях, которые работали в период её учёбы в педучилище.

Спустя год после бракосочетания, у супругов родилась дочь, назвали Дашей. Юлий продал свою «гостинку» и вновь купил частный дом с приусадебным участком. В дом переселились всей семьёй, в том числе и с пятилетним сыном Шуры Романом. Мальчик хорошо

относился к новому папе, а тот – к нему. Все помогали маме в хлопотах по уходу за маленькой Дашей. Когда ей исполнилось пять месяцев, окрестили в церкви. Радостно отметили это событие. Юлий пояснил жене и сыну, что теперь у Даши могущественный покровитель в лице Господа Бога, который будет вести её по всей жизни и беречь от различных житейских невзгод и неприятностей. Малышка развивалась хорошо, набирала вес, внимательно созерцала окружающий мир, была спокойным и упитанным ребёнком. Внесла радость и новые приятные заботы в благородном семействе Карликовых. Юлий купил хороший фотоаппарат и охотно фотографировал всю свою семью. Научил Романа фотографировать, чтобы самому быть заснятым. Сослуживцы Шуры по ОБНОНу подарили новорождённой красивую коляску, выпив по чарке за здоровье мамы и дочери. По телефону поздравил Юлию его сын Марк, проживавший с матерью Ларисой и её вторым мужем.

Мы видим, что жизнь у Юлию пошла благополучно: новая семья, работа, приятные житейские заботы. Супруга Саша добродушно и уверенно вела семейный корабль, успешно справлялась с домашними заботами, чувствуя помощь и поддержку Юлию. Да и сын Роман, как мог, помогал маме в уходе за младшей сестричкой.

Теперь оставим на время семейство Карликовых и вернёмся к другим персонажам нашей повести. Как мы видим, маньяка Ткаченко, бывшего эксперта-криминалиста, всё больше и больше засасывало его преступное «хобби». Он даже стал меньше уделять внимания основной работе заготовителя райпо, так как мозг его работал практически в одном направлении. Дух дьявола прочно вошел в его душу и уверенно руководил действиями и

поступками маньяка. Естественно, объём заготовленной им продукции месяц от месяца снижался, ему стали начислять меньшую зарплату, что вызвало дальнейшую обиду и негативную реакцию Ткаченко. Словом, одно цеплялось за другое. По телевидению он регулярно смотрел передачи, посвящённые разоблачениям маньяков, как в России, так и за рубежом; регулярно покупал и читал «желтую» газету «Репортёр», где много уделялось внимания криминальной тематике, в том числе преступлениям на сексуальной почве. Но если подавляющее большинство населения страны резко осуждало маньяков-преступников, то Ткаченко из сообщений средств массовой информации брал себе «на вооружение» новые методы совершения преступлений и «мotal на ус» причины провалов и разоблачения преступников. Вот, что называется, «палка о двух концах». На одних людей общественная информация оказывает положительное влияние, на других – таких как маньяк Ткаченко – крайне негативное, подталкивая отдельных лиц, в том числе с психическими отклонениями, переступить грань закона.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ МАНЬЯКА

В один погожий майский день, Маша Лаукарт собралась идти в музыкальную школу. По обыкновению, её до школы провожал папа, но в этот день он задержался на работе. Маша ещё раз проиграла на пианино домашнее задание, после чего, собрала ноты в большую папку из дерматина, и, закрыв квартиру на ключ, пошла на занятие. Пошла по пустырю в районе развалин бывшей городской бани, по которому, кстати, родители запрещали ей ходить в одиночку, хотя этот маршрут к детской музыкальной школе был гораздо короче, чем идти по обычным многолюдным улицам. Но Маша хотела придти в школу чуть пораньше, чтобы поиграть во дворе со знакомыми учениками. Идя по заросшему пустырю, она увидела, как мужчина с велосипедом рвал зелёную траку, в обилии росшую на пустыре, и совал пучки в клетку, в которой сидели три маленьких сереньких крольчонка. Девочка не могла не остановиться и не посмотреть на это интересное зрелище. Она встала неподалёку и стала наблюдать за процессом кормления крольчат.

– Что нравится? – спросил мужчина.

– Да, – ответила девочка, – я вообще люблю животных.

– А у меня дома ещё есть хомячки, черепаха и красивый говорящий попугай, – сказал мужчина. – Если желаешь, то я могу тебе их показать.

– Конечно, – пояснила Маша, – но мне сейчас нужно в музыкальную школу.

– А ты, как кончатся занятия, приходи сюда, только одна, и мы поедем на велосипеде до моего дома, я здесь недалеко живу. Несколько человек я на велосипеде не увезу, а

так клетку с крольчатами я привяжу к багажнику, а тебя посажу на раму. Договорились?

– Да, – ответила девочка.

– Ну, покорми крольчат травкой и иди в школу, – предложил ей мужчина.

Как мы догадались, это был маньяк Ткаченко на своей очередной «охоте». На занятии в музыкальной школе, Маша только и думала о предстоящей встрече с животными и попугаем. Ведь практически не встретишь детей, которых бы не интересовали представители животного мира. Она даже была немного невнимательной, чуть хуже сыграла домашнее задание, рассеянно слушала объяснения преподавательницы. Дождавшись окончания занятий, она со всех ног побежала на пустырь. Мужчина уже привязал клетку с кроликами к багажнику велосипеда и ждал её.

– Ну что, окончились занятия? – спросил он у Маши.

– Да, ответила девочка.

– Никто ещё не просился посмотреть крольчат?

– А я никому о них не говорила, – пояснила Маша.

– Ну что, садись на раму, поедем, тут недалеко, – сказал мужчина. – Смотри, не вырони свою папку, – добавил он...

Придя с работы, Эдуард Лаукарт почитал газету, подогрел еду для жены и детишек. Время шло, с работы пришла Полина и привела из детсада сына Роберта. Маши всё не было.

– Наверное, где-нибудь заигралась с подружками, – предложил Эдик.

Жена ничего не ответила. Но на душе у супругов было беспокойно, как будто скребли кошки. Папаша позвонил в музыкальную школу и спросил у преподавателя Маши,

во время ли она ушла с занятий, и не было ли каких задержек в школе. Преподаватель сказала, что Маша ушла сразу же после окончания уроков, никаких дополнительных мероприятий в музыкальной школе не было. Добавила, что сегодня их дочь была несколько рассеянной, не так хорошо отыграла домашнее задание и невнимательно слушала материалы урока.

– Такого ней ранее не случалось, – отметила преподаватель. (Естественно, на уроке Маша больше думала о предстоящей встрече с животными и попугаем).

Супруги ожидали прихода дочери, не притрагиваясь к еде, которая остывала на столе. Часы бежали, но ребёнок не приходил. Настал вечер. Супруги отвели Роберта к бабушке с дедушкой, а сами пошли на поиски дочери. Обошли все близлежащие дворы, спрашивали у ребятшек и взрослых, не видели ли они Машу, описывая её внешний вид и одежду. Дошли до музыкальной школы. Никакого результата. Обрато пошли через пустырь, где одиноко стояло разрушенное здание бани. Уже темнелось, и видимость была плохой. А Эдик не взял с собой фонарика. Они с Полиной прошли по пустырю, но в коробку здания не заглянули. Сразу же после обхода вероятных маршрутов передвижения Маши, супруги зашли в милицию и рассказали о пропаже дочери. Дежурный внимательно выслушал посетителей, поинтересовался, есть ли у них родственники и хорошие знакомые в городе, к которым могла зайти Маша. Посоветовав Эдику объехать их и расспросить, не посещала ли их Маша, и нет ли её у них в настоящее время. Сам же дежурный позвонил в скорую помощь и в детские больницы. Маши нигде не было. У дежурного на душе тоже было нехорошее предчувствие. Он сразу же доложил информацию

одному из руководителей горотдела, бывшему в тот день ответственным дежурным по подразделению ВД. Тот, в свою очередь, созвонился с начальником уголовного розыска. Посмотрели в календаре фазы луны, оказалось что новолуние, в которое ранее проявлял себя маньяк.

– Не хотелось бы предполагать худое, но, похоже, что нам сегодня ночью придётся работать, – подытожил разговор с замом начальник угро.

Эдик же с Полиной, после объезда родственников и знакомых на своём автомобиле, взяли мощный китайский фонарик и, пригласив с собой несколько молодых мужчин из числа соседей, пошли ещё раз осматривать пустырь вблизи бани. Здесь нельзя не отметить сострадательность русских людей к чужим проблемам, особенно, если они связаны с детьми. Никто из приглашенных не отказался участвовать в поисках девочки, с готовностью проследовав за супругами Лаукарт. Шли молча, никто никаких предположений не высказывал. Но в душе молили Бога помочь им найти Машу живой и невредимой. Все были очень внимательны, осматривали каждый куст, дерево, высокие заросли травы, полыни и крапивы. Везде было пусто. Тогда решили обследовать разрушенное здание бани. Зайдя в коробку здания, пришедшие внимательно осмотрели всю площадь строения. В дальнем углу они обнаружили труп Маши, чуть присыпанный каким-то мусором и дощечками. (Маньяк, как известно, не ставил перед собой цели тщательно укрывать тела убитых, а, скорее, наоборот.) Полина, при виде изувеченного тела дочери, потеряла сознание и упала в обморок, но её поддерживали два молодых соседа. У Эдика перед глазамиплыли красно-чёрные круги, и он был в состоянии глубокого шока, ничего не мог выговорить и стоял, как застывший

соляной столб. Один мужчина быстро побежал к зданию музыкальной школы, звонить в милицию, чтобы сообщить о преступлении, и скорую помощь, в отношении потерявшей сознание Полины Лаукарт. Была уже глубокая ночь, и сторож школы, пожилая женщина, благополучно дремала в кресле. Мужчина настойчиво барабанил в дверь и окна первого этажа, наконец, разбудив сторожа. Она, вначале, не хотела пускать его вовнутрь, но когда «врубилась», открыла дверь и предоставила взволнованному мужчине городской телефон. Сторож, из содержания разговора звонившего с милицией и скорой помощью понял, что случилась трагедия с их ученицей. Спустя пятнадцать-двадцать минут, к заброшенному зданию бани прибыли машины скорой помощи и дежурной оперативно-следственной группы милиции. Полине сделали инъекцию от сердца и дали успокаивающих капель, Эдику, также, предложили выпить валерианки. Милиционеры предложили супругам Лаукарт довезти их на машине до дома, пока ведётся осмотр места происшествия, но те стояли, как вкопанные, пребывая в глубоком трансе. Осмотр места происшествия продолжался несколько часов, проводились замеры и фотосъёмка на фотоаппарат со вспышкой. Все вещи девочки были на месте, пропала только дерматиновая папка с нотами. Выявили и зафиксировали следы от велосипеда, ведущие к шоссе. Служебно-розыскная овчарка по запаху след не взяла, так как маньяк обработал близлежащее пространство резко пахнущей смесью для уничтожения клопов и тараканов из баллончика. Никаких предметов, могущих как-то прояснить данные о личности преступника, на месте преступления не было обнаружено. После совершения своего кровавого злодеяния, Ткаченко действовал, согласно составленной им памятке,

тщательно заметая все возможные следы. На велосипеде его никто не видел, а на шоссе он поместил его в задний отсек служебного ЛуАЗика, неприметно стоявшего на обочине шоссе.

На следующий день население шахтёрского городка было взбудоражено вестью о насильственной смерти девочки. На автобусных остановках, в магазинах, рынке и продовольственных помещениях активно обсуждалось это событие.

На похороны Маши пришло много народа, здесь были и школьники и взрослые люди, работники шахты и станции переливания крови, где трудились родители девочки. Маньяк в это время усиленно ездил по деревням и сёлам, договариваясь с потенциальными сборщиками даров леса о сдаче ему летом и осенью собранных ими грибов, ягод, папоротника, кедровых шишек и орехов. Одновременно прислушивался к любым разговорам людей и сообщениям средств массовой информации, касающихся трагического события с Машей Лаукарт.

На девять дней на поминальный обед в квартиру Эдика в числе других лиц пришли супруги Карликовы, Юлий и Шура. После окончания обеда Юлий отозвал Эдика и рассказал ему, что у него есть знакомый капитан госбезопасности из местного отделения ФСБ. Он может познакомиться с этим человеком Эдика и попросить его помочь в выявлении маньяка-убийцы. Юлий пояснил, что на его взгляд, у ФСБ имеется довольно разветвлённая сеть информаторов в различных слоях общества в отличие от милиции, которая в основном работает в криминальной среде. А маньяк, по всей вероятности, никакого отношения к преступному миру не имеет, так как его представители очень негативно относятся к такому типу

людей и очень жёстко их наказывают в случае выявления такого человека.

– Ну что же, познакомь, – согласился Эдик, – только чуть позже, когда я хоть немного успокоюсь и отойду от нервного потрясения и переживаний. Понимаешь, спать не могу, в мозгу постоянно мысли о дочке и страшная картина в заброшенном здании бани.

Примерно через месяц после трагедии Эдик позвонил Юлию и напомнил об обещании познакомить его опером ФСБ.

– Да, да, я прекрасно помню наш разговор, – сказал Юлий, – постараюсь свести тебя с работником органов безопасности.

На следующий день он позвонил по телефону дежурному городского ФСБ и попросил пригласить Шупикова. К его удовлетворению Константин находился на месте. Юлий представился и кратко напомнил о себе.

– Я вас хорошо помню, – ответил опер, – чем могу быть полезным?

– Дело в том, что мой дальний родственник по линии первой жены попал в очень сложную жизненную ситуацию, вернее беду и хотел бы переговорить с Вами, – пояснил Юлий.

– Кто этот человек, – спросил Константин.

– Эдуард Лаукарт, горный мастер шахты, дочь которого недавно была замучена маньяком.

– Я помню этот случай, – сказал Шупиков и назначил место и время встречи с Юлием и Эдуардом.

На встрече мужчины попили чаю и некоторое время поговорили на бытовые темы. Но как отметил про себя опер, Эдик был в тяжёлом психологическом состоянии и не склонен к длительной беседе. Спустя несколько

минут, Константин спросил у него, чем может быть полезным.

Эдуард при помощи Юлия высказал просьбу помочь в выявлении убийцы дочери, на протяжении уже нескольких лет совершавшегося насилия и убийства детей.

– Я хотел бы поговорить с ним по-мужски и взглянуть в его глаза, – сказал Эдуард.

Оперработник внимательно выслушал просьбу и после некоторого раздумья сказал, что органы безопасности России занимаются строго очерченным кругом проблем, обозначенных в Законе о федеральных органах безопасности РФ. А раскрытие серийных убийств несовершеннолетних в круг функциональных обязанностей ФСБ не входит.

– Но как обыкновенный гражданин, а не должностное лицо, я постараюсь помочь в вашей проблеме. Дайте мне свои координаты, – обратившись к Эдику, сказал Константин.

Тот продиктовал номер рабочего и домашнего телефона. На том и расстались. Придя в горотделение, Константин долго думал, каким образом ему помочь убитому горем Эдуарду. Его информаторы и иные связи вряд ли могут что-то подсветить, хотя полностью это не исключено. И вдруг он вспомнил содержание просмотренной несколько месяцев назад телепередачи «В мире неизведанного», где говорилось о чудесном даре ясновидения тувинских шаманов. Причём это были не голословные утверждения, а с приведением конкретных фактов и видеосюжетов. В одной группе по подготовке оперативного состава госбезопасности в Киеве с ним учился слушатель из республики Тува Замья Мадыр-оол, бывший преподаватель истории и обществоведения средней школа, невысокий,

шуплый, добродушный и всегда готовый к товарищеской взаимопомощи человек. Недостатком в поведении Занья было его видимое пристрастие к употреблению спиртного. Но, во-первых, кто из нас не грешен, а, во-вторых, это присуще многим представителям малых народностей России, начиная с министра и кончая простым рабочим или пастухом. И тут нечего не поделаешь... Через некоторое время Константин позвонил по ведомственной связи в Управление ФСБ по республике Тува и поинтересовался, работает ли у них Замья. Ему ответили, что, по линии обмена кадрами между правоохранительными органами Тувы Замья перемещён в МВД республики на должность заместителя начальника Управления по борьбе с организованной преступностью службы криминальной милиции. Константин попросил номер служебного телефона Мадыр-оола, пояснив, что вместе с ним он учился на Высших курсах в Киеве. Просьба Шупикова была удовлетворена. В этот же день он позвонил однокашнику в город Кызыл. Тот сразу же вспомнил Константина, и завязался дружеский разговор двух давно не видевших друг друга людей, объединенных оперативно-розыскной деятельностью. В конце разговора, Константин пояснил Мадыру, что у него есть один разговор по проблеме, входящей в компетенцию органов ВД. Замья ответил, что всегда готов встретиться и пообщаться со своим бывшим одноклассником. Пояснил, что через неделю он будет по служебным делам в одном из городов Новосибирской области, и если Константину удобно, они могут встретиться в этом городе. Дал для связи Константину номер своего пейджера, а он, в свою очередь – номера своих телефонов. Приехав в город, где Замья находился в командировке, Константин послал сообщение на его пейджер. Через час приятели встретились

и зашли в небольшой уютный ресторан и заказали ужин. Сидели, кушали, разговаривали, выпивали спиртное. После разговора о служебных и бытовых делах, Константин рассказал о выходе на него отца убитой недавно в их городе девочки.

– Слышал, слышал об этом страшном преступлении, – отреагировал Замья, – о нём сообщалось в выпуске региональных новостей по нашему телевидению. У нас в республике тоже случаются серьёзные преступления, но в отношении детей Бог милостив. Ну а какая же у тебя проблема? – поинтересовался Мадыр.

Константин рассказал о телепередаче о чудесных способностях тувинских шаманов заглядывать в прошлое и будущее, разыскивать пропавших людей, узнавать подоплёку того или иного события, и стоящих за ним людей.

– Да, да, – оживился собеседник. – Действительно, у нас в республике много шаманов. Эта профессия, если её можно так назвать, зародилась в Туве сотни лет назад. Шаманы, как в прошлое, так и в настоящее время, изгоняют злых духов, лечат больных, способствуют удаче на охоте и рыбалке, ищут пропавших в тайге охотников, потерявшиеся стада баранов и других домашних животных. Профессия шамана передаётся, отнюдь, не каждому человеку, а строго конкретным людям по предначертанию духов. Вот у меня хороший знакомый, Кооржак Бузун-оол, родился обыкновенным мальчиком в трудовой чабанской семье. Но духи подсказали его родителям о будущем высоком предназначении их сына, и, в доказательство своих слов пояснили, что мальчик в своём физическом развитии будет отличаться от остальных людей. И, действительно, на левой руке, рядом с большим пальцем, у него стал расти ещё один палец, и, таким образом, он стал

шестипалым. Бузун окончил школу, отслужил в армии, окончил пединститут, активно занимался общественной деятельностью. Дошел до второго секретаря райкома комсомола. Но затем ему во сне было откровение, чтобы он оставил прежний образ жизни и стал шаманом. Духами был назван наставник Кооржака, старый шаман, который часто болел и подумывал об уходе в мир иной. Он передал Бузун-оолу секреты шаманской профессии, и посвятил его в шаманы.

И вот уже лет десять его знакомый, бывший комсомольский секретарь, лечит больных людей и домашних животных, изгоняет злых духов из жилищ и других помещений, способствует удаче на охоте и рыбалке, а, также, в коммерческом деле. Умеет заглядывать в прошлое и будущее, подключаться к ауре конкретных людей. Входит в международную ассоциацию шаманов, имеет их сертификат, неоднократно бывал на международных симпозиумах. Пользуется большим уважением среди населения Тувы, особенно у пожилых людей, не зараженных идеями материализма и нигилизма.

Константин внимательно выслушал монолог Замья и высказал просьбу помочь его знакомому в установлении маньяка, недавно убившего его дочь – школьницу. За этим выродком ещё тянется шлейф подобных преступлений. Милиция и прокуратура сбились с ног, но пока положительных результатов в расследовании нет. Как будто сам дьявол способствует серийному убийце, которого никто не разу не видел. Он не оставляет за собой никаких следов и уликовых материалов.

– Ты, Мадыр, пожалуйста, переговори со своим знакомым, возьмётся ли он помочь убитой горем семье Лаукарт.

– Нет проблем, – ответил Замыя, как только я вернусь в Кызыл обязательно встречусь с Кооржаком и попрошу его помочь в изложенной тобою проблеме. Как я понял, ты выступаешь в данный момент не как представитель ФСБ, а как частное лицо, – сказал сын тувинского народа.

– Совершенно верно, – ответил Константин.

Далее приятели обсудили ещё ряд тем, закончили и расплатились за ужин. Шупиков проводил чуть захмелевшего товарища до гостиницы, где он остановился. Дружески распрощались, пообещав друг другу не теряться и периодически поддерживать связь.

Приехав в свой город, Константин позвонил по телефону Эдуарду Лаукарту и пригласил его на встречу. Естественно, Эдик прибыл в точно обусловленное время. Опер рассказал о своей поездке в Новосибирскую область и встрече там со своими однокашниками из Тувы. Спросил, может ли Эдик съездить в Кызыл и встретится там с шаманом. Пояснил, что шаман сам мог бы прибыть к нам в город, но здесь провести сеанс общения с духами будет затруднительно, так как они (духи) обитают в Туве.

Эдуард кратко ответил, – надо, значит надо. Я готов поехать не только в Туву, а на край света с тем, чтобы разыскать маньяка, принесшего страшное горе в мою семью. Мы так долго ждали рождения Машеньки, и какой-то пидор враз разрушил наше счастье...

– Хорошо, – сказал Константин, как только шаман Кооржак Бузун-оол будет готов к встрече с тобой, я сразу тебе дам знать.

Примерно в то же время Замыя в Кызыле нашёл своего старого товарища – шамана. Встретились, пообедали, немного выпили. Мадыр изложил Кооржаку суть просьбы своего приятеля Константина из сибирского шахтёрского

города. Бузун-оол несколько минут сидел в задумчивости, устремив глаза в потолок что-то шепча. Затем сказал Мадыру, что по мере своих сил и способностей он готов помочь семье несчастной девочки. Сказал о дате и времени, когда Эдуард Лаукарт должен подъехать в Кызыл, и что он должен взять с собой фотокарточку дочери и какую-либо вещь. Перед поездкой в Туву пусть Эдуард позвонит мне по телефону и я скажу, как меня найти.

Мадыр и Константин созвонились между собой, и вскоре на квартиру тувинского шамана Кооржака раздался телефонный звонок. Эдуард Лаукарт представился и сказал, что такого-то числа намерен быть в Кызыле. Шаман доброжелательно воспринял Эдика и подробно рассказал как его найти. Эдик ехал на поезде через Абакан. На личном автомобиле после сильного нервного потрясения он старался на дальние расстояния не ездить. Прибыв в Кызыл, нашёл шамана. Это был моложавый, полноватый мужчина невысокого роста, с чёрными длинными волосами. На левой руке рядом с большим пальцем у него был отросток, как бы дополнительный палец. Голос размеренный, спокойный. Бузун-оол подробно расспросил Эдика о жите-бытье, работе, родственниках, но происшедшей трагедии практически не коснулся. Видимо, всё это делалось для установления психологического контакта с посетителем. Далее Кооржак сказал Эдику, что сеанс общения духами он проведёт не в Кызыле, а в горной местности, где в основном концентрируются добрые духи, хотя в той или иной степени они присутствуют везде, в том числе и при нашем разговоре, – пояснил Бузун-оол. Сказал Эдику, чтобы в поездку за город он взял с собой бутылку спирта или водки и хорошей еды для задобрения духов.

На следующий день на «Волге» шамана, за рулём которой сидел его личный водитель-помощник, выехали в горную местность республики. Природа там была очень своеобразная, горы, упирающиеся своими вершинами в облака, жидкая растительность, отары пасущихся баранов, лениво жующих жёлто-зелёную короткую травку. Пастухи очень почтительно встретили приехавших. Было понятно, что шаман Кооржак пользуется у них большим уважением и авторитетом. Приехав на горное плато, остановились. Водитель сразу же побежал собирать сухие ветки для разведения костра. Шаман стоял в стороне, закрыл глаза, и что-то шептал. Эдик вытащил из машины сумку с продуктами и бутылкой спирта. Вскоре костёр весело запылал. Шаман надел на себя ритуальную одежду и головной убор. Вынул из кармана пакетики с какими-то снадобьями. Разбавил их в стакане спирта, половину плеснул в костёр, половину выпил. После этого приступил к ритуалу общения с духами. Ходил вокруг костра, то ускоряя, то замедляя шаг, иногда переходя на бег. Произносил и выкрикивал какие-то фразы. Короче говоря, вводил себя в транс, периодически подливая в костёр и выпивая снадобья, разведённые спиртом. Затем взял фотокарточку и кофточку Маши и поднял их над головой. Обряд длился не менее часа. В конце шаман в изнеможении, весь в поту присел возле костра, устремив глаза к небу, и сидел до тех пор, пока костёр не погас. В дар духам оставили у пепелища еду, привезённую Эдиком. Когда шаман отдохнул и пришёл в себя, он встал и начал разговаривать с Эдиком, вначале медленно, затем в нормальном ритме. Посоветовал внимательно слушать и запоминать. Сказал, что духи сообщили ему о маньяке следующее: возраст 35-40 лет, ранее носил военную форму и водил большой военный

автомобиль. Обижен на свою судьбу, имел трудное детство, подвергался сексуальному насилию. Дух дьявола вселился в его душу несколько лет назад. Живёт за чертой их города, по работе связан с природой, часто передвигается на авто. От каждой своей жертвы берёт какую-либо вещь. В частности от Маши забрал какую-то папку. В заключение шаман сказал, что Маша последняя жертва маньяка, далее его земной путь прервётся и он будет нести страшные муки в мире теней (то есть загробном мире) за загубленные жизни невинных людей, особенно ребятишек.

– Твои замыслы в отношении убийцы дочери сбудутся, ты понимаешь о чём я говорю и о чём ты постоянно думаешь, что не даёт тебе покоя с момента случившейся трагедии с дочерью. (Мы же можем только догадываться, какие мысли были в голове Эдика в отношении маньяка-убийцы враз разбившего благополучную жизнь семьи Лаукарт.) Эдик поблагодарил шамана за выполнение его просьбы и спросил, что он ему должен. Кооржак ответил:

– Мне лично от тебя ничего не надо, но если хочешь – помоги, чем можешь либо дому ребёнка, либо думу престарелых.

На следующий день, в дверь дома ребёнка г. Кызыла постучался крепкий русоволосый мужчина с двумя картонными коробками в руках. Открывшей ему работнице пояснил, что является знакомым шамана Кооржака, и хотел бы поговорить с заведующей. Работница на некоторое время отлучилась, затем, подошла и сказала, что заведующая может его принять. Проводила до кабинета. Эдик представился:

– Лаукарт Эдуард Робертович из города N-ска.

– Очень приятно, – ответила заведующая, представительница коренной национальности республики. – Чем могу быть полезной?

– Я хотел бы презентовать Вашему учреждению коробку сгущенного молока и конфет «Ласточка» по рекомендации моего знакомого Кооржака Бузун-оола.

– Да, да, мы хорошо знаем этого человека, – приветливо сказала заведующая, – он, или его знакомые, регулярно помогают малюткам нашего заведения, оставшимся без родителей. Поэтому, мы с удовольствием примем Ваш подарок, и, если надо, дадим Вам благодарственное письмо.

– Нет, спасибо, никаких документов мне не надо, – ответил Эдик.

– Ну, тогда хоть попейте с нами чаю, – предложила заведующая.

– Это можно, – согласился мужчина.

Она попросила секретаря, молодую женщину, принести три чашки чаю и принять участие в чаепитии. К чаю были национальные тувинские мучные изделия. В беседе преобладали женщины. Они сетовали на слабое финансирование дома ребёнка, увеличение числа детей, оставшихся по каким-либо причинам без родителей, а также, больных от рождения хроническими недугами.

– У вас в городе, наверное, подобная ситуация? – заинтересовалась заведующая.

– Конечно, – ответил Эдик, – это беда всей России, а не отдельно взятых городов и районов.

Отдав долг вежливости представительницам гуманной профессии, Эдуард распрощался с ними и поехал на вокзал. При прощании женщины еще раз выразили благодарность спонсору. В пути следования, лёжа на полке в плацкартном вагоне, он долго размышлял над словами шамана, касающимися маньяка, и прикидывал свои дальнейшие действия. Приехав в свой город, на следующий день

позвонил Константину Шупикову и рассказал, что только-что вернулся из Кызыла и хотел бы рассказать о результатах общения с шаманом. Константин после работы встретился с Эдиком и внимательно выслушал его рассказ о поездке в Туву и общении шамана Кооржака с духами.

– Какие на сей счет будут у Вас рекомендации? – заинтересовался Эдик.

Подумав, опер ответил:

– Безусловно, в информации шамана есть рациональное зерно и определённые сведения, полезные для следования. Я переговорю кое с кем из работников уголовного розыска и сообщу полученные тобой сведения от шамана.

Через несколько дней, Константин имел разговор со своим знакомым, заместителем начальника угро. Кстати, они вместе ранее учились в одной школе, и им было что вспомнить, и тем для общения было много. В беседе Константин рассказал заму угро, что отец убитой девочки имел беседу с ясновидящим шаманом и получил от него определённые полезные сведения в отношении маньяка.

– Это интересно, – живо отозвался зам, – тут из-за длительного отсутствия результатов в расследовании серийных убийств, поверишь во всё.

Тщательно занёс в рабочую тетрадь, полученную от Константина информацию о примерном облике маньяка-убийцы.

– Будем работать и в этом направлении, – подытожил разговор зам.

Как видит читатель, шаман, в принципе, «получил» от духов информацию о том, что маньяк в прошлом носил военную форму, без ведомственной принадлежности к милиции. Но, тем не менее, сведения о его возрасте и его

службе в армии водителем военного грузовика, очень долго стоили.

Члены оперативной группы угрозыска, задействованные в раскрытии преступления маньяка, стали скрупулёзно обрабатывать информацию зама. Время шло, в поле зрения оперативников угро попадало много лиц, которые негласно тщательно отрабатывались на предмет причастности к серийным убийствам. Через несколько месяцев, в круг подозреваемых попал и Ткаченко. Но вмешался «его величество случай». В райвоенкомате куда-то затерялась его учётная карточка, где был указан род войск, в которых он проходил службу. В другой же карточке только значилось, что он рядовой запаса и проходит службу в органах внутренних дел. Только в художественных детективах всё чудесно срастается, а в жизни всё, зачастую, наоборот. Но, как известно, «Бог шельму метит». Маньяка помогли разоблачить объективные и субъективные обстоятельства. Остановимся на них подробнее и начнём с ретроспективы.

ВАДИК КАШИН ПО КЛИЧКЕ «САМОГОН»

Вадик Кашин, молодой человек лет двадцати двух, жил в одном из сёл неподалёку от города, где развёртывались события, касающиеся основных героев нашего повествования. Это был худенький русоволосый парень ростом около 160 сантиметров, что называется «без царя в голове» и, мягко выражаясь, низким уровнем общего развития. Весь в наколках, как ходячая картинная галерея. На одном плече красовался гусарский погон, на груди церковь, на руках кинжал, обвитый змеей, якорь, тюремная решётка с розой, женская головка, различные надписи. На спине – эмблема ВДВ, хотя в силу низкого общеобразовательного уровня Вадик в армии не служил. На коленях какие-то ромбы. Лет в 16 – 17 Вадик продал одной пожилой женщине найденные им в городе детали самогонного аппарата. Естественно, она сразу же запустила аппарат в действие, начав гнать и продавать зелье. Как-то раз Вадик тайно проник в её дом и украл десятилитровую бутылку с самогоном. Недели две подряд он беспробудно пил с приятелями. Видимо тогда и пристрастился к самогону, не мог неделю прожить, чтобы не выпить этого напитка. Но пьяным его никто не видел. Единственно, что выдавало Вадика в крепком подпитии, это остановившийся неподвижный взгляд широко открытых глаз. На самогон нужны были деньги, и Вадик подрабатывал на наёмных работах. То кому-то вскопает огород, то нарубит дров, то скосит траву на сено, то уберёт снег и так далее. Однажды его бабушка попросила внука продать на вещевом рынке в городе пиджак, брюки и ботинки,

принадлежащие её мужу (деду Вадика), пообещав продавцу треть от вырученной суммы. Вадик охотно согласился помочь бабушке, тем более что материальный стимул был реальный. На узкой улочке на подходе к «барахолке» он вместе с другими уличными торговцами разложил на расстеленном на земле полиэтилене вещи деда, написав на листках их цены, чтобы покупатели не докучали вопросами о стоимости товара. Вадик стоял и глазел по сторонам, особенно обращая внимание на молодых и симпатичных представительниц слабого пола. Слушал песни, исполняемые самодеятельным баянистом. Песни были жалостливые: о солдатах, воинах-афганцах, жиганах, несчастной любви... Естественно, всё это отвлекало внимание вновь испечённого уличного торговца. Вдруг он заметил, что с полиэтилена самым невероятным образом пропал пиджак, осталась только бумажка с его ценой. Был, и вдруг не стало... Он лихорадочно стал озираться по сторонам. Один из стоящих рядом его соседей, пожилой мужчина глазами показал Вадика на быстро идущего молодого парня с перекинутым через руку пиджаком деда. Вадик, попросив соседа покараулить товар, стремглав бросился за воров. Догнав его, он выхватил пиджак и изо всех сил со всей своей пролетарской ненавистью заехал похитителю кулаком под глаз. Завязалась драка, вору помогал его напарник. Но справедливость в данном случае восторжествовала. Вадик отколотил обоих, сломав одному из них нос. Подоспел милиционер, благо отделение было недалеко. Всех троих задержали и доставили в милицию, поместив в «обезьянник». По факту нанесения менее тяжких телесных повреждений Кашиным гражданину Васютинскому возбудили уголовное дело.

Все доказательства были на лицо, здесь и показания свидетелей драки, заключение судмедэксперта. Но выяснилось, что похитители пиджака были законченными наркоманами и находились в розыске за неоднократные кражи и грабежи. Таким образом, не желая того, Вадик помог милиции задержать двух преступников-наркоманов, но, тем не менее, получил два года воспитательно-трудовой колонии. Здесь он окончил шестой и седьмой класс, пел в хоре. Прославился он тем, что, сдружившись с колонистом Васей Семечкиным, художником-самоучкой, попросил его сделать наколки на теле. Вася на пляже и в бане видел на людях очень много наколок и неплохо их запомнил. Вадик был его первым пациентом, Вася очень старался. Наколки получились красивыми, но несколько бледными. Не было насыщенного синего цвета. Либо было недостаточно туши, либо она была не той концентрации. За исполнение наколок на теле, Кашин и Семечкин были строго наказаны руководством колонии, согласно перечню наказаний, утверждённым Министерством юстиции. В этой же ВТК в то же время отбывал наказание и Федя Гопырянский. После того, как у Вадика на теле появились многочисленные наколки, он стал известной личностью в колонии. За административное правонарушение его отлучили от пения в хоре, но Вадик мечтал, что после освобождения из колонии организует у себя в селе хор, который будет выступать в домах культуры сельского района и даже города. Федя Гопырянский, как личность, склонная к технике, вёл с Вадиком разговоры, связанные с мотоциклами и автомобилями. Вадик его слушал, но в уме была «идея фикс» – народный хор. Два года пролетели незаметно, и Вадик с Федей почти одновременно

вышли на свободу с «чистой совестью», как было написано в одном из лозунгов ВТК. Естественно, обменялись адресами и приглашали друг друга приезжать в гости. Вначале в гости к Вадику на импортном мотоцикле приехал Федя, затем ответный визит в автомастерскую деда и внука Гопырянских нанёс Вадик. К тому времени за ним прочно закрепилось прозвище «Самогон». Сестра Вадика как-то увидела наколки на теле брата, всплеснула руками, и выдала следующую сентенцию:

– Ты, Вадик, выглядишь, как индейцы из произведений Фенимора Купера, но те жили несколько сотен лет назад, а ты живёшь в России, в эпоху перестройки.

Её же муж расхохотался и спросил:

– Ты, Вадик, под бластного что ли косишь?

Вадик, как мог, объяснил своё решение сделать татуировки на теле, но от этого ему легче не стало. О своей «голубой мечте», народном хоре, он стал вспоминать всё реже и реже, чаще заглядываясь на мототехнику. Спустя год-полтора Федя, видя, что его приятель не у дел, предложил ему поработать разнорабочим в их автомастерской. Он согласился и, вскоре, выполнял функции уборщика территории, шлифовщика шпатлёвки на кузовных деталях, переносчика запчастей и тому подобные несложные работы. Получал небольшую, но реальную зарплату. Однажды, один из клиентов продал за символическую цену в автомастерскую мотоцикл «Восход» на запчасти. Но он был на ходу. У Вадика загорелись глаза на эту вещь. Дед и Федя разрешили ему забрать мотоцикл и помогли его отрегулировать, и он стал работать, как часы. Вадик подновил и отполировал окраску своего «железного коня», сделав кисточкой, надпись на переднем

крыле «Honda», вместо «Honda», и намалевал на заднем подобие иероглифов. Насколько Вадик был туп в технике, настолько он стал виртуозным мотогонщиком. Он мог ехать на заднем колесе, не держась за руль, разворачиваться на 180 градусов, сделав резкое торможение. Долгое время «Самогон» ездил без водительских прав. При виде гаишников, он глушил двигатель, и вел его руками. На вопрос стражей правил дорожного движения предъявить водительское удостоверение, отвечал, что мотоцикл он ведет на ремонт на станцию техобслуживания и не ездит на нём. Сдать экзамены по правилам дорожного движения он не мог, хотя мотоцикл водил прекрасно. Но здесь ему опять помог Федя Гопырянский. В автомастерскую, хоть и нечасто, но заходили представители ГАИ. Одни из них вели себя начальственно, строжились, интересовались, не скупают ли автомастера краденые запчасти. Другие же просили отремонтировать за небольшую плату, либо свою технику, либо технику родственников или знакомых. По поведению и манере разговора сотрудников ГАИ, дед и внук прекрасно разбирались, с какой целью в их автомастерскую пришел представитель Госавтоинспекции. Однажды, к ним зашел молодой гаишник, поздоровался, поинтересовался делами. Вёл себя несколько скованно. Никаких вопросов в отношении краденых запчастей не задавал. Дед Семён, будучи хорошим психологом, вежливо спросил:

– Какие проблемы, товарищ начальник?

Гаишник, чуть помявшись, рассказал, что у его родного брата заклинил двигатель «Жигулей» и, по всей вероятности, погнуло клапаны механизма газораспределения.

– Согласен с Вами, – сказал дед.

– Сможете Вы за короткий срок качественно произвести ремонт авто моего брата? – спросил лейтенант.

– Конечно, товарищ начальник, сделаем в лучшем виде, и машина будет работать как швейцарские часы, да и плату возьмём самую реальную.

– Хорошо договорились, – заключил гаишник, – я скажу, чтобы брат доставил авто в вашу мастерскую.

Здесь в разговор вклинился Федя:

– Товарищ капитан, – сознательно повисив в звании на две ступени, – Вы бы не смогли помочь нашему работнику сдать экзамен на водительское удостоверение категории «А» (мотоцикл)? Водит он «железного коня» очень хорошо, а сдать правила дорожного движения никак не может.

– Значит, не знает их, – ответил лейтенант.

– Да нет, правила знает, но сдать экзамен не может, видимо, теряется с вашей экзаменационной машиной. Кашин, подойди сюда, – начальственно крикнул Федя.

Вадик подошел и вежливо поздоровался с гаишником. Был он в спецодежде, поэтому наколок особо видно не было.

– Вот этот работник, помогите ему, товарищ капитан.

– Хорошо, – сказал гаишник, – пусть подойдёт в экзаменационное отделение и скажет, что от лейтенанта Костикова, то есть от меня, и проблем не будет.

– Заранее Вам благодарен, товарищ капитан, подобострастно сказал Федя.

– Да лейтенант я, – буркнул Костиков.

– Ничего страшного, – весело отпарировал Федя, – сейчас Вы лейтенант, а завтра будете капитаном. Да я и

не силён в офицерских званиях, – лихо соврал «Гопа».

Через две недели, Вадик стал обладателем новенького водительского удостоверения, окончательно убедившись в деловых качествах и умении вести разговор своего «патрона» Феде. Отблагодарил он «Гопу» ведёрком кедровых шишек, которые он сам сбивал с кедров и, затем, лущил. Время шло, мастерская исправно функционировала, принося неплохой доход своим работникам, и моральное удовлетворение владельцам разбитых и неисправных, а, затем, восстановленных и отремонтированных автомобилей и мотоциклов. Как и большинство жителей шахтёрского городка, работников автомастерской «Лонжерон» потрясло убийство девочки Маши Лаукарт. Дня два-три только и было разговоров на эту криминальную тему. Костерили убийцу почём зря, желая ему сурового наказания. Сетовали, что в России не практикуется публичная казнь, тогда бы большинство «пидоров» задумалось, прежде чем посягать на детей. Дед Семён, несмотря на то, что в последнее время стал посещать Православную церковь и верить в Бога, и то обложил маньяка крепким забористым матом из зековского жаргона. Тогда ещё ни Вадик, ни Федя не знали, что окажут существенную помощь в разоблачении маньяка.

Через несколько месяцев после трагедии с Машей, в один из субботних дней, бабушка Вадика по просьбе своей дочери присматривала за десятилетней внучкой. Сами же её родители поехали в город походить по магазинам и посетить вещевого рынок. В этот день, Вадик, как всегда думал, где бы раздобыть самогона, чтобы взбодриться, и, потом погонять на своём мотоцикле по проселочным дорогам, где практически отсутствует

какое-либо движение и можно ездить «под шафэ». Его бабушка, увидев слоняющегося без дела внука, попросила его присмотреть за племянницей. А сама бабушка немного подремлет, так как сильно разболелась голова. Вадик, без видимой охоты, согласился. Вначале, он добросовестно следил за племянницей Верой, но, затем, это ему надоело. Он решил пройтись по улицам села и найти подработку, заработав за неё денег или бутылку самогона. Одна из пожилых женщин попросила Вадика напилить из бревна чурбаки, совместно с её зятем.

– Что я с этого буду иметь? – конкретно поинтересовался молодой человек.

– Поллитру самогона, – с готовностью ответила пожилая женщина, зная пагубную страсть Вадика.

– Согласен, – ответил он, и, не откладывая в долгий ящик, принялся пилить с зятем бревно, действуя по принципу «быстрее начнёшь, быстрее кончишь».

Часа полтора они пилили брёвна с небольшими перекурами. Наконец закончили это нудное занятие. Пожилая женщина тут же вручила ему завернутую в газету бутылку самогона. «Не отходя от кассы», Вадик выпил грамм сто, закусив солёным огурцом, который ему дал работодатель. В хорошем настроении он пошел к себе во двор. Племянницы Веры там не было. Заглянул в дом – та же картина. «Наверное, пошла к подружкам» – подумал Вадик, и решил пройти по дворам, где жили маленькие приятельницы Веры. Но её ни у кого не было, как в воду канула. Тогда он сел на мотоцикл, чтобы проехать по окрестностям села, а, также, на речку и поискать там племянницу. Приехав на речку, он поставил мотоцикл и прошелся по берегу. Неожиданно увидел, как неприметной внешности мужчина ведёт за руку

Веру к стоявшему в метрах трёхста тёмному ЛуАЗику. В другой руке мужчина держал две оснащённые удочки. Вадик подлетел к племяннице, высказав всё, что думает о ней на данный момент, с учётом долгих поисков и переживаний. Мужчина чуть смутился, но внятно объяснил, что хотел подвезти девочку, которую покинули подруги, до села, где она проживает, тем более что едет в ту же сторону. Пояснил, что здесь рыбачил, но клёва не было. Вера стояла и виновато молчала. Вадик взял её за руку и повёл к своему мотоциклу. По пути он спросил, как она очутилась на речке. Вера нехотя рассказала, что пошла с подругами на речку искупаться, после чего приятельницы пошли на опушку леса собирать землянику, а она осталась загорать. Затем подошел дяденька с удочками и стал ловить рыбу. Она подошла и стала смотреть. Рыбак предложил ей взять одну из его удочек и самой половить рыбу. Помог ей нацепить на крючок червяка. Но рыба почему-то не клевала. «Кто же ловит рыбу в жару, ведь она ложится на дно» – про себя подумал Вадик.

– Дяденька стал собирать свои удочки и предложил довести меня до дому. Я согласилась. Тут-то ты и увидел меня.

Дойдя до мотоцикла, он усадил Веру на заднее сиденье и привёз её во двор. Спустя два часа, из города приехали его сестра с мужем. Вадик, к тому времени, ополовинил бутылку самогона и был в хорошем настроении. Пожаловался сестре, что их Веру ни на минуту нельзя оставлять без присмотра, что, как только он отлучился на короткое время, она сразу ушла с подружками на речку. И он еле-еле нашел её на берегу. Какой-то рыбак хотел подвезти её до дому.

- Какой рыбак? – поинтересовалась мамаша Веры.
- Не знаю, вижу его в первый раз.
- Что он тебе говорил? – спросила мать у дочери.
- Ничего, – ответила девочка, но по её виду было понятно, что она что-то недоговаривает.
- Говори честно, – напустилась на неё мать.
- Ничего такого, – ответила Вера, – сказал, что он мастерит и раскрашивает матрёшки и раздаёт их детям бесплатно, так как своих детей у него нет.
- Ну и что? – продолжала «раскручивать» тему мать.
- Да ничего, предложил подвезти меня к нашему дому, сказал, что он, как раз, едет через наше село.

При диалоге матери с дочерью присутствовал и Вадик, но в тот момент словам племянницы значения не придавал, а был очень рад, что очень быстро отыскал её. (Интересно, что бы он делал без мотоцикла?) Был доволен и удовлетворён, что заработал «пузырь» самогона и племянницу быстро обнаружил у реки.

В понедельник он приехал на работу в автомастерскую. Особой работы не было. Федя, ещё один слесарь, и Вадик сидели в тенёчке и курили, лениво разговаривая и прикладываясь по очереди к бутылке с хлебным квасом. Вадик завёл разговор о преимуществах технически оснащённого человека над пешим, приведя пример с удачными поисками в субботу пропавшей племянницы. Слесарь рассказу Вадика значения не придавал, но Федя спросил, на какой машине приехал рыбак и сколько ему на вид лет. Вадик ответил. Федя сказал, что думал, что рыбак пожилой дедок, а тут видишь мужик... Перекурив и допив квас, молодые люди разошлись по своим рабочим местам. Феде запал в душу рассказ Вадика, и он мучительно размышлял, а не скрывается ли

за личиной доброго рыбака какой-то сексуальный маньяк. «Вадик-то “простодыра”, не придавал значения эпизоду, а надо было запомнить номер автомобиля рыбака» (Номер ЛуАЗика был забрызган грязью, так что Вадик, при всём желании, не разглядел бы цифр и букв.) Несколько дней Федя думал о рассказе своего приятеля о поисках племянницы. Решил, что это событие нельзя оставлять втайне. В милицию идти ему не с руки, скажут, что пришел наниматься в сексоты... И тут ему вспомнилось об автоаварии, когда он на мотоцикле «Ямаха» столкнулся с «Жигой», которой управлял работник ФСБ Константин Шупиков. «Может быть я у него попрошу узнать адрес семьи Лаукарт, вероятно, это оперу труда не составит» – думал Федя. «Не буду ему ничего объяснять, что почём, а просто узнаю адрес и все» – планировал «Гопа». Несколько дней подряд, он «толкался» недалеко от горотделения ФСБ, в надежде встретить Константина Шупикова, но тщетно. (Константин, в это время, был в очередном отпуске с выездом из города.)

В один прекрасный день, а вернее ночь, Вадик Кашин увидел сон, как несколько лет назад, он сдавал кедровый орех заготовителю, очень похожему по внешности на рыбака, намеревавшегося подвезти его племянницу Веру до дома. Какой-то голос во сне сказал Вадик, что он чудесно спас Веру от рук маньяка. Когда он проснулся, содержание увиденного во сне не давало ему покоя, и мысль о том, что он мог видеть маньяка-убийцу, сверлила его мозг. Вадик не стал никому рассказывать о своём сне, а стал прикидывать, каким образом найти и поставить в известность о ситуации на берегу речки с его племянницей Верой отца убитой девочки Маши, а он уже пусть принимает соответствующие

меры. Здесь «Самогону» помог счастливый случай. Спустя несколько дней после вещего сна, он шлифовал кузов авто под покраску. В конце рабочего дня, в автомастерскую пришел владелец машины, посмотреть, как идёт дело. Разговорился с Вадиком, усердно действовавшим шлифовальной шкуркой. Поговорили, покурили. Клиент рассказал, что только что со смены в шахе, «отпахал» в забое и решил забежать по пути домой в автомастерскую. Вадик спросил:

– На вашей шахте работает отец убитой маньяком девочки?

– Да, на нашей, – ответил посетитель, – трудится горным мастером, неплохой мужик, честный и справедливый.

– А ты не смог бы передать ему от меня записку?

– Почему бы и нет, – ответил владелец ремонтируемого авто.

Вадик куда-то сбегал и вернулся с листом бумаги и карандашом. Написал следующий текст (приводится с орфографией «Самогона»): «Буть добр приди в автомастерскую Лонжирон. Спросиш Вадика то исть меня. Есть серьезная тема. Лутше к канцу рабочего дня что бы не отрываца от работы. Кашин». Через три дня, Эдик Лаукарт пришел в автомастерскую и спросил Вадика. Перед ним предстал невысокий шуплый молодой человек. Был он в рубашке с длинным рукавом, но кисти рук синели от наколок.

– Послушай, – сказал Вадик, – может быть куда-нибудь пройдем, посидим и поговорим. Возможно, мои сведения чем-то помогут тебе.

Пришли в скверик, сели на скамейку в безлюдном месте. Вадик рассказал, что живёт в селе за чертой города.

Далее, он подробно описал случай, когда в субботний день незнакомый мужчина вёл за руку его племянницу Веру к «ЛуАЗику», якобы, чтобы подбросить её до дома. Работает этот человек заготовителем в райпо, года два-три назад, я сдавал ему кедровый орех.

– А какой возраст этого человека? – поинтересовался Эдик.

– Около сорока лет на вид, а на самом деле, сколько не знаю, паспорта я у него не спрашивал. Может быть, мой рассказ будет полезен тебе, только попрошу, не «свети» меня нигде. Ой, ещё забыл, – добавил Вадик, – со слов моей племянницы, этот «дядя» ей говорил, что делает деревянные матрёшки и бесплатно раздаёт их ребятишкам, так как своих детей у него нет. Вот, собственно, и всё, о чём я хотел тебе рассказать, – закончил разговор «Самогон».

Эдик поблагодарил Кашина, пытался вручить ему денежную купюру, эквивалентную цене бутылки водки, но Вадик так посмотрел на него, что собеседник сразу спрятал купюру в карман.

– Эдик, я мог бы всё это никому не рассказывать, но как нормальный «пацан», я понимаю твоё горе и хочу чем-то помочь, – в заключение пояснил Вадик.

– Если так, то большое тебе спасибо, – сказал Эдуард, и с чувством крепко пожал руку молодого человека.

Придя домой, он долго размышлял над рассказом Вадика Кашина. Конечно, эпизод на берегу речки, мог быть стечением обстоятельств, и рыбак руководствовался лучшими побуждениями, и предложил девочке довести её до дома. Тем более что, со слов Вадика, вёл он себя спокойно, ничуть не смущаясь. С другой стороны, если вспомнить слова шамана Кооржака в отношении

возраста, средства передвижения, близости к природе маньяка, то здесь следует крепко задуматься. Образно выражаясь, мозги Эдика были набекрень. Так ничего и не придумав, он на следующий день решил поговорить с Константином Шупиковым. Но когда он позвонил в горотделение ФСБ, вежливый голос дежурного ответил, что оперработник в отпуске, за пределами города, и не устроит ли Вас общение с другим сотрудником.

– Нет, спасибо, – ответил звонивший и положил трубку.

«Да, дело худо. Что же мне делать?» – подумал Эдик. И тут он вспомнил о том, что супруга Юлия Карликова, Шура, работает в горотделе милиции, в отделе по борьбе с наркотиками. «Ничего нет страшного, что она в настоящее время находится в отпуске по уходу за ребёнком, попробую попросить её узнать адрес и фамилию рыбака, заготовителя райпо, тем более что известна марка авто, на котором он ездит, его примерный возраст. Но может статься, что машин не его (ездит по доверенности), с райпо мог рассчитаться, так как Кашин сдавал ему орехи несколько лет назад». Спустя несколько дней после разговора с Вадиком, он пришел в дом Карликовых. Благородное семейство всё было в сборе. Эдик вручил сыну Шуры коробку конфет, а для малышки Даши – красивую яркую игрушку для купания. Посидели, попили чаю, поговорили. Эдик попросил Шуру помочь ему узнать адрес одного человека.

– А как его фамилия? – спросила Шура.

– В том то и дело, что не знаю. Известно, но не точно, что он работает заготовителем в райпо, ему в пределах сорока лет, ездит на стареньком ЛуАЗике.

– Это будет чуть сложнее, – сказала Шура, – но у нас в отделе есть сильные оперативники-розыскники, и, я думаю, они установят интересующего тебя человека.

Из деликатности, она не стала спрашивать, в связи с чем этот мужчина-заготовитель заинтересовал Эдика. Юлий предложил поужинать, но Эдик вежливо отказался. Поговорив некоторое время на отвлеченные темы, гость распрощался и ушел.

После его ухода, Шура стала прикидывать, кому из её сослуживцев под силу установить интересующего Эдика человека. Женской интуицией она чувствовала, что интерес Лаукарта к заготовителю далеко не праздный, так как жизненная ситуация и психологический настрой после трагедии с дочкой не позволяли ему заниматься пустыми делами. И тут она вспомнила капитана Костина, который был, что называется, опером от Бога. Ранее он проходил службу в качестве старшего сержанта в спецназе ГРУ, воевал в Чечне, имеет боевые награды. Костина, в равной мере, интересовал, как конечный результат, так и сам процесс оперативно-розыскной деятельности; очень любил свою профессию. После прихода в органы ВД, он заочно окончил Омскую Высшую школу милиции, нормально шёл по служебной лестнице, неоднократно поощрялся руководством горотдела и областного Управления ВД. Но, тем не менее, никакого зазнайства и шапкозакидательства в его поведении не наблюдалось, он старался помогать коллегам, как практически, так и дельным советом. Умел держать язык за зубами, о характере своей работы в ОБНОне в окружении не распространялся. Был холост, не обременён семейными проблемами и уделял работе много времени, в том числе и свободного. Однажды, два

наркомана решили проучить ретивого опера, подкараулив его глубоким вечером у входа в подъезд. Напали сзади, используя фактор внезапности. Но не учли, что перед ними бывший спецназовец, имеющий боевой опыт. В результате, под утро, жильцы подъезда обнаружили двух сильно избитых молодых людей и вызвали скорую помощь. При опросе участковым, кто им нанёс телесные повреждения, ответили, что это были пьяные юноши в количестве не менее пяти человек, которых потерпевшие никогда ранее не видели и не знают. Участковый подумал, что повреждения двум мужчинам нанесены профессионально, но ничего не сказал. Взял от потерпевших объяснения, где говорилось об их нежелании возбуждения уголовного дела по факту нанесения побоев.

Владимир Костин с пониманием воспринял просьбу коллеги, не став интересоваться, зачем ей нужен заготовитель райпо. Но, про себя предположил, что не исключено, что этот человек связан с какого-то боку с наркотиками. Владимир не стал решать проблему Шуры с наскоку, а довольно тщательно спланировал свои действия. В первую очередь, он выяснил местонахождение райпо и прикинул, откуда можно конспиративно наблюдать за приезжающими туда машинами и работниками этого сельхозпредприятия. Выяснил, что в райпо два ЛуАЗа, один УАЗ-469, несколько ГАЗелей. На одном ЛуАЗе был, видимо, штатный водитель, молодой мужчина лет двадцати пяти. Он возил по деревням женщин-заготовителей. УАЗик был закреплён за руководителем райпо. А вот на втором тёмно-зелёном ЛуАЗике ездил мужчина лет сорока, ничем неприметной внешности, «смурной» и неразговорчивый. Владимир реально предположил, что он является заготовителем, так как несколько раз вытаскивал из

авто мешки с орехами, или с кедровыми шишками. Свою машину заготовитель в гараж райпо не ставил, а, видимо, с разрешения руководства, ездил на ней домой и оттуда разъезжал по рабочим вопросам. Один из свободных дней, отдыхая после дежурства в составе оперативно-следственной группы, Костин посвятил скрытому наблюдению за заготовителем. Ему повезло, удалось выяснить место жительства заготовителя, распорядок его дня, состав семьи. В сельсовете опер просмотрел весь список жителей села Знаменка и установил, что по данному адресу проживает Ткаченко Сергей Фёдорович, 1956 года рождения, заготовитель райпо, военнообязанный, женат, двое детей. Двор у заготовителя был, как и у других хозяев: банька, стайка с сеновалом, дощатый туалет, погреб. Но, если у большинства хозяев, стайки, либо вообще не закрывались, либо закрывались на символические замочки, то стайка Ткаченко закрывалась сразу на два замка, один с пробоем, другой добротный висячий. Входные ворота в ограду дома тоже запирались на замок, а у подавляющего большинства жителей – на обыкновенную щеколду. Во дворе, в будке, жила довольно злая собака-дворняга, а на ограде висела табличка «осторожно, злая собака». Ничем особым по месту жительства Ткаченко не выделялся, единственно, что ни с кем из соседей никаких отношений не поддерживал, никогда с ними не разговаривал, поздоровется кивком головы и всё. А супруга у него, наоборот, была контактной и разговорчивой женщиной, охотно общалась с соседями и другими людьми. Вместе с родителями, в доме Ткаченко проживал тринадцатилетний сын, второго ребёнка Костин не видел. Собрал эти сведения, опер, не откладывая в долгий ящик,

посетил Шуру Карликову и подробно рассказал о результатах выполнения её просьбы. Та хорошо запомнила сведения Владимира, и на следующий день передала их Эдику Лаукарту. Эдик, не надеясь на свою память, сделал несколько пометок в свой блокнот. По пути следования и придя домой, он долго обдумывал информацию Шуры. «Вроде бы заготовитель – обыкновенный сельский житель. Но к чему враньё про матрёшек и отсутствие своих детей? К тому же, надёжные замки на входной калитке и стайке. Всё это интересно, но надо бы ещё кое-что подпроверить» – резонно полагал Эдик. Из прочитанных произведений о Шерлоке Холмсе и художественных фильмов о знаменитом сыщике и его друге докторе Ватсоне, Эдик решил, что неплохо бы проследить за домом Ткаченко. Но, если это делать в открытую, то толку никакого не будет, а только наоборот. Вот, если следить издали, да ещё из какого-то убежища, то, наверное, можно получить что-то полезное. В один из своих выходных дней, среди недели, он на собственном авто приехал в Знаменку. Оставил машину возле магазина и пошел неспеша по селу, незаметно, но внимательно осматриваясь по сторонам. Нашел улицу, где находился дом Ткаченко. Стоял он почти на краю села. Метрах в ста уныло зияли выбитыми полусгнившими окнами несколько заброшенных домиков, а за ними уже был лесной массив. Вначале, Эдик решил понаблюдать за домом Ткаченко из леса. Но расстояние солидное и толком ничего видно не было. Тогда он в комиссионке приобрёл полевой бинокль. С биноклем видимость заметно улучшилась, но всё же значительное расстояние давало о себе знать. И Эдику пришла в голову светлая мысль, вести наблюдение через бинокль

с чердака самого близкого заброшенного дома. Под утро, когда ещё не рассвело, он снова подъехал к сельмагу и пешком выдвинулся к заброшенному дому. Прихватил с собой продуктовый «тормозок» и бутылку минеральной воды. Ручной дрелью проделал два небольших отверстия в торце крыши под окуляры бинокля. Дождавшись рассвета, стал пристально смотреть в ограду дома Ткаченко. В тот день ничего особенного он не высмотрел. Хозяин дома поутру сел в ЛуАЗик и куда-то уехал, вернулся домой часам к семи вечера. Супруга занималась по хозяйству, но на несколько часов отлучалась, видимо на работу. Через несколько дней, Эдик снова вёл тайное наблюдение за домом заготовителя. И тут ему чуть-чуть улыбнулась удача. Ему удалось выяснить, что ключи от стайки только у хозяина. Ни его жена, ни сын самостоятельно не открывали дверь стайки. Видно было как хозяйка, указывая рукой на стайку, просила мужа отворить дверь в это помещение, чтобы что-то оттуда взять. Ткаченко отпёр стайку и, вместе с женой, вошел туда. Вынесли оттуда несколько пустых ведер и пустых мешков, видимо готовясь к копке картофеля. После этого, хозяин тщательно запер стайку, положив ключи в карман своей куртки. Глядя в бинокль, Эдик думал, что неплохо бы узнать, что у Ткаченко находится в стайке, коль скоро он так её оберегает от посещения домочадцами. Но как это сделать, ведь во дворе бегают злая собака, которая поднимет лай при проникновении в ограду постороннего. На дворе уже была осень, и вот-вот уже должен выпасть первый снег. Но, в одну из трудовых смен, рабочий его участка рассказывал, что некие злоумышленники отравили его собаку, заделав в кусок мяса крысиную отраву. Естественно, травить собаку

Ткаченко, он не желал, а вот усыпить её с помощью снотворного хотелось бы. Но одному негласно проникнуть в стайку очень сложно, здесь нужен хороший подручный. И замки взламывать не следует, а сделать подкоп с тыльной стороны стайки, которая не просматривается из окон дома Ткаченко. Со своей плотной комплекцией Эдик резонно полагал, что нужен подкоп большого размера. А вот для щуплого человека потребуется лаз, шириной до полуметра. Здесь Эдик вспомнил о своём новом знакомом Вадике Кашине. И телосложением щуплый и, видимо, был в конфликте с Законом, иначе бы откуда у него взялись многочисленные татуировки. Время поджимало, уже, периодически, стал выпадать снег, но быстро таял. Эдик посетил автомастерскую «Лонжерон». На его счастье, «Самогон» находился на месте. Дружелюбно поздоровались.

– Теперь, Вадик, у меня к тебе есть серьёзный разговор, – спустя некоторое время пояснил посетитель.

– Говори, – сказал Вадик.

– Нет, давай поговорим в спокойной обстановке, за чашкой чаю или чего покрепче.

– Согласен, – отреагировал «Самогон».

Зашли в магазин, Эдик купил четвертинку водки и закуски. Расположились в сквере, где из-за прохладной погоды практически никого не было, только влюблённые изредка проходили по аллеям. Выпили, покушали. Эдик приступил к деловому разговору издали. Рассказал, что ему удалось выяснить фамилию и адрес заготовителя, о котором ему ранее рассказывал Вадик. И есть кое-что интересное. На самом деле никаких матрёшек он не делает и никому бесплатно их не раздаёт. Детей у него двое. Налицо врал, как сивый мерин, твоей племяннице. Но

особо отметил доморощенный частный детектив надёжно закрытую стайку во дворе заготовителя, которую в отсутствии его никто из членов семьи не посещает.

– Значит, что-то там хранит такое, – заключил Эдик, – о чём другим знать не положено.

«Самогон», жуя бутерброд, обдумывал слова собеседника.

– Ну и что ты предлагаешь, Эдик? – в конце концов спросил он.

– Я хотел бы «подпрячь» тебя по-тихому залезть в стайку, чтобы узнать, что там хранит Ткаченко. Естественно, я буду тебе помогать, но с моей комплекцией нужно сделать обширный подкоп под стайку, а с твоей – гораздо меньший.

– А если «залетим»? – резонно заметил собеседник.

– Вероятность очень мала, если сделать всё по-умному и осторожно. Но и в этом случае можно либо сбежать, а, в крайнем случае – списать всё под попытку кражи.

– И за попытку могут дать срок, – заметил Вадик.

– Смотри, я тебе предлагаю дело, за которое получишь хороший «навар», за который сможешь купить себе импортный мотоцикл, а то уже вырос из своего «Восхода».

Этот аргумент сразил «Самогона», и он согласился. После чего, Эдик детально обозначил план операции. Подробно и внятно объяснил Вадика, что конкретно интересуется его в стайке, в частности, папка для нот, обрисовав её внешний вид. В очередной выходной Лаукарта, они с Вадиком взяли с собой две острозаточенные маленькие лопаты, два китайских фонарика, колбасы и снотворных таблеток для собаки. Приехали в

Знаменку около двенадцати ночи, машину оставили за пределами села. Прошли по улице, где стоял дом Ткаченко. Во всех домах света не было, в деревнях ложатся спать рано. Подошли к ограде интересующего дома. Эдик тихо свистнул. Дворняга быстро выскочила из будки и залаяла. Вадик бросил ей через забор кусок колбасы со снотворным. Собака с аппетитом съела колбасу с растолчёнными таблетками и отправилась в будку. Подождав минут сорок возле машины, Эдик и его напарник вновь отправились к дому Ткаченко. Перелезли через забор. Всё было тихо. Посветили в сторону собачьей будки, дворняга мирно спала, положив голову на лапы. Сразу приступили к устройству подкопа. Вначале копать было трудно, затем грунт стал мягче. Копали по очереди, чтобы не мешать друг другу. Внимательно наблюдали за входной дверью в дом, реально полагая, что кто-либо из жильцов мог выйти в туалет. Но, к счастью, всё было спокойно. Единственно, на крыльцо вышел мальчик, помочился прямо со ступенек, потянулся и вернулся обратно в дом. Эдик и его напарник замерли, но затем облегчённо вздохнули. Через полчаса подкоп был готов, и Вадик, головой вперёд, влез в стайку. Минут через двадцать раздался приглушенный голос «Самогона»:

– Принимай, есть кое-что.

В лазе появилась тёмная дерматиновая папка для нот. Эдик принял её и чуть не обомлел. На внутренней стороне обложки была надпись, сделанная рукой супруги Полины: «Маша Лаукарт, второй класс ДМШ №19». Еле сдерживаясь, чтобы не потерять сознание, Эдик прижал папку дочери к лицу и молча стоял, как истукан. Вадик из стайки вопрошал:

– Тут, мол, еще кое-что есть, какие-то колечки, ранец, удочка, детские часики. Мне их забирать или вылазить?

– Вылазь, – машинально ответил Эдуард.

«Самогон» выставил из лаза обе руки, и Эдик, потянув за них, помог своему напарнику быстро выбраться из стайки. Тщательно закопали лаз, придав земле первоначальный вид, и пошли к машине. Сели, отдышались и успокоились.

– Ну, рассказывай, – обратился несчастный папаша к «Самогону».

– А что рассказывать, в стайке хранится разный хлам, какие-то бочки, алюминиевые бидоны, бывший в употреблении полиэтилен. Из нормальных вещей – только мужской велосипед. В дальнем углу, друг на друге, стояли деревянные ящики с крышками. Я их все осмотрел, благо, что фонарь был мощный. В самом нижнем ящике, на дне, застеленном белым ватманом, лежали папка и другие вещички, о которых я тебе говорил. Сверху всё это было накрыто отрезком полиэтилена. Вот, собственно, и всё.

Эдик завёл мотор, и поехали к деревне, где жил Кашин. Подъехали к его дому. Лаукарт вытащил из кармана бумажник, вынув из него энную сумму денег.

– Вот, на тебе, за сочувствие и помощь, купишь себе хороший мотоцикл, и ещё должно остаться. Единственная моя просьба: всё это должно остаться между нами.

– Естественно, – отреагировал «Самогон», – я рад, что сделал полезное для тебя дело. Спасибо за гонорар, он очень мне пригодится.

Каких-либо вопросов о планах Эдика он задавать не стал, видя, как он расстроен и потрясён находкой папки

дочери. Пожали друг другу руки и расстались. Эдик приехал к себе домой часа в четыре ночи. Машину оставил во дворе. Папка лежала в багажнике, аккуратно завернутая в полиэтилен и перевязанная крест-накрест бечевкой. Брать вещь дочери домой он не стал. Да и вообще решил о своём «расследовании» и страшной находке супруге не рассказывать, помня, как она упала в обморок в коробке здания разрушенной бани. «Расскажу ей или утаю, от этого ничего не изменится... А в дальнейшем будет видно, время покажет».

Зайдя в квартиру, сразу лёг спать и погрузился в тяжёлый, с какими-то кошмарами, сон. Вероятно, сказалось нервное напряжение от тайного проникновения в стайку маньяка (теперь Эдик в этом был уверен), и находки «Самогоном» папки для нот, принадлежавшей бедной Маше. Пошел он на следующий день на работу, во вторую смену, и практически беспрерывно думал, как ему поступить в сложившейся ситуации. Если придёшь и «сдашь» информацию в уголовный розыск, то у них возникнет куча вопросов и претензий, одна из самых серьёзных – зачем учинил частное расследование и организовал проникновение в стайку. Но, пусть даже арестуют маньяка, начнётся следствие, длительные экспертизы, в том числе и психиатрические; а что практически все маньяки «косят» под сумасшедших, это всем известно. Да и, как он слышал, Россия, вроде бы, присоединилась к мораторию на смертную казнь. И может статься, что маньяк-зверь будет ещё жить. И тогда Эдуард принял тяжелое и трудное, но однозначное для себя, решение – учинить маньяку свой справедливый суд с последующей расправой над этим подонком. После этого, с месяц обдумывал, как совершить страшную месть.

Одному это сделать будет очень трудно, чисто с технической стороны, хотя он был гораздо крепче и физически сильнее Ткаченко. Как рассуждал и предполагал Эдик, маньяка нужно заманить в какую-то ловушку, «расколоть» его во всех тяжких преступлениях, а, затем, уже совершить расправу. Мысли о незаконности и противоправности самосуда, он напрочь отметал. Как-то раз, смотря телевизор, он наткнулся на передачу «Операция возмездия», когда израильская спецслужба «Моссад», в ответ на теракт в отношении спортсменов их страны на Олимпийских играх в Мюнхене, провела ряд тщательно спланированных акций возмездия по лицам из Организации освобождения Палестины, причастных к организации и исполнению кровавой вакханалии над спортсменами Израиля. Секретное подразделение «Моссад» устранило без суда и следствия несколько десятков террористов, проживающих не только в Палестине, но и других странах. «Моссад» здесь, как бы «убивал двух зайцев», совершив справедливое возмездие над лицами, совершившими злодеяние в олимпийской деревне, а, также, внеся страх и растерянность в ряды членов террористических организаций, тем самым, парализовав их преступные действия и замыслы. Но там было задействовано значительное число высокопрофессиональных и технически оснащённых сотрудников израильской спецслужбы, а тут он один... Да ещё каким образом довести информацию о возмездии убийце детей до других маньяков, которых, как он слышал, в России немало. А с другой стороны – было бы желание и цель. А цель здесь очень гуманная – избавить жителей города от преступных поползновений сексуального маньяка, который, видимо, почувствовав

вкус крови, не остановится в своих преступлениях. И его, безусловно, можно остановить, то есть устранить физически. «Если я это не сделаю, – думал Эдик, – то всю свою дальнейшую жизнь буду мучаться, и сердце моё никогда не успокоится». В конце концов, он оставил гамлетовские сомнения и твёрдо решил устранить из жизни изувера, скрывающегося под личиной ничем не приметного трудового человека. В ходе долгих размышлений, ему вспомнился рассказ Вадика Кашина, что года два назад он сдавал кедровые орехи заготовителю райпо Ткаченко. «Почему бы не использовать это обстоятельство для заманивания маньяка в ловушку?» – резонно думал Эдик. Но надо вначале переговорить с Вадиком и заручиться его принципиальным согласием, а то может получиться, как в той поговорке: «без меня меня женили». Решил безотлагательно составить разговор с Кашиным. Коль скоро разговор будет очень серьёзным, к нему нужно тщательно подготовиться. Ведь не каждый человек положительно воспримет предложение совершить убийство, пусть даже законченного злодея-маньяка, которому фактически не должно быть места среди людей. Но «Самогон», кажется, парень не из робких, судя по татуировкам, видимо отбывал срок. «Уже раз он оказал мне большую помощь, когда залез в стайку маньяка. Да и чудо и рука Божья спасла его племянницу, которая практически находилась в кровавых руках Ткаченко. Нужно подвести Вадика к мысли о свершении возмездия над маньяком, с тем, чтобы прекратить его дальнейшие посягательства на детей». Эдик долго и с немецкой скрупулёзностью составлял в уме план беседы с Кашиным, экстраполировал возможные вопросы Вадика к нему и свои аргументы и ответы.

Вначале, как представляется, нужно заручиться принципиальным согласием «Самогона». В случае его согласия – обговорить тактические детали их «операции возмездия». С учётом склонности Вадика к спиртному, решил провести этот разговор за рюмкой водки. Через несколько дней, в конце рабочего дня, он пришел в автомастерскую «Лонжерон». Работники заканчивали трудовую смену и делали уборку в помещении и во дворе. Поздоровавшись с «Самогоном» и перекинувшись несколькими ничего не значащими фразами, предложил зайти в шашлычную выпить пива и поесть шашлыков.

– Согласен, – ответил Вадик, – сейчас закончу уборку, умоюсь и переоденусь и буду готов.

В шашлычной посетителей практически не было, так как шашлыки стоили достаточно дорого, а жители шахтёрского городка, не от хорошей жизни, привыкли, чтобы застолье было дешевым, но сердитым. Эдик заказал по сто грамм водки, по кружке пива и по шашлыку с салатом.

– У тебя опять какие-то проблемы? – простодушно спросил «Самогон».

– Да уж, ты, как в воду глядишь, – с улыбкой ответил Эдик. – Но давай сначала выпьем и покушаем, а потом уже и переговорим о деле.

– Хорошо, – ответил собеседник, приступив к трапезе.

Спустя некоторое время, Эдик вполголоса, чтобы не слышал узбек-шашлычник, сказал:

– Вадик, тебе очень повезло, что ты в нужное время и в нужном месте нашел свою племянницу. Ещё бы 10-15 минут и свершилось бы непоправимое, ведь, насколько я понял, ЛуАЗик Ткаченко стоял сравнительно недалеко от берега речки. А стоило бы девочке сесть в машину

маньяка – пиши всё пропало. Чудо вряд ли произошло. Можно только представить, как тебе повезло, видимо, сам Бог руководил твоими поисками Веры.

– Согласен с тобой, – ответил Вадик, если бы с Верой что-нибудь случилось, то моя сестра меня с г...м съела бы. Но к счастью всё кончилось хорошо.

– Это верно, – продолжал тему Эдик, как ты, наверное, понял, папка, которую ты обнаружил в стайке заготовителя, принадлежит моей дочке Маше. Ты ещё говорил, что там имеются и другие вещички.

– Да, но ты мне сказал их не брать, – заметил «Самогон».

– Ты, понимаешь, Вадик, этот «чёрт» сам никогда не останавливается, коль скоро он уже вступил на кровавую стезю. В его душе и голове уже прочно сидит эта дьявольская мания, недаром таких людей называют маньяками.

– А ты «сдай» его в «ментовку» или прокуратуру, я подтверждаю, как он вёл мою племянницу к ЛуАЗику, и что у него хранится в стайке.

– Я долго думал над этим, – пояснил Эдик, но я видел по телеку несколько передач на криминальную тему, где говорилось, что у нас в России, как и в других европейских странах, введён запрет на смертную казнь. Показывали даже тюрьму для пожизненных заключённых на каком-то острове. На большинстве из них клейма негде ставить, законченные подонки, у которых нет ничего человеческого, а к тому же позируют перед телекамерой, выставя себя невинно осуждёнными, отдельные представляются верующими, читают Библию. Дают, за хорошие гонорары, интервью о своей прошлой и настоящей жизни, совершенных преступлениях. Причем, деньги просят перечислить своим родственникам

или знакомым, но, отнюдь, не членам семей угробленных ими людей. Естественно, жизнь в этой тюрьме для «пыжей» (пожизненно заключённых) не «сахар», правила очень строгие и жесткие, но, тем не менее, они живы, читают книги, слушают радио, совершают прогулки. А кто желает – может работать. Да ещё, к тому же, периодически «мелькают» на телеэкранах. Вот такие, брат, пироги, – грустно заключил Эдик.

– Тогда его нужно «замочить», – высказал своё мнение чуть захмелевший «Самогон». – Найми киллера и будь таков. И дети будут целы и волки сыты, – перефразировал он народную поговорку.

– Мысль хорошая, – отреагировал несчастный папаша. – Но мало кому захочется мараться о такого подонка. Да и не думай, что у нас полно киллеров, и, к тому же, я слышал, что некоторые из них только представляются наёмными убийцами, а на самом деле работают на УБОП, «сдавая» с потрохами своих заказчиков. Вон, сам наш премьер-министр говорил неоднократно по телевизору, что террористов нужно «мочить в сортирах», – продолжал тему Лаукарт, чуть прихлёбывая пиво. – А этот маньяк такой же террорист, даже хуже. У тех хоть есть какая-то идея, пусть и в корне неверная, а у него только мания детского убийцы и всё. Поэтому я предлагаю стереть его с лица земли, то есть убить. Но предварительно заманить его в какую-то ловушку, получить или «вытащить» из него показания о всех смертных грехах, а не только о Маше, записать их на диктофон или видео, а потом уже «мочить». Ты же, Вадик, должен понять, что одному это дело не «провернуть» требуется помощник. Может быть, ты «подпишешься» в эту тему? – с надеждой в глазах спросил Эдик.

– Я бы, может, и не против, но сидеть неохота из-за такого подонка, – ответил «Самогон». – Я вот несколько лет назад отх...л двух «наркош», которые украли у меня вещи. Они, к тому же, находились в розыске за кражи и грабежи, то есть я, фактически, помог милиции. Но, тем не менее, пришлось «оттянуть» пару лет на «малолетке». Вот видишь, – показал он свои синие кисти рук, – результат моей сравнительно недолгой отсидки. Даже летом в жару стараюсь ходить в рубашках с длинными рукавами, словом, неудобств «море».

– Если всё сделать по-умному и хорошо спланировать, то не «залетим», – отпарировал Эдик. – Это только в книгах и фильмах говорится, что наказание за преступление неотвратимо, а в жизни, зачастую, наоборот.

– Это верно, – глубокомысленно заметил «Самогон», – но нередко в нашу жизнь вмешиваются страшные случайности, за которые потом приходится долго и тяжело расплачиваться.

– Короче говоря, – с нажимом сказал Эдик, – моё дело тебе предложить, а твоё – подумать и взвесить.

– А твоё дело отказаться, – пошутил Вадик.

– Согласишься, – продолжал Лаукарт, – тогда уже будем конкретно разговаривать, а если нет – то на нет и суда нет. Я не прошу у тебя сиюминутного ответа, подумай, взвесь, а потом уж скажешь да или нет.

– Хорошо, – без видимого энтузиазма ответил «Самогон», – дай мне дней пять на размышление, если я соглашусь, то позвоню тебе, а если звонка не будет – значит, отказ.

– Хорошо, – отреагировал Эдик, – но о нашем разговоре никому.

– «Могила», – живо заверил Вадик.

Из деликатности, несчастный папаша не стал сулить «Самогону» каких-либо материальных вознаграждений, справедливо полагая, что торг в таких случаях неуместен. Допив пиво и съев закуску, распрощались. Идя домой, Эдик твёрдо для себя решил, что если даже «Самогон» не согласится на его предложение, то он единолично расправится с маньяком. Пять дней тянулись долго. Эдик за это время тщательно обдумал два варианта своего возмездия за дочь. Первый – с помощью «Самогона», второй, в случае его отказа – самостоятельно. Других людей к своему замыслу он «пристёгивать» не хотел.

В тоже время Вадик Кашин мучительно размышлял над предложением папаша девочки Маши. Каких-либо моральных оснований для отказа в расправе над маньяком у него не было, единственно, присутствовали страх и сомнение, что всё пройдёт нормально, то есть «без сучка и задоринки», и ему не придётся сидеть второй раз. А в этом случае уже двумя годами не обойдешься. Он, было, уже не хотел звонить Эдику, но в ночь, накануне пятого дня, во сне, какой-то голос ему сказал: «Вадик, соглашайся. Дело доброе и всё будет хорошо. Мразь надо убрать с лица земли». Проснувшись, он сразу же вспомнил этот голос и остался очень удовлетворённым. Видимо, действительно в мире существует высшая справедливость, по которой каждый должен отвечать за содеянные грехи. Прямо с работы он позвонил домой Эдику и сказал, что есть разговор. Эдик облегченно вздохнул и назначил встречу уже в другой шашлычной, чтобы, паче чаяния, не примелькаться в одной и той же шашлычной. Он хорошо помнил поговорку: «Береженого Бог бережет». На встречу Вадик пришел в добром

расположении духа. Его собеседник сделал заказ, но уже без пива, так как на улице стоял ноябрь месяц, и было довольно холодно. Поговорив некоторое время на отвле- чённые темы, Эдик приступил к делу. Четко выстроил схему их операции. В основу её легло заманивание ма- ньяка в обусловленное безлюдное место, якобы, для сда- чи кедровых орехов. Когда Ткаченко будет в их руках, неожиданно задать ему вопрос, сколько невинных жертв имеется на его счету. Естественно, он «прикинется шлан- гом» и сделает вид, что не понимает о чём речь.

– Тогда выложим ему наш основной козырь – папку для нот, которую ты добыл в стайке, в ящике. Предло- жим сохранить ему жизнь в ответ на чистосердечное признание. На сто процентов заготовитель должен со- гласиться. Тогда заставим изложить чётко и внятно его преступления и запишем их на диктофон. В беседе с маньяком своих настоящих имён называть не будем. Когда заполучим от него записанное на диктофон при- звание, свяжем ему руки и ноги и на яйца навесим взрывное устройство из аммонита. Я его смонтирую, – пояснил Эдик, – так как длительное время трудился мастером-взрывником. Скажем, если двинешься или попытаешься освободиться – произойдёт взрыв, и тебя в клочья разорвёт. Если будешь лежать спокойно, то ничего не произойдёт, и тогда надейся на свою судьбу, что кто-то тебя найдёт и окажет помощь, то есть осво- бодит. Маньяк, естественно, будет цепляться за жизнь и согласится с нашим условием. Если мы его не «нако- лем», то он от безысходности может оказать самое яростное сопротивление, а зачем нам это надо, – пояс- нил Эдик. – Мы же отойдём на определённое расстоя- ние, чтобы самих не накрыло взрывом, и с помощью

бечевки приведём взрывное устройство в действие. Труп спрячем, чтобы сразу не нашли, как-будто пропал че- ловек, и всё тут. ЛуАЗик спускаем в кювет, может и сож- жем. Ты же, Вадик, говоришь, что года два назад сда- вал Ткаченко кедровый орех. Может быть, ещё сдашь, но так, чтобы он сам приехал за товаром в назначенное тобой место. Я думаю, что это должен быть охотничий домик в лесу.

– Но в тот раз я договорился с ним в райпо, чтобы он приехал ко мне домой за орехами, – пояснил «Самогон».

– Это хорошо, значит, он ездит туда, куда ему скажут сдатчики, – резюмировал Эдик.

В конце концов, договорились, что Вадик готовит ме- шок кедровых орехов для «продажи», находит в лесу под- ходящий охотничий домик, берёт с собой крепкую верёвку для связывания маньяка. Эдик имеет при себе диктофон, ручку, бумагу, папку для нот, найденную в стайке Ткаченко и, самое главное – самодельное взрывное устройство.

– Всю подготовку проведём в короткое время, чтобы в лесу было меньше снега, а то навалит, что не прой- дёшь, – заметил Эдик.

На следующий день после этого разговора, приятели активно принялись готовить свою «операцию возмездия». Вадик облазил ближайшие леса, подбирая подходящий охотничий домик. Его поиски увенчались успехом.

Эдик составил схему несложного, но надёжного, взрывного устройства с использованием батарейки, де- тонатора и патрона аммонита, откуда отсыпал половину содержимого, чтобы взрывом не развалило весь домик, и приступил к изготовлению в своём гараже миниатюр- ной адской машины. Дней через двадцать, приятели ещё раз встретились, обсудили ход подготовки своей акции,

обговорили конкретные детали. Договорились, что будут находиться в авто Эдика в районе райпо. Как только в нём появится Ткаченко, через некоторое время в контору заходит Вадик и, обращаясь к нему, говорит, что готов сдать мешок кедровых орехов, который находится в охотничьем домике. Если заготовитель согласится, обговорить дату и время встречи для поездки в домик. Туда же чуть позже должен зайти Эдик.

В один из дней, после работы, приятели подъехали к райпо, поставив авто Эдика на расстоянии видимости. Вылезли и прошли по улице. На их счастье, во дворе райпо стоял ЛуАЗик заготовителя. Эдик сказал Вадиду:

– С Богом!

И тот, уверенным шагом направился в контору. Зайдя в кабинет заготовителей, он увидел, что Ткаченко сидит за столом и заполняет какие-то ведомости. Вежливо поздоровавшись, «Самогон» сказал:

– Года два назад я сдавал Вам кедровые орехи и сейчас снова хочу сдать.

– Это хорошо, я к Вашим услугам, – ответил заготовитель. – Откуда и когда можно будет забрать Ваш товар? – спросил он Вадика.

– Мешок с орехами у меня находится в охотничьем домике недалеко от шоссе. Я слежу за этим домиком, чтобы в нём никто не нахулиганил, и на чердаке там моя «заначка» кедровых орехов. А сейчас у меня с «бабками» напряжёнка, и я хотел бы сдать Вам орехи.

– А как туда добраться? – спросил заготовитель.

– Очень просто, остановишься на шоссе возле километрового столбика с цифрой 37, я там тебя встречу, и пройдем к домику. Заодно, вместе доставим мешок до твоего авто.

– А если ты сам его вынесешь на шоссе, – сказал заготовитель.

– Ты что, он же тяжелый, а ты же видишь, какая у меня комплекция, – отпарировал тщедушный сдатчик.

Заготовитель поднял глаза на клиента и согласился. Вид у молодого человека был простодушный и туповатый, и Ткаченко решил, что заморочит голову клиента различными лицензиями и сертификатом качества продукта, которых наверняка у сдатчика нет, и купит орехи по минимальной цене. Договорились на завтра о встрече на шоссе возле километрового столбика. За час до встречи, Эдик и «Самогон» уже были в охотничьем домике. Вадик предусмотрительно прихватил с собой санки, чтобы сказать Ткаченко, что на них довезет мешок от домика до его машины. Минут за десять до встречи, Эдик послал приятеля на шоссе, а сам вышел из домика и укрылся за деревьями, наблюдая за входом. Была уже глубокая осень, прохладно и темнело рано. Заготовитель подъехал к условленному месту с пятиминутным опозданием. Вадик стоял на шоссе, держа торчком санки. Поздоровались. Сдатчик пригласил Ткаченко пройти к домику, пояснив, что он находится неподалёку. Шли неспеша, Вадик вёз за собой санки. Заготовитель держал под мышкой папку для бумаг. Зашли в домик. Вадик по лестнице залез на чердак и попросил заготовителя принять мешок с орехами, чтобы не уронить его на пол. Поставили мешок возле входной двери, где стояли санки. Ткаченко сел за стол, вытащил из папки бумаги и шариковую ручку. Начал заполнять приходный ордер. Вадик поинтересовался, по какой цене за килограмм заготовитель примет орехи.

– Погоди, не мешай, дай заполнить финансовые документы, а цену обговорим, – ответил заготовитель.

Вдруг дверь открылась, и в дом вошел высокий крепкий мужчина в тёмном пуховике.

– Ха, здорово, Вася, – весело, но несколько напряженно поздоровался «Самогон». – Это помощник местного егеря и член общества охотников, – пояснил он Ткаченко.

Тот кивком головы поздоровался с Эдиком, продолжая что-то писать. Эдик не забыл незаметно задвинуть щеколду на входной двери и сел на лавку, безразлично уставив глаза в потолок.

– Да вот, сдаю кедровый орех, пояснил приятелю Вадик, – деньги срочно понадобились.

– Понимаю, – ответил Эдик.

– Ну что, я беру у тебя орех по цене тридцать рублей за килограмм, согласен ли ты? – спросил заготовитель.

– Маловато будет, надо бы добавить, – отпарировал сдатчик.

– Прокурор добавит, – мрачно пошутил заготовитель-маньяк. – Я же ведь не спрашиваю у тебя лицензию и разрешение администрации района на бой кедровых шишек, потому что прекрасно знаю, что их у тебя нет, – спокойно пояснил заготовитель Вадику.

– А может и есть, – вступил в разговор Лаукарт.

Ткаченко удивленно уставился на него.

– А вот прокурор добавит тебе, а не ему, пидор ё...й, – спокойно, но с вызовом, заявил Эдик.

– Не понял, о чём речь? – несколько смутясь, отозвался заготовитель. – И, к тому же, я не с Вами разговариваю, а со сдатчиком, так что прошу нам не мешать.

– А сейчас вот поговоришь со мной, сука. Расскажи-ка, сколько ты загубил невинных детских жизней? – с нажимом и металлом в голосе спросил Эдик.

– Вы, видимо, меня не за того принимаете, – покрываясь испариной, сказал маньяк.

– Как раз за того, кто ты есть, мразь, – ответил русо-волосый крепкий мужик, сцепив на коленях кисти рук. – Поддай-ка мне, Петька, вещь, – обратился он к сдатчику.

Тот поднялся, подошел к топчану и вытащил из-под матраца дерматиновую папку для нот.

– Откуда у тебя появилась эта папка? – спросил у Ткаченко Эдик.

– Впервые её вижу, – угрюмо ответил маньяк.

В уме он лихорадочно соображал, к кому он попал в руки. «Судя по наколкам на кистях рук сдатчика, не исключено, что к блатным. На милицию или прокурорских работников они не похожи. Попробую поиграть с ними в кошки-мышки. Может, что и выгорит, – думал маньяк, вдыхая сивушный запах, исходящий от худенького сдатчика, сидящего рядом с ним за столом. – А напарник его клиента, по всей вероятности, или обкурен, или вколол себе наркотик, иначе, почему он то заторможен, то возбуждён». (Маньяку было невдомёк, что передним сидит отец убитой им девочки, и его поведение перед убийцей было вполне адекватным.)

– Мы не советуем тебе «темнить» и запираяться, перед тобой не какие-нибудь лохи, а нормальные мужики, – наседали на маньяка «Самогон». Всё это сдабривалось солидной порцией русского мата, который, по понятным причинам, здесь не приводится.

– Вы меня с кем-то путаете, – тупо твердил Ткаченко, лихорадочно соображая, как выпутаться из этой пиковой ситуации.

– Хорошо, папку для нот ты видишь впервые, но откуда же у тебя в стайке другие детские вещички, и

почему ты так тщательно запираешь стайку и ходишь туда в одиночку, не пускаешь в неё даже домочадцев, – угрюмо спросил Эдик, смотря исподлобья на маньяка.

– Наши же пацаны «прошмонали» и твой дом и стайку и баню, – приврал «Самогон».

Ткаченко сидел весь в поту, молчал, положив, как школьник, ладони на колени.

– Вот что, – с нажимом сказал Эдик, – будешь запираешься, я вот этими руками тебя удавлю, и протянул в сторону маньяка растопыренные кисти рук. – А если всё нам расскажешь и напишешь, то трогать тебя не будем, свяжем и оставим в этой избушке. Если кто тебя найдёт и освободит – значит повезло. Мы сейчас включим диктофон, а ты начнёшь с представления себя, и далее подробно и по порядку о всех своих кровавых злодеяниях и почему ты их совершал, – продолжал Лаукарт. – Даём тебе две минуты, пока подготовим к работе диктофон. Петька, готовь звукозапись, – обратился он к «Самогону».

– Будет сделано, Вася, – отреагировал Вадик.

Поставили перед Ткаченко диктофон «Сони» под бытовую кассету. Маньяк начал:

– Я, Ткаченко Сергей Фёдорович, 1956 года рождения, проживаю там-то, работаю заготовителем в райпо. После службы в армии работал в органах внутренних дел, в качестве эксперта-криминалиста. Неизвестные лица подменили находящиеся у меня на экспертизе вещественные доказательства, а руководство горотдела всё свалило на меня, и я, по служебному несоответствию, был уволен из милиции. Находясь в высшей степени шизофрении – на грани идиотии, я, желая отомстить руководству милиции и прокуратуры, начал совершать

убийства людей. Вначале, я лишил жизни женщину «бомжа», а, затем, порядка шести-семи детей. Поймите меня правильно, я психически больной и не отдавал отчета своим действиям. Детей заманивал в свои сети различными способами, используя животных: хомячков, кроликов, черепах, а также птиц: попугаев, синичек. До сих пор не могу понять, кто мной руководил при совершении преступлений.

– Расскажи, как убил последнюю жертву, – приглушенным голосом приказал Эдик.

– На пустыре возле бывшей бани, я рвал траву для кроликов, которые тут же сидели в клетке. Вижу, идет девочка с папкой для нот. Остановилась и стала смотреть на кроликов. Я пригласил её после школы поехать ко мне домой посмотреть хомячков и попугайчиков. Она согласилась. Примерно по такой же схеме я действовал в отношении других детей, независимо мальчик это или девочка. У каждой жертвы я забирал себе на память какую-либо вещичку и хранил эти «сувениры» в своей стайке. Летом этого года, на берегу реки, я чуть не попался какому-то мужику и решил «завязать» со своим кровавым «хобби». Прошу родителей и родственников загубленных мною ребятишек простить меня, но я, находясь на грани идиотии, не владел собой. Мною руководил какой-то дьявольский дух...

Естественно, если бы маньяк попал в руки правоохранительных органов, то в ходе следственных действий выяснили все детали его преступлений, «прокатали» Ткаченко через институт судебной психиатрии им. Сербского, досконально выяснив причины и мотивы становления на кровавый преступный путь, а также все его ухищрения и способы сокрытия следов преступлений.

Но здесь дело с ним вели работяги-дилетанты, не имеющие никакого опыта следственной работы. Исповедь маньяка длилась около часа, пока не раздался щелчок в диктофоне, свидетельствующий об окончании записи. Русоволосый крепкий мужчина сразу же забрал диктофон и спрятал в карман. Чувствовалось, что он был очень расстроен и потрясен рассказом маньяка. Его худощавый напарник сидел неподвижно, подперев щеку кулаком. «Эх, была не была, – мелькнуло в мозгу Ткаченко, – постараюсь сбежать от этих бандюг, а там видно будет. Магнитофонная запись на диктофон не имеет никакой юридической силы, да и не известно, каким образом добыта эта запись, и я ли рассказываю. А “сувениры” от своих жертв можно уничтожить». Он быстро вскочил с табурета, схватил его за ножку и изо всех сил ударил сидящего рядом «Самогона» по голове. Тот инстинктивно отпрянул и подставил согнутую в локте руку под предмет домашней утвари, тем самым спас себя от тяжелой травмы. Маньяк со всех ног резко рванулся к двери, но Эдик в прыжке подставил ему подножку. Ткаченко распластался на полу, раскинув руки.

– Ах, ты, пидор эдакий, ты и здесь нас хотел обдурить, но не удалось, – со злостью затараторил «Самогон», вытирая рукавом кровь со лба. – Давай, Вася, вяжи его. Руки за спину, сволочь, – в сердцах пнул маньяка в лицо Вадик.

Лаукарт, со знанием дела, вначале связал руки, а затем ноги маньяка.

– Лежи спокойно, не дергайся. Сейчас мы тебе между ног приделаем «мастырку», двинешься – взорвешься, а будешь лежать спокойно – ничего не произойдет.

Ткаченко лежал не двигаясь, уткнув лицо в пол. Привязав к низу живота маньяка взрывное устройство, приятели забрали все его бумаги, лежащие на столе вместе с папкой, а также ключи от ЛуАЗика. Погрузили мешок с орехами на санки. Осмотрели всё помещение, чтобы не оставить каких-либо следов или улик.

– Ну, мы пошли, лежи, падла, и не шевелись, – зло сказал «Самогон», – а за то, что ты разбил мне голову, ты ещё ответишь, мы ещё встретимся с тобой на узкой тропке, – «темнил» Вадик.

Выйдя из домика, они встали, глубоко вздохнули, и Эдик замкнул контакты батарейки. Раздался резкий хлопок. Через окно было видно, что помещение заволокло дымом.

– Давай спустим тело этого пидора в подпол, – сказал Эдик, – и закроем его там.

Вошли в домик. Ткаченко лежал, скорчившись, не шевелясь. Приятели спустили труп в подпол, закрыли крышку, прибив её к полу тремя большими гвоздями, поставив на неё стол. Тщательно вытерли предусмотрительно прихваченными тряпками брызги крови, осмотрелись и, ничего не говоря, вышли за дверь, закрыв её на всякий замок. Пришли на шоссе, завели сиротливо стоявший ЛуАЗик. Отъехали примерно на километр, выбрали глубокий кювет, поставив авто, чтобы удобнее его спихнуть. Положили на сидение папку с бумагами заготовителя. Столкнули с разгону машину маньяка в кювет.

– Ну, кажется, всё, – заметил Эдик. – Смотри, какой зверь этот Ткаченко, хотел тебя напоследок угробить.

– Да уж, но не на того напал, он «молодец только против овец», то есть беззащитных детей, – нервно сказал Вадик.

– Поехали ко мне, приведём себя в порядок, отдохнём, а потом видно будет, где и как «буханём», – сказал Эдик. – Мешок с орехами я тебе потом завезу, пусть пока побудет у меня.

Приехали в город, Эдик поставил своё авто в гараж. Надёжно спрятал кассету с исповедью маньяка, а также, папку для нот Маши.

В этот раз, зашли в недорогой частный ресторанчик. Разговор вели чисто отвлечённый: о спорте, машинах, девушках. Официантка, доверенное лицо угрозыска вначале прислушивалась к разговору посетителей, так как у одного из них кисти рук синели от татуировок, а на лбу горела большая ссадина. Но, убедившись, что клиенты ведут беседу на чисто бытовые темы, совсем не «шифруются» и не применяют блатного жаргона, всякий интерес к ним утратила. Посидели, сняли стресс обильным возлиянием, но почти не опьянели, так как нервы у обоих были напряжены. Расплатившись, Эдик проводил приятеля до остановки и посадил Вадика в пригородный автобус до его деревни. Придя домой, тщательно вымылся и лег спать, погрузившись в крепкий сон.

Вадик пришел домой уже поздно. Бабушка спала, и ему пришлось долго тарабанить в дверь. Она что-то пробурчала про ссадину на лбу внука и удалилась почивать. Вадик чуть-чуть воссоздал все перипетии дня, поблагодарил Бога и судьбу, что ему удалось парировать удар табуреткой в голову, и постепенно отошел ко сну.

На следующий день Эдик пошел на работу. Постоянно думал о свершившемся возмездии. Благодарил всевышнего, что он свёл его с Кашиным, благодаря которому удалось выявить и обезвредить маньяка, а то бы

тот ещё принёс немало бед. «И, главное дело, как гладко «молол» о своей идиотии и руководстве им каким-то сатанинским духом. И какой же подонок, его, видимо, за дело уволили с милиции, а он, мстя за это, убивал невинных ребятишек. Ну, набил бы морду своим обидчикам и высказал в глаза всё, что о них думает, а то смотри, что придумал» – рассуждал Эдик.

На следующий день после того, как Ткаченко не пришел домой и на работу, его жена обратилась в сельский РОВД с заявлением о пропаже мужа. Сотрудники милиции обзвонили больницы, скорую помощь, морг, но ничего о пропавшем не выяснили. Опросили соседей по месту жительства разыскиваемого и работников райпо. Ничего. Все говорили, что Ткаченко неконтактный и замкнутый человек, ни с кем не друживший, но и не имевший врагов. К работе относился добросовестно. Никаких финансовых и материальных обязательств ни перед кем не имел, да и ему никто ничего не должен. Спустя несколько дней, один из водителей позвонил в ГАИ и сообщил, что в кювете на междугороднем шоссе лежит автомобиль ЛуАЗ. Сотрудники приехали, с помощью трактора вытащили авто, но в нём никого не было. Выяснили, что ЛуАЗ принадлежит местному райпо, им управлял пропавший заготовитель. Никаких следов борьбы или крови в кабине не было. Обнаружили папку с небольшой суммой денег и бланками расходных и приходных ордеров и других документов, необходимых заготовителю. Самого же пропавшего ни в машине, ни в ближайших окрестностях от места обнаружения авто не нашли. Словом, был человек и нет, как-будто в воду канул. Решили, что Ткаченко утонул где-нибудь на рыбалке, тем более знавшие его люди говорили об увлечении

рыбной ловлей. А если так, то рано или поздно, утопленник где-нибудь должен всплыть. Тем не менее, на авто и железнодорожном вокзалах, автобусных остановках, в фойе здания милиции развесили листы с фото Ткаченко, его приметамы и заголовком «Найти человека». В отношении ЛуАЗика, обнаруженного в кювете, сделали вывод, что он, видимо, стоял ночью на обочине шоссе без хозяина, и кто-то из хулиганских побуждений столкнул его в кювет. В связи с такими выводами розыскники сельского РОВД особого рвения в поисках пропавшего Ткаченко не проявляли, будучи уверены, что он утонул на рыбалке. Эдик и «Самогон» видели развешенные ориентировки о розыске Ткаченко и сделали вывод, что труп маньяка в охотничьем домике не обнаружен.

Далее жизнь Эдуарда Лаукарта потекла по скучной и размеренной колее. Отметили с родственниками полгода и год со дня гибели дочери Маши. Но переживания дали о себе знать. Супруги утратили интерес к жизни. Полина подолгу сидела в задумчивости, часто плакала. Иногда Эдик замечал, что она разговаривает сама с собой. Сам Эдик тоже заскучал. Если раньше им двигала цель найти и уничтожить маньяка, то теперь она была достигнута. Интерес к жизни, работе, сексу стал угасать. С любовницами он также прекратил отношения, хотя они периодически звонили к нему на работу, желая назначить встречу. Словом, нашего героя захватили сильное уныние и хандра. Сынок Роберт, видя такое состояние родителей, сильно им не докучал, держался тихо и незаметно. По выходным дням просился к бабушке с дедушкой и у них проводил время. Очень скучал по своей старшей сестричке. Эдик, было, написал письмо бабушке-знахарке в Алтайский край с

просьбой принять их с супругой. Но из деревни пришел ответ, что несколько лет назад она отошла в мир иной. Как-то раз к Эдику с Полиной зашла в гости Шура Карликова с малышкой. Посидели, поговорили, попили чаю. Гостья четко прочувствовала угнетенное психологическое состояние четы Лаукарт, посоветовала им сменить обстановку, так как их жильё насквозь пропиталось негативной аурой после случившегося несчастья и угнетающе на них воздействует. После этого разговора Эдику и Полине повезло. Работник участка, где трудился глава семейства, Скворцов, съездил к своим родственникам в Москву, и, приехав оттуда, объявил всему коллективу, что уезжает на постоянное жительство в Канаду.

– Как так, у тебя же там нет никаких родственников? – вопрошали работники участка.

– А так, в Москве имеется много фирм, организующих и обеспечивающих эмиграцию наших граждан в Чехию, Словению, Канаду и даже Аргентину. Плати только деньги. Естественно, имеется возрастной ценз, учитывается состояние здоровья кандидата в эмигранты, его материальное состояние. Короче, старых, бедных и больных туда не берут, – пошутил Скворцов.

Сам же он нанял себе и супруге репетитора по английскому языку, дал объявление о продаже недвижимости и другого имущества, стал собирать необходимые документы, перечень которых ему дали в московской фирме. Через несколько месяцев, Скворцова и его супругу пригласили на собеседование в посольство Канады в Москве. Прошли они аудиенцию успешно, да и, по всей вероятности, страна эмигрантов Канада очень заинтересована в притоке населения, а особенно рабочих рук, и

работники посольства сильно к кандидатам на выезд не придирались, сквозь пальцы смотрели на недостаточное владение английским языком.

Как-то раз Эдик рассказал о решении семьи Скворцовых уехать на жительство в Канаду своей жене. Она внимательно выслушала. Муж сказал:

– А что если и нам последовать их примеру?

– А как же могилка Машеньки? – спросила Полина.

– Но ведь у меня здесь живут родители и хорошие знакомые, которые могут ухаживать за могилой. Зато мы сменим обстановку и перестанем хандрить. Да и к тому же не будем беспокоиться за сына, – пояснил Эдик, – ты же видишь, какая в России сложная криминальная обстановка. Каждый день по телевизору и радио сообщают о тяжких преступлениях, в том числе и в отношении детей.

– Вряд ли мы перестанем переживать и хандрить, – в задумчивости добавила Полина.

– А вот посмотришь, у меня есть хорошее предчувствие, – с жаром говорил муж.

Полина ничего не ответила. Но, спустя несколько дней, она сама обратилась к мужу, сказав, что не против сменить обстановку и выехать за рубеж. Эдик сразу же попросил у Скворцова адрес и телефон московской посреднической фирмы. Позвонив туда, он поинтересовался, можно ли оформить документы на выезд на жительство в Канаду. Приятный женский голос на другом конце провода поинтересовался возрастом, семейным положением, состоянием здоровья Эдуарда, возможным наличием у него судимости. На все вопросы работницы фирмы он дал обстоятельные ответы. Дама пояснила, что их посреднические услуги в вопросах

эмиграции стоят определённых денег. Эдик ответил, что деньги у него есть. Работница фирмы записала адрес Лаукарта и сказала, что ему вышлют анкеты и перечень документов, которые нужно собрать потенциальным эмигрантам, продиктовала банковские реквизиты для перечисления денег за оплату услуг. Словом, цель у четы Лаукарт появилась, «колесо закрутилось», супруги активно принялись заниматься воплощением замысла в реальность. Эдик зашел в педучилище к Юлию Карликову и попросил его подыскать хорошего репетитора по английскому языку.

– Зачем это тебе? – поинтересовался Юлий.

– Да вот, надумал эмигрировать в Канаду.

– А почему не в Германию, ты же ведь по национальности немец? – спросил Юлий.

– Я как-то об этом не думал, хотя у нас в Германии есть дальние родственники, которые могли бы выслать вызов на постоянное место жительства. Но один работник нашего участка, кстати, русский по национальности, уже практически оформил все документы на выезд в Канаду. Да и в Канаде не как в Германии. Там, если ты эмигрант, то до конца жизни им останешься. Коренные жители никогда не примут тебя за своего. А в Канаде совсем иное дело. Это страна эмигрантов, там все равны. Коренных жителей, как таковых, там нет. Короче, мы с Полиной решили съехать в Канаду, и всё тут.

– Ну что же, это ваше дело, я тоже не сторонник «квасного патриотизма», – сказал Юлий. – Твою просьбу я постараюсь выполнить и подобрать хорошо владеющего английским языком репетитора.

Далее жизнь Эдика и Полины пошла веселее, появились проблемы и заботы. Преподавательница английского

из педучилища добросовестно и скрупулёзно отрабатывала свой гонорар за репетиторство супругов. Они собирали многочисленные справки, согласно перечню московской фирмы, для предъявления в посольство Канады. Спустя три месяца изучения языка. Эдик и Полина довольно сносно «шпрехали» на английском. Правда, их родители без энтузиазма восприняли решение детей выехать за границу. Но, во-первых, в России у них были ещё дети и другие родственники, а, во-вторых, они хорошо понимали, что Эдику и Полине нужно сменить обстановку, чтобы тоска и грусть по Маше не дали им окончательно «закиснуть». Родители заверили Эдика и его жену, что, пока они живы, могилка их любимой внучки будет в хорошем состоянии и регулярно посещаться. В заботах четы Лаукарт время бежало незаметно. Наконец, из московской фирмы позвонила женщина и сказала, что в такой-то день супруги Лаукарт должны быть в посольстве Канады по такому-то адресу. Подробно рассказала, как найти посольство, как вести себя на собеседовании с работниками инопредставительства и какие документы и справки при себе иметь. В заключение пожелала удачи и скорого выезда в «страну кленового листа». Точно в назначенное время, Эдик и Полина были в Москве, в посольстве. Работник, мужчина лет тридцати, в очках в золотистой оправе, довольно добродушно воспринял супругов, задал им соответствующие вопросы и тщательно ознакомился с подлинниками привезённых документов. Ещё раз акцентировал внимание супругов, какую минимальную сумму в долларах должны они иметь при переезде в Канаду. С тем, чтобы деньги, положенные в банк, стали «работать» на его страну. Эдик заверил, что с финансами у них проблем

не будет. Собеседование по английскому языку проводила молодая дама. По её реакции Эдик и Полина поняли, что она довольна их знанием разговорного английского. В заключение работник посольства сказал, что никаких претензий к супругам Лаукарт у них нет, и через несколько месяцев, им следует ждать официального вызова в Москву для получения визы и других необходимых документов. Действительно, месяца через два на домашний адрес супругов пришло заказное письмо из посольства Канады с приглашением прибыть в это учреждение. К тому времени, супруги продали дом, гараж, машину, кое-какую мебель и жили у родителей Эдика. Дня за три до отлёта в Москву, Эдик и Полина собрали застолье, на которое пригласили родственников и знакомых. На шахте для работников участка, Эдик пораньше организовал отходную, хорошо угостив коллег по тяжелому шахтёрскому труду. На застолье в доме родителей Эдика внимание присутствующих привлёк молодой невысокий худощавый мужчина с коротким чубчиком на лбу, которого они ранее не видели. Вёл он себя скромно и спокойно, но руки старался располагать на коленях, когда не ел и не поднимал рюмку. Эдик познакомил его с присутствующими, пояснив, что это давний его хороший знакомый Вадик, слесарь автомастерской, проживающий в деревне. Все гости на память дарили супругам сувениры и подарки. Эдик в новую записную книжку записывал адреса и номера телефонов участников застолья. Все они в своих тостах желали удачной поездки в дальнюю страну, хорошего там обустройства, и, самое главное, не забывать Россию и своих знакомых из шахтёрского города. Эдик и Полина, взволнованные и в добром расположении духа,

благодарили за хорошие пожелания и хлебосольно угощали гостей. Юлий и Шура Карликовы подарили отъезжающим оренбургский платок и фотоальбом с видами их города, а сыну Роберту – красную футболку с надписью «Russia». Вадик принёс пакет кедровых орехов и копчёного сала в дорогу. В конце застолья, Эдик и Полина сердечно попрощались с присутствующими. Отдельные женщины, под влиянием выпитого вина и предстоящей разлуки, даже заплакали. Через три дня, в аэропорту областного центра, супругов Лаукарт провожали родственники и хорошие знакомые. Все провожающие выпили за счастливый путь и удачливую судьбу на новом месте. Эдик и Полина пили только минеральную воду. Чувствовалось, что они переживают предстоящую разлуку с Россией, родными и прежним укладом жизни и с тревогой и волнением ожидают встречи с неизведанной «страной кленового листа» и предстоящими кардинальными изменениями в их жизни. Провожающие наперебой желали супругам всего хорошего, счастливого пути, говорили, что нормальные работающие люди могут приспособиться к любым условиям.

– А вы, Полина и Эдик, добросовестные и трудолюбивые люди, так что не беспокойтесь, такие кадры Канаде нужны.

Один только Роберт беззаботно бегал по залу ожидания и весело смеялся.

Дали сигнал о посадке на рейс до Москвы, и пассажиры встали в очередь, в зал досмотра. Мамаша Полины и Эдика плакали, целовали своих детей и внука. Отцы же вели себя внешне сдержанно, но украдкой смахивали с глаз слезу. Пройдя досмотр вещей, Эдик, Полина и Роберт ещё раз помахали провожающим и прошли в

помещение для посадки. Провожающие дождались отлёта самолёта и с тоской потянулись к выходу из здания аэропорта. Все молчали, думая о своём.

Через десять дней, из города Ванкувера, родителям Эдика и Полины пришла телеграмма: «Доехали и устроились хорошо. Целуем. Привет родственникам и друзьям. Подробности письмом». Родители облегчённо вздохнули, так как всё это время находились в тревожном ожидании. Мамаша и папаша Эдика позвонили Юлию Карликову, сообщили эту новость. Попросили у Юлия узнать, где находится город Ванкувер и чем он знаменит. Через несколько дней, Юлий зашел к ним домой и рассказал, что Ванкувер находится на западе Канады, относится к провинции Британская Колумбия, является крупным и промышленно развитым городом. Попросили передать привет от их семейства Эдику и Полине, когда будут писать письмо. Спустя месяц после телеграммы, родителям вновь испеченных эмигрантов пришло письма с фото из Канады. На фоне большого многоэтажного дома в аккуратном скверике были сняты их дети и внук. Все они счастливо улыбались, а Роберт приветственно поднял руку. Писали, что пока не работают, сняли трёхкомнатную квартиру в доме, на фоне которого они засняты. Адаптируются и подыскивают подходящую работу. Примерно через месяц пришло второе письмо, где Полина писала, что устроилась на языковые курсы. Эдик пошёл работать в бригаду поляков по устройству дорог, а Полина санитаркой по уходу за престарелыми людьми в дом-интернат. Семью Лаукарт сразу поставили на учёт в мэрии, оформили все виды страховок. Для Роберта предоставили место в детсаде, но родители отказались. Эдик по его просьбе трудился по укладке асфальта в первой

половине дня, а Полина в доме-интернате во второй, так что Роберт всегда был дома под присмотром. Через некоторое время чета Лаукарт позвонила своим родителям в Россию. Голос у них был радостным и довольным. Рассказали о ходе адаптации на новом месте, впечатлениях о жителях Ванкувера, размере оплаты труда, ассортименте и стоимости товаров и продуктов. Писали и звонили родителям Эдик и Полина регулярно, ведь дети прекрасно понимали, как пожилые родители переживают разлуку. Спустя несколько месяцев после отъезда Лаукартов за рубеж пришло письмо от них и Вадику Кашину. В письме Эдик сообщал бытовые новости, стоимость тех или иных марок новых и подержанных машин и мотоциклов, униформы для мотоспорта. Благодарил Вадика за всё хорошее и просил писать в Канаду. Примерно в то же время супругам Карликовым от Эдика и Полины пришла ценная бандероль с вещами для Даши и Романа и фото. А спустя ещё несколько месяцев в своих письмах Эдик писал, что приобрёл с рук «Тойоту-короллу» в очень хорошем состоянии и часто на ней ездит, показывая жене и сыну Ванкувер и его окрестности, посещая места отдыха и развлечений.

В один прекрасный день в шахтёрском городке «Самогон» приехал в автомастерскую на своём мотоцикле в сногшибательной «косухе» для байкеров с множеством молний и бляшек. Все были очень удивлены.

Федя Гопа спросил:

– Откуда у тебя, Вадик, такой классный «прикид»?

– Да вот, один товарищ из Канады прислал, сдержанно ответил «Самогон», мы с ним здесь «кентовались» (находились в хороших отношениях). Я ему помогал в ремонте «Москвича», да и так по мелочам.

Неделю все работники автомастерской только и обсуждали новый «мотоприкид» «Самогона». Отдельные работники, в том числе Федя, советовали ему вступить в общество байкеров.

– Я бы не против, но где и как их найти, – спрашивал смущённый от всеобщего внимания Вадик.

– Я постараюсь тебе помочь, – пообещал ему Федя.

И он сдержал своё слово. Однажды в автомастерскую приехали на импортном мотоцикле два парня и спросили Кашина. Вадик вышел к ним. Поздоровались, приездие представились членами областного общества байкеров. Назвали себя как по именам, так и по кличкам «Стар» и «Джон». Оказывается, что у байкеров принято называть друг друга кличками. Предложили Вадику совершить совместную поездку на мотоциклах, чтобы убедиться в классе вождения Вадика. Он на час – полтора отпросился у Феди и поехал с гостями на окраину города. Там продемонстрировал своё лихое вождение мотоцикла, развороты на 180 градусов, езда, не держась за руль и т.п. Но когда Вадик сумел встать на ноги на сидение своего «железного коня» во время движения «Джон» и «Стар» были, что называется, в «отпаде». Они сказали, что ты, Вадик, нам подходишь. Мы расскажем о тебе руководителю нашего общества и сообщим тебе его решение. Спустя две недели «Джон» позвонил Вадику в автомастерскую и сказал, что он принят в их общество и попросил приехать в выходные дни в областной центр для беседы с руководителем. Вадик, конечно, приехал. Руководитель общества байкеров, солидный бизнесмен был одет во все атрибуты байкера. Он благосклонно принял молодого человека из шахтёрского городка, сказал, что слышан о виртуозном

вождении Вадиком мотоцикла. Пояснил, что «байкерство» – это не увлечение или спорт, а стиль жизни. Вот только наколки у тебя не байкерские, а скорее «из блатной оперы», но это не страшно. «Самогон» рассказал, что за драку отбыл два года в воспитательно-трудовой колонии, отколотил двух наркоманов, укравших у него вещи покойного деда.

– Это хорошо, нам нужны смелые ребята, а не «тихоны», – отреагировал бизнесмен. – Зачисляю тебя в наше общество, и отныне среди своих ты будешь «Блэк». Согласен?

– Конечно, – ответил «Самогон», – «Блэк» так «Блэк». А как переводится это слово?

– Чёрный, – с улыбкой ответил глава общества.

– А я вообще-то русский, – сказал Вадик, – но ничего страшного.

– Лучше бы было, если бы ты переехал в наш город, здесь тебе будет гораздо веселее и интереснее, нежели в твоём городе. Ты в принципе согласен? – спросил бизнесмен-байкер.

– Да, – ответил Вадик.

– Тогда я подыщу тебе работу, может даже в моей фирме и дадим знать, когда нужно переезжать. Надеюсь, ты не обременён семьёй, детьми и скарбом?

– Конечно, – бодро отреагировал вновь испечённый байкер.

Но вернёмся к другим событиям, касающимся персонажей нашего повествования. Спустя полгода после устранения маньяка Ткаченко, редкие посетители охотничьего домика стали чувствовать резкий трупный запах. Залезли на чердак, ничего не обнаружили. В подвал проникнуть не смогли, так как его крышка была

крепко прибита к доскам пола длинными гвоздями, а ломика или выдерги под руками не было. Кто-то из охотников, посещавших этот домик, рассказал о трупном запахе председателю общества, пояснив, что из-за него в доме невозможно находиться.

– Может быть в подвале или на чердаке кто-нибудь оставил свою охотничью добычу и забыл её там и она начала гнить, – высказал предположение председатель

– Но зачем тогда прибивать крышку к полу гвоздями, – парировали охотники.

Через несколько дней председатель и два активиста местного общества охотников и рыболовов приехали к домику, взяв с собой ломик, выдергу и топорик. Вскрыли и крышку подпола, посветили фонариком. В углу заметили очертания лежащего человека.

– Ну-ка залезь туда, посмотри, – приказал председатель одному из своих помощников.

Тот завязал нос платком, спустился в подвал. Через несколько секунд выскочил оттуда как ошпаренный, вытаращив глаза.

– Там, там, – махал он руками, ничего другого не говоря.

– Да успокойся ты, – прикрикнул на него председатель, – не паникуй.

Охотник спустя несколько минут внятно рассказал, что в подвале лежит полуразложившийся человеческий труп, по одежде – мужской. Председатель сказал, чтобы ничего в домике не трогали, запер его на замок, и всей группой поехали в сельский РОВД, заявлять о страшной находке. Через некоторое время собралась оперативно-следственная группа и в сопровождении членов охотничьего общества поехали к домику. При

осмотре места происшествия охотники участвовали в качестве понятых. Всё осмотрев и зафотографировав, и составив соответствующие процессуальные документы, опергруппа вызвала УАЗ-452 с двумя санитарями морга. Завернули труп в тёмный полиэтилен и отвезли в морг. Прошло ещё несколько недель, прежде чем жена Ткаченко опознала в нём своего пропавшего мужа. Затем только тело маньяка предали земле и мятушаяся его душа успокоилась. Возбудили уголовное дело по признакам статьи «умышленное убийство». Оперативники милиции и работники прокуратуры основывали своё предположение на том, что на теле имелись повреждения и, кроме того, кто-то спрятал труп в подвал и забил гвоздями крышку, то есть принял меры по сокрытию убийства. Отрабатывали ряд рабочих версий, начиная от ревности супруги и кончая мстью возможно обманутых заготовителем сдатчиков продукции. Но все версии при проверке не находили подтверждения: жена никаких обид на Ткаченко не имела, сдатчиков он не обманывал, с криминалом не контактировал, долгов ни перед кем не имел. Особого вреда или обиды, работая экспертом-криминалистом, он также никому не нанёс. Словом, по истечении установленного Законом срока расследования уголовного дела, оно было приостановлено.

Вернёмся снова к благородному семейству Лаукарт в Канаде. Спустя год с небольшим после эмиграции, Эдик и Полина отмечали седьмой день рождения сына Роберта. Купили ему красивый блестящий игрушечный автомобильчик, управляемый с помощью радио, и простенький компьютер. Устроили праздничный стол с тортом, фруктами, конфетами, хорошим вином. Эдик, конечно как

бывший шахтёр, «принял на грудь» грамм сто пятьдесят водки. Велись разговоры на различные темы. Позвонили обе бабушки из Сибири. Желали внуку всего наилучшего, просили его сказать что-нибудь по-английски.

Он говорил: «Ай лав Кэнада», а бабушки счастливо смеялись. Полина и Эдик не могли не вспоминать дочку Машу.

Супруга, погрузившись, сказала, – как только земля носит таких зверей, посягающих на детей.

– Того, который убил Машу, уже не носит, – угрюмо, но уверенно высказался Эдик. – Сейчас покажу тебе доказательство, что преступник найден.

Выйдя в другую комнату, он встал на колени возле кожаного дивана и пошарил рукой по днищу со стороны пола. Через секунду вытащил чёрную дерматиновую папку для нот и раскрыл её. Полина, увидев свою надпись, всплеснула руками и горько разрыдалась. Эдику стоило большого труда успокоить её. Здесь же он рассказал, что маньяк хотел было угробить другую девочку, но хорошие люди вовремя его поймали, «раскололи» во всех преступлениях, выяснили, где он хранил папку Маши, забрали её оттуда и отдали мне. После чего оторвали ему яйца и убили.

– Собаке – собачья смерть, – подытожил чуть захмелевший Эдик. – Хоть одним маньяком в России будет меньше. Недаром есть поговорка: «сколько верёвочке не виться, а конец придёт». Ты, Полина, о моём рассказе ни гугу, а то эти мужики живут в бывшем нашем городе, и мало ли что с ними будет, если узнают об их участии в убийстве изверга.

– Я понимаю, – ответила Полина и перевела разговор на другую тему.

– Я не хотел тебе этого говорить, тем более в день рождения сына, но так уж пришлось, – подвёл итог Эдик.

А ещё через несколько месяцев на имя начальника горотдела ВД шахтёрского города пришла ценная бандероль из Польши от некой Веги-Марии Кшиштовяк. В коротком письме, отпечатанном на компьютере, значилось:

«Уважаемый пан! Высылаю Вам магнитофонную кассету, которая Вас, безусловно, заинтересует и принесет пользу в расследовании страшных преступлений. Как она ко мне попала, не суть важно, главное – её содержание.

С уважением, В-М. Кшиштовяк.»

Начальник вызвал эксперта-криминалиста, отдал ему кассету, приказав выяснить, нет ли в ней какого-либо подвоха, какого-то скрытого отравляющего или радиоактивного вещества. Через несколько дней эксперт принёс кассету, сказав, что всё нормально, ничего подозрительного в ней нет. Начальник поставил кассету на стоящую в его кабинете японскую магнитолу и включил воспроизведение. Внимательно прослушал запись до конца. После этого пригласил начальника уголовного розыска и его заместителя, курирующего оперативно-следственные мероприятия по фактам серийных убийств несовершеннолетних детей. Те также внимательно прослушали запись и после некоторого раздумья предложили схему действий. Через двое суток сотрудники прокуратуры и милиции провели тщательный обыск в доме и приусадебных постройках вдовы

Ткаченко. В стайке на дне одного из ящиков, они обнаружили детские вещички, пропавшие с тел убитых ребятшек, а также взрослый велосипед, которым пользовался маньяк, выходя на свою «охоту». Продолжая далее обыск, в погребе в тайнике обнаружили два острых самодельных ножа и блокнот со странными зашифрованными записями. Оперативники и следователи облегчённо вздохнули, что серия тяжких преступлений фактически раскрыта. Осталось процессуально оформить результаты расследования уголовного дела. Теперь стало ясно, за что был убит маньяк Ткаченко, но кем – вот в чём вопрос. Через МВД РФ направили запрос в город Польши, откуда пришла бандероль с кассетой. Месяца через два из Москвы пришёл ответ, что Вега-Мария Кшиштовяк на территории Гданьска и других воеводств Польши не проживает.

Оперативно-следственная группа решила дать информацию в средства массовых коммуникаций шахтёрского города о раскрытии серьёзного преступления, с тем, чтобы население успокоилось и знало, что маньяк убит и обезврежен. Что и было сделано. Информация носила следующий характер: «Органами милиции и прокуратуры расследовано уголовное дело по фактам серийных убийств несовершеннолетних детей. Установлено лицо, совершившее тяжкие преступления. Им оказался гражданин «Т», 1956 года рождения, житель сельского района. Уголовное дело прекращено в связи со смертью обвиняемого. Оперативно-следственная группа благодарит всех граждан, оказавших помощь следствию».

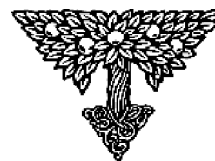
Отец Эдика, прочитал это сообщение в местной газете, вырезал его и послал в ближайшем письме сыну в

Канаду, выразив удовлетворение работой правоохранительных органов.

Прошли ещё два года проживания четы Лаукарт в Ванкувере. Они уже довольно неплохо адаптировались на новом месте. Взяли в банке долгосрочную денежную ссуду на строительство коттеджа с небольшим приусадебным участком. Полина сдала экзамены на водительские права и купила себе автомобиль «Субару», «рассекая» на нём по улицам Ванкувера. Эдик ушёл из дорожно-строительной фирмы и устроился в частное транспортное предприятие водителем, осуществляя поездки на рефрижераторе «Вольво», как по Канаде, так и по соседним Соединённым Штатам Америки. В один прекрасный день супруга Полина сказала ему, что через несколько месяцев в их семействе будет пополнение. Эдик очень обрадовался. Сделали УЗИ, оказалось, что у супругов появится девочка. Эдик и Полина были очень довольны. Решили, что девочку назовут Машей, по-ихнему Мари, – пояснила Полина. Действительно, спустя положенное время в благородном семействе Лаукарт появилась девочка. Ребёнка сразу же взяли под патронаж медики. Через несколько месяцев выяснилось, что у малышки синдром Дауна. Видимо, переживания и стрессы по поводу страшного несчастья с первой дочкой в шахтёрском городе не прошли для супругов бесследно. Но Канадские детские медики активно принялись лечить от недуга маленькую Мари. Поместили её в детскую психоневрологическую лечебницу, туда же перешла работать из интерната для престарелых её мамочка. Усилия медиков и Полины не прошли даром, и к тому же помог Бог. Забегая на несколько лет вперёд, можно сказать, что к пяти-шести годам Мари Лаукарт

была девочкой со средним уровнем развития, ходила в детский сад для нормальных детей. Родители благодарили Бога и судьбу, что всё-таки их вторая дочь, несмотря на врождённый недуг, будет нормальной и здоровой девочкой. Кстати, в Мари много было сходства с её покойной старшей сестрой. На одном из семейных советов Эдик и Полина единогласно решили пожертвовать довольно солидную денежную сумму протестантской церкви, расположенной неподалёку от их дома, а также психоневрологической больнице. Не зря же есть народная мудрость: «На добро нужно отвечать добром».

Спустя пять лет проживания в Канаде супруги Лаукарт получили гражданство этой страны, одновременно являясь и российскими гражданами, постоянно проживающими за границей.

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ГЕРОЕВ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Коль скоро в названии повести фигурирует шаман, то и начнём с него. Шаман Кооржак Бузун-оол, проживающий в республике Тува через два года после контакта с Эдуардом Лаукартом тяжело заболел. Вначале у Бузун-оола начали болеть сердце и голова, что, видимо, явилось следствием постоянных нервных перегрузок, связанных с совершением обрядов общения с духами. Затем начали пошаливать почки. Не следует забывать, что во время своих «камланий» шаман сильно потел, и вероятно, его где-то прохватило сквозняком. Кооржак долго лечился в республиканской больнице. Его бывшие клиенты, а также друзья – приятели по комсомолу помогали больному денежными средствами для приобретения хороших лекарств и проведения лечебных процедур. Но несмотря на все усилия врачей, излечить шамана не удалось. Ему оформили инвалидность второй группы и назначили пенсию. Дом Бузун-оола постоянно посещали знакомые, родственники, а также посвящённые молодые люди, желающие освоить и постичь мастерство тувинского шамана. Кооржак, как мог, обучал приемников, долго беседовал с ними. Акцентировал внимание на правилах поведения шаманов, соблюдении ими этических норм и правил, отношении к деньгам, чтобы не попасть под вредное влияние «золотого тельца». В каждом обращающемся за помощью шаман должен видеть прежде всего человека, а не средство зарабатывания денег.

– Духи прекрасно видят и знают ваши мысли и чаяния, от них ничего не укроешь, – напутствовал больной шаман

своих учеников. Если самого себя как-то можно обмануть или оправдать, то их никак не обманешь...

Болезнь прогрессировала, через несколько лет Бузун-оола парализовало и он скончался. Проститься с ним пришло очень много народу, было много молодёжи, а не только пожилых людей.

Юлий Карликов

Юлий Карликов успешно продвигался по служебной лестнице местного педагогического училища. В конце концов, он дошёл до должности завуча, второго человека после директора. Активно участвовал в организации учебного процесса заведения, отвечал за проведение общественных мероприятий, митингов, демонстраций, а также прохождения учебной практики в школах и детсадах учащихся педучилища, впоследствии оно стало называться педагогическим колледжем. Преподавательскому коллективу нравился активный, честный и добросовестный, грамотный и эрудированный Юлий. На одном из собраний его выдвинули кандидатом в депутаты городского совета. На выборах он победил, хотя конкуренцию ему составляли бизнесмен, один из руководителей шахты и врач. Шура Карликова много внимания уделяла своему семейству. Дети и муж всегда были сытыми, чистыми и ухоженными. Не забывали супруги и сына Юлия от первого брака, Марка. Регулярно приглашали его в гости, на праздники и дни рождения дарили подарки. Не часто, но звонили и писали письма в Канаду Лаукартам, сообщая им новости, так как знали, что в новой стране и обстановке им не хватает весточки с Родины. За добросовестное отношение к работе в отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков Шуре было присвоено звание младшего

лейтенанта милиции. Естественно, увеличилась зарплата и добавились некоторые льготы, предусмотренные для офицеров. Юлий добросовестно относился к своей депутатской нагрузке, встречался с избирателями, должностными лицами города и в меру своих возможностей помогал людям, оказавшим ему доверие на выборах. Не стеснялся встречаться с руководителями силовых структур города, высказывая им замечания и пожелания избирателей по повышению эффективности деятельности стражей правопорядка. Вот так бывший диссидент в СССР стал депутатом и общественником в новой России.

Дед Семён и Федя Гопырянские

Бизнес Феде сложился на удивление хорошо. Он вовремя почувствовал изменение ситуации на автомобильном рынке города. Работники шахт стали покупать полученные по бартеру за уголь подержанные иномарки из Японии и европейских стран. Федя с работниками своей автомастерской изучил теоретически и практически особенности устройства двигателей и подвески иномарок, «поведения» кузовных деталей при их деформации и восстановлении. Словом, у Феде появились неплохие оборотные средства. Он прикинул, что почём, и решил купить двухкомнатную квартиру на первом этаже, оборудовав там помещение под парикмахерскую с мужским и женским залом, назвав её «Афродита». Приобрёл в парикмахерский салон горизонтальный солярий, зная об увлечении определённой части женщин шоколадным загаром. Принял хороших мастеров с приятной внешностью, отправил их на курсы парикмахерского мастерства в Новосибирск. Дал в газетах, по радио и телевизору хорошую рекламу и сформировал постоянную клиентскую базу. Стоимость услуг

ненамного отличалась от других парикмахерских, но уровень внимания и обслуживания посетителей был выше, и народ, что называется, потянулся. Федя женился на выпускнице среднего медицинского учебного заведения, имеющей родственников в Австралии. Деньги от автомастерской и парикмахерской пошли неплохие. Федя и его супруга хорошо приоделись, купили квартиру и иномарку. Стали посещать тусовки бизнесменов и предпринимателей шахтёрского городка. Вскоре в их семье появилось пополнение. Дед Семён, видя, что внук твёрдо встал на ноги на ниве предпринимательства и в семейной жизни, бросил работу в автомастерской внука и всё время проводил в русской православной церкви, исполняя обязанности старосты прихода. Всё хозяйство церкви находилось в ведении деда Семёна. Он следил за работой дворника, уборщицы, сторожа. Консультировал водителя церковной «Волги», и машина работала, как часы. Всегда находилась в хорошем техническом состоянии, чисто вымыта и отполирована. Настоятелю церкви и другим священникам было не зазорно передвигаться по городу на таком авто. И вообще они были довольны исполнением функций главного хозяйственника прихода Семёном Гопырянским. Кроме того, дед Семён заключил паритетное соглашение с руководителями местных протестантских религиозных обществ: свидетелей Иеговы, евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов о недопустимости переманивания друг у друга прихожан, а также распространения на территории РПЦ их религиозно-просветительских материалов.

Видя увлечение отдельной части молодёжи спиртными напитками, наркоманией, игрой в игральные салоны и беспорядочными интимными связями, дед Семён в молитвах благодарил Бога, что его внук Федя пошёл по

иной стезе, став честным и трудолюбивым предпринимателем.

Вадим Кашин

Вадик Кашин, бывший «Самогон», а теперь «Блэк» съехал в областной центр, став «крутым» байкером. Руководитель байкерского объединения устроил его в свою фирму охранником, помог снять комнату гостиничного типа в 16 квадратных метров. Посетителям офиса фирмы импонировал худощавый, русоволосый, подтянутый охранничек, вежливый и аккуратный в хорошо сидящей чёрной униформе. Судьба нашла для Вадика спутницу жизни из числа членов клуба байкеров и вместе они гоняли на своём раскрашенном мотоцикле «Кавасаки». Вадик изредка переписывался с Эдиком Лаукартом, а об операции «возмездие» вскоре забыл и не старался её вспоминать, как кошмарный сон. Узнав, что у Эдика родилась дочь, Вадик и его спутница жизни собрали небольшую бандероль с детскими вещицами и красочной поздравительной открыткой, где розовенький, толстенький младенец купался в детской ванночке. Эдик и Полина были приятно удивлены подарком Вадика и в ответ послали его спутнице красивую коричневую кожаную курточку с такими же брючками, в которых она очень эффектно выглядела среди байкеров. Вадик со своей гражданской женой хоть и нечасто, но приезжали в шахтёрский городок, посещали автомастерскую, Федю Гопырянского и других работников. Проведали свою бабушку, сестру и племянницу, которую Вадик так чудесно спас от рук маньяка несколько лет назад.

Спустя год-полтора работы Кашина охранником в фирме руководителя байкерского сообщества, «босс» пригласил его к себе в кабинет. Сказал:

– Я тебя, Вадим, знаю с положительной стороны, как человека, так и байкера. Пора бы тебе профессионально расти. Давай поступай в какой-либо колледж, учишься. Окончишь курс-два, я тебя поставлю на более вышестоящую должность.

Вадик посоветовался со своей спутницей, куда ему поступать. Решили, что в колледж информатики и вычислительной техники. Так Кашин поступил на коммерческой основе в названный колледж. Сразу с начала обучения, учащимся давали практические знания пользования компьютером, азы составления программ, не говоря уже об умении хорошо печатать. Преподаватели колледжа, неплохие профессионалы, старались передать свои знания и практические навыки слушателям. Половину суммы за обучение своего работника в колледже оплачивала фирма, в которой трудился Кашин. В середине второго курса шеф пригласил Вадика на аудиенцию, и предложил должность заведующего складом и кладовщика в одном лице на склад строительных материалов. Вадик, конечно, согласился. Вскоре он освоил премудрости складской работы с ведением учёта на компьютере. Хорошо выучил ассортимент и назначение находящегося на складе товара. Мог профессионально говорить о достоинствах и недостатках того или иного стройматериала. Спустя некоторое время, у Вадика появилось прибавление в семействе. У его спутницы родился мальчик, назвали Георгием. Жена Вадика, естественно, окунулась в материнские обязанности, прекратила езду на мотоцикле и байкерские тусовки. Вадик помогал ей во возвращении сына, но хоть и пореже, на мотоцикле ездил... Его бабушка была рада, что внук «взялся за ум», хорошо пристроился в областном центре, завёл семью и родил сына. «Хорошо, что не сбился с пути,

а то смотри сколько у нас в России пьяниц, наркоманов и алиментчиков» – размышляла бабушка.

Эдик и Полина Лаукарт, узнав о прибавлении в семействе Кашина, оперативно отреагировали на это хорошее событие. Вскоре из Канады пришла большая посылка с набором детских вещей, начиная с трусиков и маечек, и кончая комбинезончиком с аппликацией симпатичной заячьей мордочки. Вадик пояснил своей спутнице:

– Вот, мол, что значит настоящая мужская дружба. Приятель из Канады подарил нашему Жоржику массу необходимых детских вещей.

– А где вы с ним сдружились, поди на малолетке? – спросила спутница.

– Да нет, в шахтёрском городке, где я работал в автомастерской. У него был «Москвич-412», так я помогал его ремонтировать, да ещё оказал некоторые житейские услуги, – ответил вновь испечённый папаша. – А сейчас в их семье в Ванкувере две японских легковых машины, хороший коттедж, двое детишек, – добавил Вадик.

Таким образом, Вадик, бывший «Самогон», стал добропорядочным работником строительной фирмы и семьянином, не забывая, впрочем, своего «хобби» – байкерства.

«Огурец»

Как упоминалось выше, Огурцов Евгений Иванович плотно «сел на иглу», контактируя и оказывая протекцию с помощью своих «пацанов» цыганскому барону Якову Безродному. На наркотики требовались немалые деньги. Вначале на дозы наркотика он тратил свои собственные «бабки», но их стало катастрофически не хватать, и «Огурец» стал брать из «общака». Однажды, взяв из жиганского общего фонда крупную сумму, съездил со

своей любовницей в Объединённые Арабские Эмираты. Став жить не «по понятиям», он не мог предполагать, к каким плачевным последствиям это приведёт. Положенец «Свинец», реальный кандидат в «воры в законе», от своих связей в шахтёрском городке стал получать информацию, что авторитет «Огурец» запускает руку в святая святых – «общак». «Не может этого быть» – вначале реагировал положенец. Но когда это же самое ему рассказал его хороший «кент» (товарищ), с которым они ранее отбывали срок в одной колонии, «Свинец» поверил рассказам жиганов. Пригласил к себе для консультации ближайшего помощника и сподвижника Рафика Шамсутдинова, по кличке «Шницель». Рафик, выходец из бедной татарской семьи, рано начал воровать, чтобы иметь деньги на питание и для помощи своим братьям и сёстрам. Отец Рафика, проходчик, погиб в шахте, и мать одна «тянула» своё многочисленное семейство. Кличку «Шницель» Рафик получил ещё в детстве, когда голубой его мечтой было съесть шницель с жареным картофелем в столовой или кафе. Красочное фото этого блюда, Рафик увидел, будучи в гостях у своего одноклассника, в «Книге о вкусной и здоровой пище», изданной в шестидесятых годах под патронажем министра А.И. Микояна. В своей же семье, Рафик ничего, кроме варёной картошки и несладкой пшенной каши, не ел. Окончив кое-как семь классов школы, Рафик попал за драку в ВТК («малолетка»), а, затем, уже за кражу – во взрослую колонию («взросляк»). В этой колонии ему довелось отбывать наказание с пожилым мужчиной, хорошо знавшим воровские традиции и понятия. Выйдя на свободу, Рафик хорошо знал, как вести себя в кругу жиганов, как относиться к «беспредельщикам», насильникам, убийцам женщин, а, особенно, детей,

«стукачам-сукам», а, также, посягающим на воровской «общак». В третьей своей ходке за грабёж, «Шницель» уже сам давал уроки «по понятиям» молодым зекам. Своим поведением среди осуждённых и независимым отношением с администрацией колонии приобрёл солидный жиганский вес, хотя сам был тщедушным человеком.

Описав ситуацию в жиганском братстве шахтёрского городка, «Свинца» поинтересовался мнением Рафика, что делать с авторитетом «Огурцом».

– Если это всё правда, безо всякой «накрутки», – после некоторого раздумья, ответил «Шницель», – то «Огурца» надо гнать в шею от наших «пацанов». Потому что дурной пример заразителен, и «Огурец» может принести большой вред нашей «прикентовке» (сообществу). Ведь «пацаны», видя, как шикает на общие деньги авторитет, могут последовать его примеру, а самое главное – усомниться в святости жиганских понятий, что гораздо страшнее. А ещё, не дай Бог, если с подачи милиции, какой-нибудь журналист распишет это в газете или расскажет по радио.

– Согласен с тобой, – отреагировал положенец. – Будем удалять «Огурца» от наших «пацанов» в шахтёрском городке. Возьмёшь с собой двух крепких «быков», и не откладывая в долгий ящик, езжай туда. Встретишься с жиганами, с кем сочтёшь нужным, я тебе дам «маляву» (послание). Расскажешь моё мнение об этом «пидоре» и прекращении всяких контактов с ним. Затем уже поговоришь по-нашему с «Огурцом» и выскажешь моё решение. Если «полезет в пузырь», он же бывший боксёр – обломайте рога.

Получив полномочия от положенца, «Шницель» взял с собой двоих крепких ребят из числа борцов-вольников и поехал в шахтёрский город. Встретился с авторитетными

«пацанами», другими представителями криминала. Рассказал о нарушениях «Огурцом» жиганских понятий и решении положенца «Свинца», а, также, других «солидных» воров, отрешить его от жиганского братства. Для пушей убедительности, кому необходимо, «Шницель» показывал имеющуюся у него «маляву». После этого, за городом, он встретился с самим нарушителем традиций и передал ему вердикт «Свинца» и других вышестоящих авторитетов об отрешении его от жиганского сообщества. «Огурец» был потрясён и очень расстроен. Он готов был разорвать тщедушного татарина с серым измождённым лицом, подстриженного под полубокс, с большим крестом на золотой цепочке. Правда, просил не изгонять его из жиганского братства, говоря, что искупит свою вину перед «пацанами» и возвратит все взятые из «общака» деньги.

– Нет, решение наше окончательное. Если ты однажды обос...я, то веры тебе нет никакой. Пожалуйста, покупай «ляпки» на свои деньги и вози любовницу за границу тоже за свой счёт. Ты же знаешь, какая обстановка в лагерях, и как «братве» нужен «подогрев». А ты чего удумал и натворил...

«Огурец», видя, как двое лысых «быков» стояли позади «Шницеля» со скрещенными на груди руками, не стал задираться и принял своё отрешение от криминального мира шахтёрского городка, покинув место встречи, как «побитая собака». Вдогонку татарин сказал:

– Не вздумай в других городах лезть к нашим «пацанам», а то будет хуже, наткнешься на «пику» или штык. Ты понял меня?

«Огурец» молча воспринял рекомендацию «Шницеля».

После этого, его жизнь пошла резко вниз. Денег на хорошие наркотики не хватало. Вначале, он продал машину,

потом дом. Начал употреблять для кайфа разную дрянь. Вокруг него создался некий вакуум, «пацаны» шарахались от него, как от прокаженного. «Огурец» связался с «бичами и «бомжами». Перешел жить в общагу, питался очень плохо. Промышлял мелкими кражами из уличных лотков, сбором и сдачей стеклопосуды. Неоднократно был бит при поимке с поличным во время кражи товара. Перестал следить за собой и опустился. Его прежний лоск и самоуверенность сошли к нулю. От прежнего криминального авторитета «Огурца» от него ничего не осталось, кроме клички.

Константин Шупиков

Константин Шупиков, получив в городском отделении ФСБ воинское звание «майор» был переведён в областное Управление. Там он тоже зарекомендовал себя с положительной стороны, регулярно получая положительные результаты на своём участке работы. Его опыт, приобретённый в городском подразделении, где приходилось заниматься многими проблемами, во многом помог ему в работе в областном аппарате. Руководство оценило перспективного и работающего опера и вскоре его назначили заместителем начальника одного из важных структурных отделов Управления. Побывал в командировке в Чеченской республике, получил боевую медаль. Женился на преподавательнице одного из ВУЗов. Вскоре у супругов родился сын, а через полтора года – дочь.

Конечно, как у ищущего и опытного оперработника у Константина возникло немало вопросов, касающихся деятельности органов госбезопасности в различные периоды существования государства, в т.ч. и послеперестроечное время. Как-то в «Интернете» он нашёл список руководящего состава ВЧК-ОГПУ-НКВД как территориальных

подразделений, так и иностранного отдела (разведки). Очень был удивлён, что более девяносто процентов руководителей были евреями. Почему так, – думал он, что в стране, где еврейского населения было не более полутора процентов, их представители занимали ключевые позиции, как в силовых структурах, так и в гражданских, начиная с правительства. Сделал вывод, что само по себе это произойти не могло, здесь действовала чья-то невидимая направляющая «рука», вероятно, членов международного общества «вольных каменщиков». «Великий вождь и учитель» Иосиф Сталин тоже, видимо, хотя и поздно, понял, в какую пучину ведут страну его еврейские соратники, и стал всеми путями от них избавляться. Таким образом, сами палачи превратились в жертв. Видимо, такая диалектика жизни, и сила действия равна силе противодействия... В последние несколько десятилетий, евреи выставляют себя обиженной и ущемлённой нацией, забывая, какой она была с семнадцатого по пятидесятые годы в СССР, и что натворили их представители, засевавшие в репрессивных органах.

Не мог Константин нормально воспринимать бывших сотрудников разведки и контрразведки КГБ, перебежавших за рубеж, которые, руководствуясь личными обидами и низменными мотивами, в погоне за дешевой популярностью, обливали грязью органы и страну (но это полбеды), а, самое главное – «сдавали» своих информаторов, что приводило к самым серьёзным и трагичным последствиям особенно это касается заграничных источников. Немало выданных заграничных агентов подверглись уголовному преследованию, получив длительные сроки лишения свободы. Особенно ему было непонятно, почему отставной генерал-майор ПГУ (разведка) КГБ

СССР с 1958 года сотрудничал со спецслужбами США, дошел до генеральского звания, избирался после увольнения из органов народным депутатом Верховного Совета РФ. Все его обоснованно подозревали в измене Родине в форме шпионажа, но, тем не менее, в 1993 году выпустили в США по рабочей визе, где он нанёс России ещё более серьёзный урон, нежели проживая у нас в стране. Видимо, здесь есть рука коррупции, но виноватых нет.

Болезненно переживал Константин, глядя, как в одной из передач по российскому телевидению, бывший сотрудник внешней разведки Гордиевский, сбежавший в Англию, рассуждает о демократических ценностях, выдавая себя ярким борцом против тоталитарного режима в СССР и поборником свободы и демократии. И тут же показывают выданную им супружескую пару нелегалов, получивших, благодаря ему, длительные тюремные сроки. А как относиться к московским сотрудникам ФСБ, бывших «в услужении» у еврейского олигарха Березовского?

Словом, вопросов было больше, чем ответов. Но Шупиков никому не навязывал своего мнения, хотя по каждой проблеме имел собственное суждение, зачастую отличающееся от общепринятого. Но Константин честно и добросовестно «тянул» лямку оперативного работника ФСБ, не получая для себя каких-либо выгод и преимуществ.

Шварцбаум И.М.

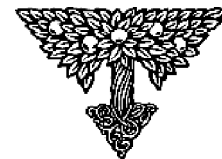
Шварцбаум Иосиф Маркович, оказавший в своё время протекцию Эдуарду Лаукарту в возвращении единой книжки мастера-взрывника, благополучно вошел в рыночный капитализм в России. Организовал свою ремонтно-строительную фирму переманив туда добросовестных и профессионально подготовленных работников с РСУ, которое он

ранее возглавлял. Его супруга, Ирина Абрамовна, ушла из муниципального лечебного учреждения и открыла частный стоматологический кабинет. Словом, еврейская семья неплохо приспособилась к изменениям экономической и социальной обстановки в Российской Федерации и извлекла, в конечном счёте, из неё материальную выгоду. Тут ничего не поделаешь, ведь всем известно о хорошей приспособляемости к обстоятельствам представителей этой национальности. Жили Шварцбаумы обеспеченно, бизнес шёл. Но в летние каникулы их дочь, студентка медицинского ВУЗа, съездила к родственникам в город Черновцы (Западная Украина). Там познакомилась с молодым человеком и сдружилась с ним. Молодого человека звали Давид, работал он зубным техником, окончил медучилище по специальности «зубопротезирование». Молодые люди сразу понравились друг другу, тем более Давид узнал, что родители его знакомой хорошо обеспеченные люди, а мамаша, к тому же, врач-стоматолог, собственница частного стоматологического кабинета. Спустя полгода, дочь объявила родителям, что выходит замуж, уезжает в Черновцы и переводится в местный институт. Ничего не поделаешь, мамаша с папашей согласилась. Ссудили свою дочь Софью солидной суммой денег и отпустили на Украину к Давиду. У него же родители проживали в Израиле, куда выехали несколько лет назад. В письмах и по телефону настоятельно приглашали к себе сына, говоря, что они уже пожилые люди и им скучно одним на новом месте. К тому же, жизнь и климат в Израиле гораздо лучше, чем в Черновицкой области. Тем более, в их «кибуце» (коммуне) нужны зубные техники. Давид долго колебался, потому что и в Черновцах жил неплохо. Но, в конце концов, с молодой женой Софьей съехали в «страну

обетованную». Затем уж письма и звонки из Израиля стали поступать супругам Шварцбаум в шахтёрский городок. Потом пришел вызов на ПМЖ. Иосиф Маркович и Ирина Абрамовна посоветовались и решили уехать за рубеж, рассуждая, что в России обстановка не очень стабильная, сегодня всё благоприятствует бизнесу и обогащению, а завтра начнётся экспроприация, и всё рухнет, как карточный домик. Стали активно оформлять документы на выезд, распродавать недвижимость и вещи. Всем говорили, что уезжают к дочери в Израиль. Слушатели воспринимали это известие спокойно, потому что после перестройки в России это стало обыденным явлением. Но, получив разрешение на выезд, до Израиля почему-то не доехали, а очутились в городе эмигрантов Нью-Йорке. «Большое Яблоко» (Нью-Йорк) встретил их вначале неприветливо. Эмигрантов там очень много, и каждый стремится устроиться получше, найти хорошо оплачиваемую работу. Но это удаётся далеко не всем, так как конкуренция очень сильная. После долгих поисков работы, Иосиф Маркович устроился младшим менеджером в одну из строительных фирм, а Ирина Абрамовна – медсестрой-ассистентом в стоматологическую клинику, несмотря на то, что в России была врачом высшей категории. Но то Россия, а тут Америка, и российские дипломы и звания здесь особо не котируются, да и врачей в Нью-Йорке хоть пруд пруди. Шестнадцатилетнего сына Лёню супруги устроили учиться на дизайнера в колледж.

Спустя два года, мужу Софьи Давиду пришла повестка на призыв в армию обороны Израиля. Но к тому времени, у супругов родился ребёнок, и он попросил отсрочку. Софья позвонила родителям в Нью-Йорк и рассказала ситуацию. Они, зная, что Израиль постоянно воюет с

арабами, и там часто происходят террористические акты, а, также, что с судьбой нельзя играть в рулетку, посоветовали дочери и зятю переезжать на жительство в США, поясняя, что здесь их никто не призовёт на армейскую службу, так как американская армия контрактная. Быстро оформили гостевые вызовы и переслали в Израиль. Давид, Софья и маленький внук въехали в Америку на три месяца, но обратно в Израиль уже не вернулись, получив вид на жительство в США. «Патриотизм патриотизмом, а жизнь дороже» – резонно рассуждали Давид и Софья, тем более что в Израиле обязательную воинскую повинность проходят не только мужчины, но и женщины, и от неё, в отличие от России, никак не «отмазаться». Жило семейство Шварцбаумов средне (мягко говоря), на жизнь хватало, но приходилось много работать. Но, тем не менее, в шахтёрский городок и Черновцы писали своим знакомым хвалебные письма о своей жизни в Штатах.

ЭПИЛОГ

Стоял тёплый майский денёк. Была суббота. Возле православной церкви шахтёрского городка собралось много народа. Намечался крестный ход по случаю прибытия в город мощей одного из древних и почитаемых русских святых. В толпе людей находились и некоторые герои нашей повести. С супругой Шурой и детьми стоял Юлий Карликов. Одет он был добротнo и аккуратно, как и подобает солидному преподавателю. Детишки были упитанными и ухоженными, глазели по сторонам. Шура чуть пополнила, но выглядела хорошо.

Недалеко от Карликовых стояли Константин Шупиков с супругой, приехавшие на выходные попроведовать престарелых родителей Константина. Опер профессиональным взглядом окидывал толпу, видя и оценивая расстановку постов милиции в форме и штатском, обеспечивающих общественную безопасность столь важного мероприятия.

На блестящей на солнце иномарке, к церкви подъехал Федя Гопырянский с супругой. Оба были красиво и дорого одеты. На супруге была серая юбка, белая кофточка и такого же цвета ветровка с надписью на спине большими чёрными буквами «Australia». Чета Гопырянских встала в скопление людей, ожидая начала крестного хода.

Возле церковной ограды «толкался» и «Огурец». Одет он был в ободранную коричневую кожаную куртку, зимние ботинки без шнурков и серые от грязи спортивные брюки. Весь заросший щетиной с длинными сосульками волосами. Он думал «сшибить» хоть

сколько-нибудь денег на «ляпку» или сигареты, зная, что собравшиеся люди в добром расположении духа и подадут ему на бедность. Тринадцати-четырнадцати-летние мальчишки, молодые волчата, оскорбляли «Огурца» последними словами, а отдельные из них, желая показать свою удаль, пинали его под зад. «Огурец» мычал что-то нечленораздельное и становился в боксёрскую стойку, вызывая смех и ещё большую агрессивность мальчишек.

Начался крестный ход. Во главе его шли священнослужители в парадном одеянии. Высокого роста, плотный, с окладистой бородой, дьякон нёс саркофаг с мощами святого. Следом за ними – авторитетные прихожане, в том числе староста церкви дед Семён Гопырянский. Одет он был в чёрный, практически новый, шевиотовый костюм, белую нейлоновую рубашку с чёрным клеёнчатым галстуком. На ногах – новые кожаные старомодные туфли и коричневые синтетические полосатые носки. Всему ему костюму было минимум лет тридцать, но состояние его идеальное, так как одевался только по большим праздникам и торжествам. Дед Семён нёс в руках хоругвь, смотря в небо. Весь его вид показывал значимость и торжественность крестного хода.

Присутствующие люди внимательно смотрели на нестройные ряды верующих, видя, с каким воодушевлением они относятся к столь важному церковному мероприятию. Многие в толпе осеняли себя крестным знаменем. Каждый думал о своём, но все в душе просили у Бога счастья и благополучия в разных интерпретациях. Только дети с весёлым любопытством созерцали на идущих пожилых мужчин с бородами и

женщин в платочках. Совсем уж маленькие чада смиренно сидели на руках мам, как птенчики.

«Коль скоро в России возрождается духовность, то жизнь обязательно будет улучшаться» – примерно в таком контексте размышляли присутствующие.

А солнышко продолжало светить и пригревать, улучшая настроение граждан шахтёрского городка, толпой стоящих возле церкви...

Конец

Содержание

<i>Об авторе</i>	3
Диссидент Юлий Карликов	5
Опер Константин Шупиков	28
Другие персонажи (С. Ткаченко, Э. Лаукарт, Ф. Гопырянский и др.)	41
Чёрная полоса жизни	82
Трудовые будни опера	100
Становление маньяка	130
Последнее преступление маньяка	157
Вадик Кашин по кличке «Самогон»	175
Дальнейшая судьба героев повествования	236
Эпилог	252

С.Ю. Туманов

ШАМАН ПРОТИВ МАНЬЯКА

Лицензия №

Сдано в набор . Подписано к печати .

Заказ № . Формат . Тираж экз.

Гарнитура «Times New Roman».

Печать офсетная. Усл. печ. л. .